

ISSN 2524-0668

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия В

Экономика и право

3 / 2024

Редакционная коллегия серии В (экономика и право)

Главный редактор – д-р экон. наук, проф. **В. В. Краснова**

Зам. главного редактора – д-р экон. наук, проф. **В. Н. Сердюк**

Ответственный секретарь – канд. экон. наук, доц. **А. А. Кужелева**

Члены редколлегии: д-р экон. наук, проф. **Н. А. Балтачеева**; д-р юрид. наук, проф. **Н. В. Барбашова**; д-р экон. наук, доц. **Л. Л. Бунтовская**; д-р экон. наук, доц. **Т. В. Воронина**; д-р экон. наук, проф. **Л. И. Дмитриченко**; д-р экон. наук, проф. **П. В. Егоров**; д-р экон. наук, доц. **Т. В. Ибрагимхалилова**; д-р юрид. наук, проф. **Ю. А. Крохина**; д-р юрид. наук, проф. **С. В. Лихачёв**; д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф. **М. Г. Никитина**; д-р экон. наук, доц. **О. Л. Некрасова**; д-р экон. наук, д-р юрид. наук, проф. **П. В. Павлов**; д-р экон. наук, доц. **А. В. Половян**; д-р экон. наук, доц. **Ю. Н. Полшков**; д-р экон. наук, проф. **С. В. Салита**; д-р экон. наук, проф. **О. С. Сухарев**; д-р юрид. наук, доц. **Е. М. Сыськова**; д-р экон. наук, проф. **Ю. И. Трешевский**; д-р экон. наук, проф. **А. М. Чаусовский**; д-р экон. наук, проф. **Е.С. Шилец**; д-р экон. наук, проф. **А. Г. Шеломенцев**.

The Editorial Board of the Series C (economics and law)

The Editor-in-Chief – dr. of econ., prof. **V. V. Krasnova**

The Deputy of the Editor-in-Chief – dr. of econ., prof. **V. N. Serdyuk**

Executive Secretary – cand. of econ., docent **A. A. Kuzheleva**

The Members of the Editorial Board: dr. of econ., prof. **N. A. Baltacheeva**; dr. jurid. sciences, prof. **N. V. Barbashova**; dr. of econ., docent **L. L. Buntovskaya**; dr. of econ., docent **T. V. Voronina**; dr. of econ., prof. **L. I. Dmitrichenko**; dr. of econ., prof. **P. V. Egorov**; dr. of econ., docent **T. V. Ibragimkhalilova**; dr. jurid. sciences, prof. **Yu. A. Krokhina**; dr. jurid. sciences, prof. **S. V. Likhachev**; dr. of econ., dr. of geogr. sciences, prof. **M. G. Nikitina**; dr. of econ., docent **O. L. Nekrasova**; dr. of econ., dr. jurid. sciences, prof. **P. V. Pavlov**; dr. of econ., docent **A.V. Polovyuan**; dr. of economics, docent **Yu. N. Polshkov**; dr. of econ., prof. **S. V. Salita**; dr. of econ., prof. **O. S. Sukharev**; dr. jurid. Sciences, docent **E. M. Synkov**; dr. of econ., prof. **Yu. I. Treshevsky**; dr. of econ., prof. **A. M. Chausovsky**; dr. of econ., prof. **E. S. Shilets**; dr. of econ., prof. **A. G. Shelomentsev**.

Адрес редакции: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
ул. Университетская, 24
283001, г. Донецк

Тел: +7 (856) 302-92-56, 302-09-71

E-mail: fcl.ef@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/ec>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук от 25.06.2024 г., на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 5.2.1. Экономическая теория; 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика; 5.2.4. Финансы; 5.2.5. Мировая экономика; 5.2.6. Менеджмент; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право» включен в базу **РИНЦ** (№ 510-09/2016 от 29.09.2016 г.).

*Печатается по решению Ученого совета
ФГБОУ ВО «ДонГУ»
Протокол № 12 от 05.11.24 г.*

Беспятая М. Н. Влияние социальных сетей на поведение потребителей	3
Вертиль Н. Н. Анализ внедрения цифровых технологий в Российской Федерации	11
Горбань С. Н. Оценка результатов хозяйственной деятельности как фактор эффективности экономики	18
Дубель В. М. Влияние географического фактора на устойчивое развитие	25
Ибрагимхалилова Т. В., Овчиникова К. О. Реформирование труда в новых условиях цифровизации экономики в регионах России	34
Каменева Н. В., Возиянова Е. А. Экономико-правовая специфика рынков цифровых товаров и информационный маркетинг	43
Малюта К. С. Формирование и развитие теории конкуренции, ее эволюция в теории экономической мысли	54
Половян А. В., Ялунер А. Ф. Управление предприятием на основе применения технологий больших данных и блокчейн	62
Полшков Ю. Н., Маевский А. И. Аналитический инструментарий оценивания эффективности управления развитием бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности	70
Стрелина Е. Н., Талах Н. Д. Анализ тенденций развития инвестиционно-инновационной деятельности предприятий сельского хозяйства Краснодарского края и Ростовской области	80
Су Ц. Цели, результаты и перспективы развития искусственного интеллекта в экономике Китая	89
Терентьева М. Ю. Прикладные аспекты инвестиционно-инновационного развития экономики высокотехнологичной отрасли промышленности (на примере станкостроения и инструменталоиндустрии Российской Федерации)	99
Фомина М. В., Приходько В. В. Социальная стратификация в контексте политэкономических исследований	108
Шабалина Л. В., Шпинёва В. В. Международное промышленное сотрудничество: опыт стран БРИКС	120
Шавкун Г. А., Черноволова А. А. Цифровая экономика как фактор обеспечения экономического подъема России в условиях внешних шоков	133
Юрова Н. В., Орлова А. В. Международное женское предпринимательство: теоретические основы	144
Шульга Р. Р., Цопа О. А. Особенности правосубъектности государства и других публично-правовых образований в российском законодательстве: баланс публичных и частных интересов	158

Series C. Economics and Law

№ 3, 2024

Bespiataya M. N. The impact of social media on consumer behavior	3
Vertil N. N. Analysis of the implementation of digital technologies in the Russian Federation	11
Gorban S. N. Assessment of the results of economic activity as a factor of economic efficiency	18
Dubel V. M. Influence of geographical factor on sustainable development	25
Ibragimkhalilova T. V., Ovchinikova K. O. Labor reform in the new conditions of digitalization of the economy in the regions of Russia	34
Kameneva N. V., Voziyanova E. A. Legal and economic background of digital goods markets	43
Malyuta K. S. Formation and development of the theory of competition, its evolution in the theory of economic thought	54
Polovyan A. V., Yaluner A. F. Enterprise management based on the use of big data and blockchain technologies	62
Polshkov Yu. N., Mayevsky A. I. Analytical tools for assessing the effectiveness of business process development management in the mechanical engineering industry	70
Strelina E. N., Talah N. D. Analysis of trends in the development of investment and innovation activities of agricultural enterprises of the Krasnodar Territory and the Rostov region	80
Su Q. Goals, results and prospects for the development of artificial intelligence in the Chinese economy	89
Terentyeva M. Yu. Applied aspects of investment and innovative development of economy of high-tech industry (using example of machines and tools branch of Russian Federation)	99
Fomina M. V., Prikhodko V. V. Social Stratification in the Context of Political Economy Research	108
Shabalina L. V., Spineva V. V. International industrial cooperation: the experience of the BRICS countries	120
Shavkun G. A., Chernovolova A. A. The digital economy as a factor in ensuring Russia's economic recovery in the face of external shocks	133
Yurova N. V., Orlova A. V. International women's entrepreneurship: theoretical foundations	144
Shulga R. R., Tsopa O. A. Features of the legal personality of the state and other public-legal entities in Russian legislation: balance of public and private interests	158

ЭКОНОМИКА

УДК 339.138

DOI 10.5281/zenodo.14284010

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ПОВЕДЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

© 2024. М. Н. Беспятая

Социальные сети, веб-сайты, мобильные приложения, видеопорталы, блоги и другие каналы могут оказывать значительное влияние на процесс принятия потребителем решения о покупке. Целью является изучение ключевых факторов, влияющих на поведение потребителей в социальных сетях. Социальные сети и другие онлайн-платформы играют важную роль в современных маркетинговых коммуникациях. При этом поведение потребителей после покупки можно отслеживать с помощью онлайн-платформ, что может стать толчком к действиям как для существующих, так и для потенциальных потребителей. Сделан вывод о том, что поведение потребителей в Интернете имеет решающее значение для поддержания конкурентоспособности на современных потребительских рынках.

Ключевые слова: поведение потребителей, социальные сети, маркетинговые коммуникации, онлайн платформы, принятие решения.

Постановка проблемы. Изучение поведения потребителей представляет собой многостороннюю и сложную проблему, которая включает в себя множество аспектов, таких как культурные особенности, субкультурная среда, социальные, экономические, демографические, географические, правовые факторы и т. д. Помимо прочего, психология является одним из основных факторов, формирующих поведение потребителей как в Интернете, так и в плане действий, предпринимаемых на этапах совершения покупки. Несмотря на широкие возможности цифровых технологий для отслеживания и анализа поведения потребителей в Интернете, невозможно точно предсказать их действия. Этот процесс полон неожиданностей, поскольку часто поведение основано на иррациональных и подсознательных факторах.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы использования и влияния социальных сетей на поведение потребителя отражены в трудах отечественных и зарубежных ученых. А. Едакин определил ключевую особенность, классификацию и виды социальных медиа [1]. Абдуллаева Р. А., Шахов Л. М. выделяют новые интернет-площадки для творчества и саморазвития, возможности для общения и обмена информацией [2]. Филонова А. С. рассматривает вопросы, связанные с анализом факторов внешнего и внутреннего влияния на потребителей, поведенческих реакций покупателей товаров и услуг, построения партнерских отношений с потребителями [3]. Логинова Ю. В. на основе анализа поведения интернет-потребителей определяет направления совершенствования моделей поведения потребителей [4].

А. В. Salvador и А. А. Ikeda отмечают, что в области маркетинга использование больших данных в исследованиях может привести к глубокому пониманию потребителей. Авторы обсуждают использование больших данных в маркетинговой информационной системе и оценивают их вклад в принятие решений потребителями

[5]. P. Shweta и S. B. Swati акцентируют внимание на том, что люди в обществе делятся своими мыслями и предпочтениями в социальных сетях, и у маркетологов есть возможность анализировать данные социальных сетей. Аналитика социальных сетей используется для повышения точности, производительности и масштабируемости, поскольку социальные сети развиваются очень быстрыми темпами [6].

Выделение нерешённых проблем. Сегодня цифровые технологии позволяют обрабатывать большие объёмы данных о поведении потребителей, но, тем не менее, трудно предсказать поведение аудитории. Потребитель стал активным человеком, у которого есть возможность распространять негативную или позитивную информацию о бренде онлайн. Это может сильно повлиять на репутацию бренда и, как следствие, на его материальные активы. Следовательно, маркетинговая коммуникация в Интернете является не двусторонней (от бизнеса к потребителю), а многосторонней, когда потребители общаются не только с компаниями, но и друг с другом. Такие условия создают необходимость в управлении маркетинговыми коммуникациями, обладающими высокой адаптивностью к постоянно меняющейся среде.

Целью работы является изучение особенностей потребительского поведения под влиянием социальных сетей.

Объектом исследования являются поведение потребителя и процесс решения о покупке.

Предметом исследования являются методы и подходы влияния социальных сетей на поведение потребителей.

Материалы и методы исследования. Информационной основой исследования послужили прикладные научные труды отечественных и зарубежных ученых, социологов и маркетологов, посвящённые проблемам потребительского поведения. В исследовании использовались общие методы научного познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение.

Результаты исследования. Наиболее распространенный вид социальных медиа – это социальные сети, которые могут задействоваться как инструмент для продаж различных продуктов и для привлечения покупателей [1]. Активные пользователи социальных сетей – это люди, способные формировать отношение и поведение широкой аудитории. Их можно назвать «пользователями сети», то есть людьми, которые активно участвуют в развитии Сети в режиме онлайн. Они понимают ценность коллективной работы и аспекты общественных коммуникаций. Часто на принятие решений о покупке влияют мнения других членов сообщества, а не рекламное сообщение бренда. Следовательно, пользователи Сети – это люди, которые должны рассматриваться брендами как одна из основных целевых групп для формирования благоприятного поведения потребителей для достижения масштабных маркетинговых целей в долгосрочной перспективе.

При использовании механизмов влияния на поведение потребителей, первоначально необходимо выявить факторы, побуждающие потребителя покупать продукт и становиться его защитником в онлайн и / или физическом мире. Затем, основываясь на конкретных мотивационных факторах, компания сможет запустить онлайн-кампанию, которая может включать рекламу, стимулирование продаж или другие виды маркетинговой деятельности.

Как и само поведение, мотивация также является сложной проблемой. Для выявления мотивации и достижения высокого уровня влияния на целевую аудиторию необходимо собирать и обрабатывать аналитические данные о ней. Аналитика в онлайн-среде включает в себя большое количество действий, которые совершают

потребители. Например, время, проведенное на веб-сайте; путь к кликам на веб-сайте; источники трафика; действия, предпринятые в социальных сетях; данные о местоположении; типы устройств; демографические данные, время просмотра видеопорталов и многое другое.

Инструменты социальных сетей и специализированное аналитическое программное обеспечение могут предоставить информацию обо всех аспектах поведения аудитории. Анализируя различные особенности поведения потребителей в различных точках соприкосновения онлайн-платформ, можно принять ряд маркетинговых решений: стиль коммуникации, стратегию позиционирования, выбор конкретных сегментов аудитории, варианты таргетинга, персонализацию продукта, услуги или рекламы и т.д.

При этом следует учитывать, что поток информации из многочисленных источников создает необходимость обработки большого объема разнообразной информации. С развитием Интернета и увеличением числа виртуальных сообществ изучение поведения в сети стало одновременно и возможностью, и необходимостью [5, с. 80].

Компания с правильно организованной стратегией анализа данных обладает ценным активом, который может быть преобразован в материальные ценности, такие как рост выручки, прибыли, доли рынка и т.д. Однако эти результаты не могут быть достигнуты без сильных рычагов воздействия на поведение потребителей, как индивидуально, так и в комплексе. Методология аналитики и обработка больших объемов данных являются наиболее важными предпосылками для выявления различных особенностей поведения потребителей. Поскольку социальные сети являются одной из наиболее распространенных платформ для онлайн-взаимодействия между потребителями и компаниями, возникает необходимость их исследования как источника информации о поведении потребителей.

Данные о социальных сетях представляют собой первичную информацию, собранную в результате активности отдельных пользователей в социальных сетях. Эти данные позволяют отслеживать, как люди используют контент или каналы, такие как ВКонтакте, Одноклассники и Telegram. В них собраны цифры, процентные соотношения и статистика, на основе которых можно оценить эффективность стратегии бренда в социальных сетях. Однако, лучше всего рассматривать социальные сети как источник необработанных данных, которые включают в себя такие показатели, как публикации, лайки, конверсии, комментарии, упоминания и т.д. [6, с. 262].

Кроме того, социальные сети – это среда, в которой могут происходить все этапы процесса покупки: от осознания потребности до поиска информации, оценки альтернатив, принятия решения о покупке и демонстрации поведения после покупки. Последний этап – поведение после покупки может стать одним из ключевых факторов дальнейшего успеха маркетинговой кампании, поскольку оно может повлиять на потенциальных потребителей.

Платформы социальных сетей предоставляют широкие возможности для анализа различных аспектов поведения аудитории. Эти инструменты часто интегрированы с платформами. Аналитика в социальных сетях предоставляет множество возможностей для мониторинга мнений потребителей и влияния на них. Одной из наиболее важных возможностей, предоставляемых социальными сетями, является управление репутацией в Интернете. Аудитория социальных сетей показывает, кто говорит о продуктах и услугах компании в социальных сетях. Понимание аудитории является ключом к тому, чтобы «поместить» эти мнения в правильный контекст. Неправильное

управление репутационными рисками может подорвать всю маркетинговую стратегию и впоследствии нанести ущерб репутации бренда.

Влияние на поведение аудитории невозможно без надлежащей сегментации. Пользователи социальных сетей и других онлайн-платформ предоставляют большое количество персональных данных, которые включают демографию, семейное положение, интересы, поведенческие особенности, географические данные, привычки использования устройств и т.д. Анализ этих данных может дать возможность детально сегментировать аудиторию, что значительно повышает вероятность донести до нужного потребителя нужное сообщение в нужное время и в нужном месте, избегая напрасных затрат. Таргетинг на сегментированную аудиторию гораздо эффективнее, чем выбор аудитории без установления конкретных критериев. Исследование, проведенное Harvard Business, показало, что в США 85% из 30000 запусков новых продуктов потерпели неудачу из-за плохой сегментации рынка. И наоборот, отмечается увеличение доходов от рассылки по электронной почте на 760% за счет сегментирования кампаний [7].

Аналитика в социальных сетях дает возможность отслеживать и контролировать воронку покупок, где за осознанием следуют обдумывание и действия, без резкого снижения числа потребителей после каждого этапа. Использование аналитической методологии в социальных сетях и других онлайн-платформах позволяет эффективно влиять на поведение потребителей.

Подымая вопрос о поведении потребителей, на которое влияют онлайн-платформы, необходимо отметить, что оно состоит из нескольких этапов, а не из одного акта покупки. На ранних этапах развития маркетинга эта область часто называлась поведением покупателя, что отражает акцент на взаимодействии между потребителями и производителями в момент покупки. Сегодня поведение потребителя представляет собой непрерывный процесс [8]. Поэтому становится необходимым определение факторов, которые могут влиять на поведение потребителей как во время совершения покупки, так и в онлайн-среде.

Часто социальные сети воспринимаются потребителями как основной способ самовыражения. Пользователи социальных сетей с разной степенью интенсивности «позиционируют» себя в обществе, в котором они живут. Такое поведение может выражаться в демонстрации своего отношения к брендам и продуктам. В этом процессе потребители пытаются продемонстрировать свои лучшие качества, чтобы произвести впечатление на других членов сообщества, что можно объяснить влиянием подсознательных импульсов на поведение. На решения потребителя влияет целый ряд факторов, многие из которых находятся за пределами его осознания и контроля. Это означает, что, если определить, как формируется потребительское поведение, то полученные знания можно использовать для того, чтобы формировать поведение других людей [9]. С одной стороны, потребители склонны демонстрировать поведение, которое приносит им эмоциональное удовлетворение и удовольствие. С другой стороны, мотивация к действию может носить рациональный характер. Однако неправильно приписывать каждое поведение исключительно эмоциональным или рациональным факторам. Более того, часто поведение потребителей мотивируется сочетанием как эмоциональных, так и рациональных факторов. Соотношение между этими двумя факторами зависит от самого бренда, типа продукта, стратегии позиционирования и целевой аудитории. Эмоциональные факторы часто оказывают значительное влияние на поведение потребителей по сравнению с рациональными факторами. Покупки часто совершаются мгновенно и импульсивно, что обусловлено

относительно низкими ценами и заманчивыми рекламными акциями. Следовательно, конкурирующие бренды часто тратят финансовые средства, чтобы привлечь покупателей в свою сторону с помощью привлекательных маркетинговых коммуникаций [10, с. 95]. Следовательно, направление маркетинговых усилий на эмоциональное стимулирование потребителей может дать хорошие результаты в решении ряда маркетинговых задач.

Поведение потребителей онлайн и офлайн может существенно отличаться, это можно объяснить тем фактом, что в социальных сетях человек свободен от прямого взаимодействия с другими людьми, и обеспечен большей уверенностью. Взаимодействуя в физическом мире, человек подвергается прямому или косвенному давлению со стороны других людей. Такое влияние может быть как положительным, мотивирующим, так и отрицательным. Действия, совершаемые онлайн, основаны на желаниях потребителя и номинально свободны от внешнего вмешательства. Тем не менее, на эти желания, конечно же, часто влияет интернет-реклама, широкомасштабные маркетинговые кампании или мнения других потребителей.

Необходимо также обратить внимание на маркетинговую среду и культурные особенности. Культурная среда в значительной степени определяет типы стимулов, которые вызывают у потребителей тот или иной тип действий. Маркетинговые усилия должны быть дифференцированы в зависимости от культурных особенностей. Некоторые методы, которые успешно работают в одной культурной среде, могут быть не эффективными в другой культурной среде. С одной стороны, это утверждение очевидно и не нуждается в дополнительном подтверждении, но в социальных сетях границы рынков «размыты», что создает необходимость тщательного управления маркетинговыми коммуникациями, когда речь заходит о позиционировании продукта, которое может учитывать культурные особенности.

Маркетинговые коммуникации часто требуют индивидуального подхода, несмотря на культурную принадлежность. Особенно в условиях глобализации, когда кругозор человека не ограничивается какой-то одной конкретной культурной средой. Персонализация соответствует потребности человека быть узнаваемым. Этот эмоциональный фактор чрезвычайно важен в современных маркетинговых коммуникациях. Исследования показывают, что 63% потребителей крайне недовольны тем, как бренды продолжают постоянно использовать общие рекламные сообщения. Вместо этого клиенты хотят персонализации маркетинга. Согласно опросу Epsilon, в котором приняли участие 1000 потребителей в возрасте от 18 до 64 лет, 80% из них с большей вероятностью будут сотрудничать с компанией, предлагающей персонализированный продукт; 90% утверждают, что им нравится персонализация [11].

Социальные сети и другие онлайн-платформы позволяют модифицировать коммуникации в соответствии с потребностями каждого отдельного потребителя, будь то реклама, платформа управления взаимоотношениями с потребителями или инструменты стимулирования продаж. В результате уровень удовлетворенности потребителя повышается, что может принести положительные результаты, с точки зрения продаж, репутации, узнаваемости бренда или других материальных и нематериальных активов.

Людям присущи индивидуалистические устремления и конформистские наклонности. Этот психологический феномен необходимо учитывать при планировании маркетинговой кампании с использованием онлайн-платформ. Чем ниже индивидуалистическое восприятие потребителем маркетинговой деятельности, тем больше вероятность проявления конформистского поведения. В этом случае на

потребителей влияет не только реклама, но и другие факторы. Этому явлению в значительной степени способствуют социальные сети. Зависимость потребителей от социальных сетей повышает вероятность того, что поведение отдельного человека будет отражать поведение значительной части сообщества. Чем сильнее зависимость, тем больше вероятность того, что он подвергнется влиянию. Конечно, такое поведение может быть связано с брендами и продуктами. Есть категория потребителей, которые проявляют больше индивидуалистических качеств и избегают общепринятых норм и стереотипов. Однако здесь необходимо различать индивидуализм и антиконформизм. Некоторые потребители отказываются покупать товары, которые пользуются массовым потреблением и популярностью. Они хотят убедиться, что не являются частью общества, одержимого стереотипами и массово установленными нормами. Они антиконформисты. Что касается индивидуалистов, то они обладают независимым мышлением и вряд ли подвержены массовому влиянию. Эти особенности необходимо учитывать при внедрении продукта, проведении маркетинговой кампании, выборе целевой аудитории и поддержании связи с потребителями.

Еще одним вопросом, заслуживающим внимания, являются возрастные и гендерные различия. Каждая возрастная группа может по-разному вести себя как в онлайн-среде, так и при совершении покупок. Кроме того, женщины более активны на всех этапах совершения покупки, чем мужчины. Помимо вышеперечисленных, существует множество других психологических факторов, влияющих на поведение потребителей онлайн и офлайн. Все больше и больше людей обращаются к мнениям потребителей в Интернете из-за простоты доступа, низкой стоимости и широкой доступности информации. Рекомендации в социальных сетях рассматриваются как электронное сарафанное радио и более надежные источники информации по сравнению с рекламой и другой информацией, созданной маркетологами [12].

Электронное сарафанное радио в социальных сетях может оказать значительное влияние на бренд, как положительное, так и отрицательное. Маркетинговая кампания может повлечь за собой активные дискуссии среди потребителей. Эта особенность онлайн-аудитории может быть объяснена конформистскими наклонностями людей. Чем больше позитивных настроений по отношению к бренду или продукту, тем больше доверия он вызывает. Соответственно, поведение в таком случае пойдет на пользу бренду. То же самое относится и к негативным настроениям, которые могут еще больше распространиться по сети. В обоих случаях нейтральный потенциальный потребитель испытывает иррациональное доверие к обсуждениям и отзывам других потребителей. Маркетинговые стратегии и планы, которые включают социальные сети, должны быть максимально гибкими и адаптируемыми к меняющейся среде. Предсказать поведение аудитории в отношении распространения информации и мнений практически невозможно. Бренды не могут контролировать то, что о них говорят. Поэтому мониторинг комментариев и мнений пользователей социальных сетей имеет первостепенное значение для поддержания положительного влияния на существующих и потенциальных потребителей.

Еще одним способом повлиять на поведение потребителей в социальных сетях является политика управления взаимоотношениями с потребителями. Интеграция социальных сетей в инструменты управления взаимоотношениями с потребителями может принести брендам преимущества во многих аспектах.

Поведение потребителей как в онлайн-среде, так и во время совершения покупок может сильно зависеть от того, как брендам удастся удовлетворять потребности потребителей. Таким образом, сегодня управление взаимоотношениями с

потребителями в социальных сетях и других онлайн-платформах – это не просто процесс оказания помощи или информирования потребителей. Это гораздо более широкий процесс, включающий в себя различные аспекты интегрированных маркетинговых коммуникаций: связи с общественностью, стимулирование продаж, прямой маркетинг и даже рекламу. Правильное управление отношениями с потребителями в социальных сетях может принести ряд преимуществ.

Влияние на поведение потребителей является одной из основных целей в социальных сетях. Другим важным фактором, влияющим на поведение потребителей в социальных сетях, является пользовательский контент. Его можно определить как любой тип контента, который был создан и размещен там неоплачиваемыми авторами или, если использовать более точный термин, фанатами. Это могут быть фотографии, видео, отзывы, записи в блогах и все, что между ними, и это скорее действия пользователей, продвигающих бренд, а не сам бренд. С помощью пользовательского контента, размещаемого в социальных сетях, компании могут создавать и увеличивать узнаваемость бренда своих продуктов и / или услуг и, в конечном итоге, привлекать клиентов.

Выводы. Таким образом, поведение потребителей является чрезвычайно сложной проблемой. Управление маркетинговыми коммуникациями с использованием социальных сетей и других каналов онлайн-маркетинга требует высокого уровня адаптивности к быстро меняющейся среде. Для достижения стратегических и локальных маркетинговых целей необходимо выделить несколько ключевых моментов. Предсказать поведение аудитории в интернет-среде чрезвычайно сложно, а зачастую и невозможно. Следовательно, общение с потребителями на различных онлайн-платформах является предметом постоянной оптимизации. Несмотря на сложность прогнозирования поведения потребителей, разработка стратегии и планирование имеют первостепенное значение. Детальная сегментация, точный таргетинг и персонализация являются ключом к достижению высокого уровня влияния на поведение потребителей. Разработка долгосрочных маркетинговых стратегий и планирование краткосрочных маркетинговых кампаний должны основываться на подробных аналитических данных о целевой аудитории. Должным образом разработанная политика управления репутацией в Интернете является одним из условий предотвращения репутационных рисков. Маркетинговые кампании необходимо планировать с использованием различных платформ коммуникации, а не только одного канала, такого как социальные сети.

Перспектива дальнейших исследований заключается в разработке научно-методических подходов по оценке влияния социальных сетей на потребительские предпочтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Едакин А. Что такое социальные медиа и какое место в них занимают соцсети [Электронный ресурс] // SMMPanner – 2022 г. – Режим доступа: <https://smmplanner.com/blog/что-такое-социальные-медиа-какое-место-в-них-занимают-соцсети-razbiraiemsia/>.
2. Абдуллаева Р. А. Анализ влияния социальных сетей на жизнь современного общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 9-3. – С. 542-546; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7369> (дата обращения: 17.11.2024).
3. Филонова А. С. Поведение потребителей [Электронный ресурс]: учебник / А. С. Филонова. – Электрон, текстовые дан. (2,2 Мб). – СПб.: Научное издание, 2024. – 140 с.
4. Логинова Ю. В. Анализ моделей поведения потребителей в интернете. Bull. S.-Ru. St. Techn. Univ. (NPI). Soc. and Econ. Sci. [Интернет]. 23 декабрь 2012 г. [цитируется по 17 ноябрь 2024 г.]; (6):142-8. доступно на: <https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/445>
5. Salvador A.B. Big Data Usage in the Marketing Information System [Text] / A.B. Salvador,

- A.A. Ikeda // Journal of Data Analysis and Information Processing. – 2014. – № 2. – P. 77-85.
6. Shweta P. Social Media Analytics using Visualization / P. Shweta и S.B. Swati // International Journal of Scientific Research Engineering & Technology. – 2018. – Vol. 7. – № 4. – P. 260-267.
7. The Power of Market Segmentation and Why All Your Campaigns Need It [Электронный ресурс] // Instapage. – URL: <https://instapage.com/blog/market-segmentation/> (дата обращения: 09.10.2024).
8. Лысова Е.А. Поведение потребителей: содержание понятия, социально-экономическая сущность [Текст] / Е.А. Лысова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 4. – С. 21-27.
9. Малюк С.А. Потребительские предпочтения как фактор влияния на комплекс маркетинга хлебопекарного предприятия [Текст] / С.А. Малюк // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – №5-6. – С. 229-231.
10. Kotler P. Marketing 4.0 – moving from traditional to digital [Text] / P. Kotler, Н. Kartajaya, I. Setiawan. – New Jersey: Wiley & Sons Inc., Hoboken, 2017. – 208 p.
11. New Epsilon research indicates 80% of consumers are more likely to make a purchase when brands offer personalized experiences [Электронный ресурс] // Epsilon. – URL: <https://www.epsilon.com/us/about-us/pressroom/new-epsilon-research-indicates-80-of-consumers-are-more-likely-to-make-a-purchase-when-brands-offer-personalized-experiences> (дата обращения: 09.10.2024).
12. Лебедев Ю.В. «Сарафанное радио» как прием маркетинга, и его значение для малого бизнеса [Электронный ресурс] / Ю.В. Лебедев // Научные исследования. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sarafannoe-radio-kak-priem-marketinga-i-ego-znachenie-dlya-malogo-biznesa/viewer> (дата обращения: 09.10.2024).

Поступила в редакцию 21.09.2024 г.

THE IMPACT OF SOCIAL MEDIA ON CONSUMER BEHAVIOR

M. N. Bespiataya

Social networks, websites, mobile applications, video portals, blogs and other channels can have a significant impact on the consumer's purchase decision-making process. The aim is to study the key factors influencing consumer behavior on social media. Social networks and other online platforms play an important role in modern marketing communications. At the same time, consumer behavior after purchase can be monitored using online platforms, which can be an impetus for action for both existing and potential consumers. It is concluded that consumer behavior on the Internet is crucial for maintaining competitiveness in modern consumer markets.

Keywords: consumer behavior, social networks, marketing communications, online platforms, decision-making.

Беспятая Марина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и логистики
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк
marinad-28@mail.ru
+7-949-348-12-16

Bespiataya Marina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Donetsk State University, city Donetsk

УДК 338.45

DOI 10.5281/zenodo.14236139

АНАЛИЗ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2024. Н. Н. Вертиль

В работе рассмотрены особенности внедрения цифровых инструментов в РФ. На основе кластерного анализа определены регионы-лидеры и регионы аутсайдеры по внедрению цифровых инструментов. Также на основе корреляционно-регрессионного анализа определена взаимосвязь между внедрением цифровых инструментов и результатами деятельности организаций.

Ключевые слова: цифровые инструменты, регионы РФ, кластер, цифровизация, промышленность.

Постановка проблемы. Россия по площади занимает первое место в мире, по численности населения входит в первую десятку в мире, по большинству природных запасов также входит в первую пятерку. Также следует отметить высокий уровень охвата населения образованием, в том числе высшим (более 80%), также высокий показатель персонала, занятого исследованиями и разработками.

При этом по ВВП в расчете на одного занятого РФ занимает одно из последних мест в Европе. В 2022 году также наблюдалось снижение производительности труда. Удельный вес РФ в мировом объеме добавленной стоимости по производству вычислительной, электронной и оптической техники составляет 1,4 %, по производству электрооборудования – менее 0,8% [17].

В 2024 году, как и в предыдущие годы Всемирная организация интеллектуальной собственности представила 17-й выпуск Global Innovation Index 2024 (Глобального инновационного индекса). В нем представлены рейтинг 133 стран по уровню инновационного развития. Градация проводилась в рамках четырех групп. Лидерами общего рейтинга стали Швейцария, Швеция и США, они также возглавили и группу стран с высоким уровнем дохода. Индия, Вьетнам и Филиппины являются лидерами в группе стран с доходами ниже среднего. Российская Федерация была представлена в группе стран с доходами выше среднего, заняв в нем 13 место, а лидерами в данной группе стали Китай, Малайзия и Турция. В общем рейтинге Россия заняла 59 строчку, а в европейском регионе 33. Таким образом, можно констатировать, что несмотря на высокий потенциал, в настоящее время результирующие показатели остаются на низком уровне, что связано в том числе и с недостаточным внедрением цифровых технологий.

Актуальность темы исследования. Технологические достижения вызвали структурные изменения экономике. Это не обычные изменения, поскольку цифровые технологии можно характеризовать как трансцендентные технологии – как железные дороги в 19 веке и автомобили в 20 веке. Ожидается, что эта тенденция сохранится, а так называемая «новая экономика», движимая в основном информационными технологиями, может оказаться лишь начальной стадией гораздо более широкого расцвета технологического, делового и финансового творчества. При этом анализ литературных источников позволяет сделать вывод о том, что «новая экономика» – это есть стадия цифровой экономики [1-6].

Исследования области экономики расширили историческую перспективу,

включив в нее достаточно длительный временной интервал, чтобы включить переходы от одного технологического режима к другому.

С точки зрения тысячелетия, повышение уровня жизни является относительно недавним в истории человечества. В течение тысяч лет экономики мира испытывали незначительный, если вообще наблюдался, экономический рост. Только с девятнадцатого века наблюдалось существенное повышение уровня жизни, что связывают с быстрым ускорением технологических изменений. Большинство значимых технологических изменений, пережитых человечеством, произошли только за последние 200 лет. При этом до 1600 года между крупными технологическими достижениями проходили столетия, и распространение этих достижений продолжалось в течение нескольких тысячелетий. С точки зрения веков, историки экономики показывают нам, что важные технологические изменения в прошлом, такие как прядильные технологии и паровые машины в 1760-х годах, а также электричество и автомобиль в конце 1800-х годов, имели длительные периоды адаптации. Внедрение этих технологий изначально привело к снижению производительности и заработной платы, поскольку фирмы и рабочие научились использовать новые инновации. После того, как новые технологии распространялись по всему обществу, производительность и заработная плата росли более быстрыми темпами. То же самое может быть справедливо и для компьютеров. Замедление производительности в 1970-х годах, которое сохранялось в течение 1980-х и начала 1990-х годов, может быть связано с тем, что общество приняло новые информационные технологии. Если это так, то недавний рост производительности может быть началом долгосрочной тенденции, которая в конечном итоге приведет к высоким зарплатам и уровню жизни.

Однако, несмотря на, казалось бы, очевидные преимущества «новой экономики», с середины 1970-х годов наблюдался лишь незначительный рост измеряемой производительности. Это явление назвали парадоксом производительности или «парадоксом Солоу». Однако необходимо отметить наличие следующих экономических тенденций.

Огромные инвестиции в компьютерное оборудование (со скоростью более 20% в год за последнее десятилетие) привели к появлению новых продуктов, новых методов производства (новых «возможностей») и новых технологических достижений. Распространение этих продуктов за пределами первоначального назначения новой технологии привело к значительным «переливным» эффектам. Это в корне изменило структуру экономики, что дает потенциал для социально-экономического роста. Однако из-за изменения базовой структуры трудно измерить изменения в производительности.

Рост «сетей» (результат того, как технологии изменили способ общения) изменил основные производственные основы. Инвестиции одной фирмы в технологии сами по себе имеют очень малую ценность. Их стоимость зависит от инвестиций потребителей и других фирм в новую «сетевую экономику». По сути, это «обратная сторона закона убывающей доходности», в результате чего «дефицит больше не является определяющим фактором стоимости».

Также следует отметить, что недавние технологические изменения могут не оказать такого же влияния в двадцать первом веке, как в восемнадцатом и девятнадцатом. Для того, чтобы технологии повысили нашу производительность, темпы технологического прогресса должны быть выше, чем в прошлом. По мере роста экономики требуется все большее количество новых технологий только для того, чтобы поддерживать постоянный темп роста производительности.

Анализ последних исследований. Процессы цифровизации давно и прочно вошли в нашу повседневную и профессиональную жизнь. Нашли они свое отражение и в научных исследованиях, в том числе экономистов. Вопросам формирования и развития цифровизации посвящены многочисленные исследования как отечественных, так и зарубежных ученых. В этом ряду необходимо выделить труды: Д. К. Гэлбрейта [10], Э. Тоффлера [19], Д. Белла [8], С. Д. Бодрунова [9], А. Е. Конькова [12], И. В. Понкина [14], Л. М. Гохберга [7], К. Шваба [23], В. Е. Дементьева [11], Е. Б. Ленчук [12], В. Г. Варнавского и др.

Также следует отметить, что в современных условиях приобретает особую значимость труды по: фундаментальным проблемам научно-технического прогресса в СССР и постсоветской России; становлению технологических укладов; характеристике движущих сил экономического роста, предпосылок и объективных основ цифровизации отечественной экономики и т.д. В этой связи обращают на себя внимание наработки А. И. Анчишкина, Ю. В. Яременко, С. Ю. Глазьева и др. В тоже время недостаточно исследованы вопросы взаимосвязи внедрения цифровых инструментов и результативности данных процессов, в том числе в региональном аспекте.

Результаты исследования. Анализ результатов внедрения цифровых инструментов в региональном аспекте целесообразно начать с информации об удельном весе организаций, которые их внедрили (рис. 1).

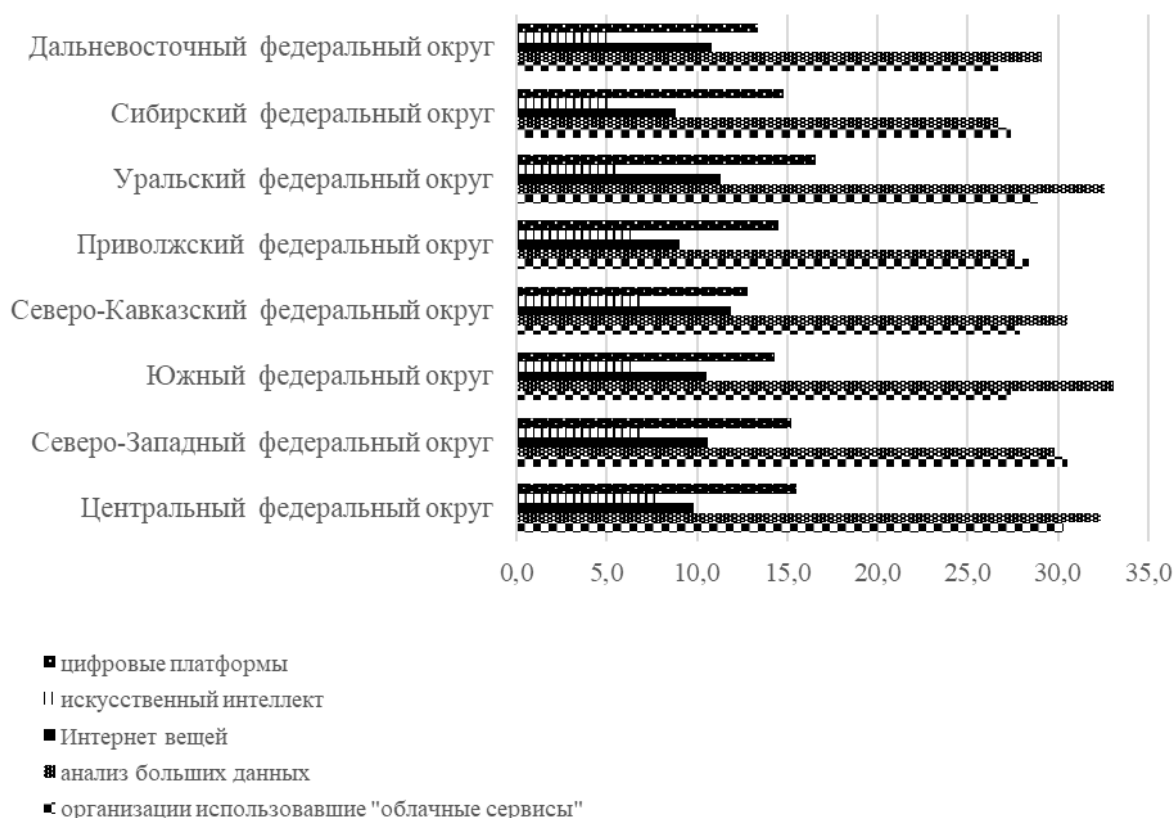

Рис. 1. Удельный вес организаций, использующих цифровые инструменты по регионам РФ в 2022 году (составлено автором на основе [15-16])

Наибольший удельный вес имеют организации, которые используют технологии сбора, обработки и анализа больших данных. Лидирующие позиции здесь занимают

Южный и Центральный федеральный округа, наименьшее распространение данная технология получила среди организаций в Сибирском федеральном округе.

В тоже время следует отметить, что наименее используемыми цифровыми технологиями в РФ остаются Интернет вещей и искусственный интеллект. Так наибольший удельный вес организации, использовавших Интернет вещей, составляет 11,9 % в Северо-Кавказском федеральном округе. Наименее распространенным является использование искусственного интеллекта. Здесь первенство принадлежит Центральному федеральному округу, в котором 7,8 % компаний его использовали. При этом наименее востребованной данная технология была в Дальневосточном федеральном округе [15, 16, 19, 20, 21].

Таблица 1

Региональная динамика состава кластеров организаций, использующих цифровые инструменты

Год	Кластер		
	Максимальное использование цифровых инструментов	Средние показатели использования цифровых инструментов	Минимальное использование цифровых инструментов
2020	Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Приволжский федеральный округ	Уральский федеральный округ	Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ
2021	Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Приволжский федеральный округ	Уральский федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ	Южный федеральный округ, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ
2022	Центральный федеральный округ, Северо-Западный федеральный округ, Южный федеральный округ, Уральский федеральный округ	Северо-Кавказский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ	Приволжский федеральный округ, Сибирский федеральный округ

Лидером по внедрению цифровых инструментов является Центральный федеральный округ на протяжении всего периода исследования. В нем первенство принадлежит Московской, Владимирской и Белгородской областям. Следует отметить, что высокие показатели внедрения цифровых инструментов и, как следствие, также место в кластере «Максимальное использование цифровых инструментов» занимает Северо-Западный федеральный округ. Лидерами этого округа являются Новгородская и Псковская области и г. Санкт-Петербург.

В тоже время постоянным представителем кластера «Минимальное использование цифровых инструментов» является Сибирский федеральный округ. Наименьший удельный вес по внедрению цифровых инструментов принадлежит Республике Тыва и Омской области. В целом, помимо представленных областей, наиболее низкий удельный вес использования цифровых инструментов по регионам в: Брянской и Челябинской областях, Республиках Карелия, Кабардино-Балкарская, Мордовия, г. Севастополь и Хабаровском крае

Помимо регионального аспекта важным для анализа цифровизации в экономике является знание об основных цифровых технологиях, используемых в промышленности Российской Федерации (рис 2), поскольку промышленность имеет одно из ключевых значений для обеспечения как технологического, так и государственного суверенитета.

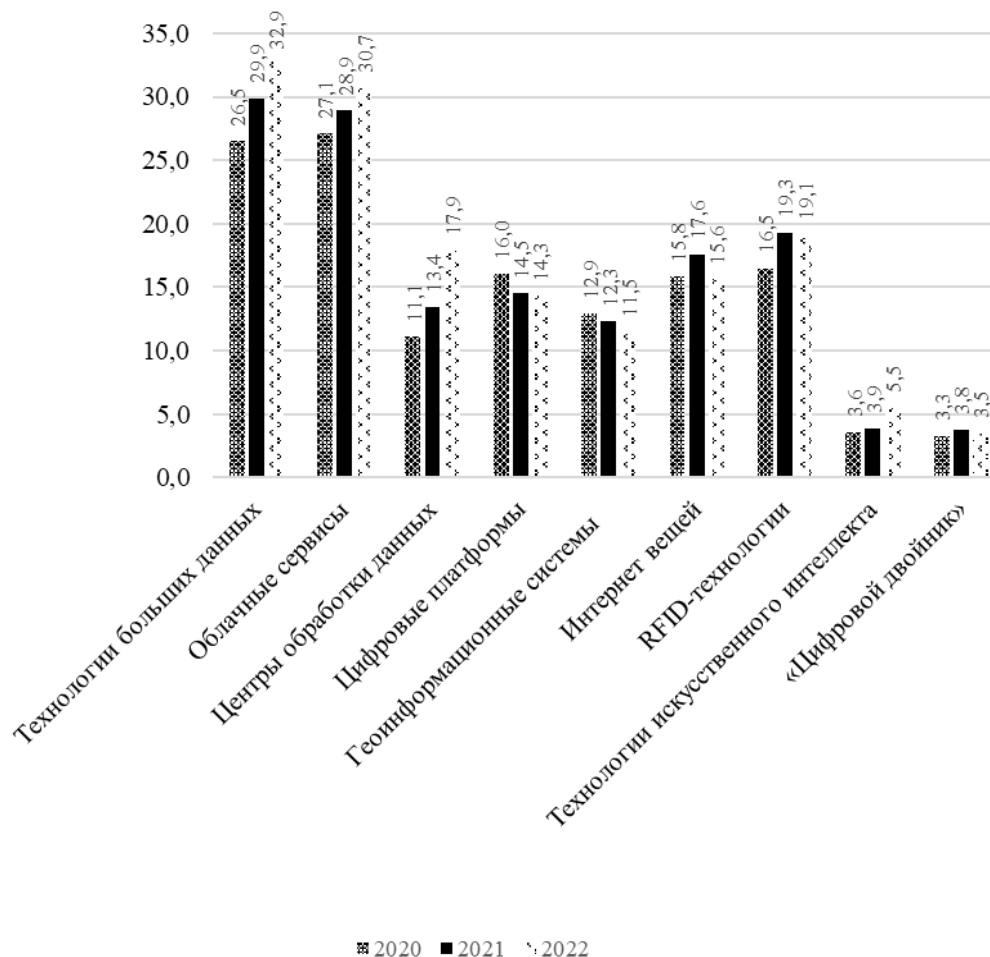

Рис. 2. Внедрение цифровых технологий в отраслях промышленности в 2020-2022г.г. (в % к общему количеству организаций) (составлено автором на основе [19-21])

На рис. 2 можно наблюдать увеличения удельного веса организаций, внедривших цифровые инструменты. Однако стоит констатировать, что такие технологии как «Цифровой двойник», искусственный интеллект находятся на низком уровне использования.

В тоже время возникает вопрос об эффективности вложений в цифровые инструменты. На основе данных массовой статистики Росстата и использовании корреляционно-регрессионного анализа, было выявлено, что в 2022 году затраты на цифровизацию организаций не оказывали существенного влияния на финансовые результаты деятельности предприятий добывающей промышленности. В тоже время коэффициент корреляции для организаций обрабатывающей промышленности составил 0,5, то есть можно констатировать наличие умеренной положительной связи. Также можно наблюдать и обратную взаимосвязь. Финансовые результаты промышленных предприятий также оказывают воздействие на величину затрат на цифровизацию. Теснота связи составила 0,63.

Также был проведен анализ для выявления наличия парадокса производительности Солоу, который заключается в отсутствии переноса инвестиций в современные ИКТ-технологии, в том числе в анализе на основе больших данных, на финансовый результат субъекта, реализующего такие инвестиции. Поэтому для оценки наличия или отсутствия данного парадокса в экономике был использован анализ взаимосвязи между долей предприятий, использующих различные цифровые инструменты, и их средними валовыми финансовыми результатами. В исследованиях использовался коэффициент линейной корреляции Пирсона. Была выявлена низкая линейная зависимость между представленными показателями. Кроме того, следует отметить, что негативно на финансовые результаты влияют такие цифровые инструменты как Интернет вещей, искусственный интеллект и цифровые платформы. Можно предположить, что в настоящее время они требуют затрат и еще не достигли уровня окупаемости.

Результаты исследования. Важнейшим выводом, вытекающим из полученных результатов исследования, является неоднозначность результатов внедрения цифровых инструментов. Отмечена региональная неоднородность их распространения. Также следует отметить явный перекося в структуре, внедренных инструментов в пользу сбора, обработки и анализа больших данных, а также использования облачных сервисов, в то время как технологии искусственного интеллекта и цифровых двойников еще мало распространены. Также следует отметить необходимость определения величины временного лага между внедрением цифровых инструментов и их результативностью, что может быть предметом дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brynjolfsson E., Kahin B. *Understanding the Digital Economy: Data, Tools, and Research*. Massachusetts, and London, England: The MIT Press, 2000. 408 p.
2. Budd L., Harris L. *E-Economy: Rhetoric or Business Reality?* New York: Routledge, 2004. 248 p.
3. Carlsson B. The Digital Economy: what is new and what is not? // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2004. № 15 (3). P. 245–264.
4. Cohen S.S., DeLong J.B., Zysman J. Tools for Thought: What Is New and Important about the ‘E-conomy’? // *Berkeley International Roundtable on the International Economy (BRIE)*. 2000. Working paper 138. P. 7–11.
5. Johansson B., Karlsson Ch., Stough R. *The Emerging Digital Economy: Entrepreneurship, Clusters, and Policy*. Berlin: Springer Science & Business Media, 2006. 352 p.
6. Kehal H.S., Singh V.P. *Digital Economy: Impacts, Influences and Challenges*. Hershey, London, Melbourne, Singapore: Idea Group Publishing, 2005. 395 p.
7. Абдрахманова Г.И., Вишневецкий К.О., Гохберг Л.М. и др. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. / Доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. – 82 с.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. / Пер. с англ. – Москва: Academia, 2004. – 783 с. 2552 *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law* #8'2023 (August)
9. Бодрунов С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. / Монография, 2-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург: Ассоциация «Некоммерческое партнерство по содействию в проведении научных исследований «Институт нового индустриального развития им. С.Ю. Витте», 2016. – 328 с.
10. Гэлбрейт Д.К. Новое индустриальное общество. / Избранное, пер. с англ. – Москва: Эксмо, 2008.
11. Дементьев В.Е. Промышленные революции и смена технологических укладов // *Друкерровский вестник*. – 2019. – № 1(27). – с. 5–17. – doi: 10.17213/2312–6469–2019– 1-5–17.
12. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // *Вестник Санкт-*

Петербургского университета. Международные отношения. – 2020. – № 1. – с. 47–68. – doi: 10.21638/spbu06.2020.104.

13. Положихина М.А. Национальные модели цифровой экономики // Экономические и социальные проблемы России. – 2018. – № 8. – С. 111–154.

14. Понкин И.В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. – 2021. – № 5(133). – с. 47–52. – doi: 10.22394/2070–8378–2021–23–5–47–52.

15. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. – М., 2022. – 1122 с.

16. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 1126 с.

17. Россия и страны мира. 2023: Стат.сб./Росстат. – М., 2023. – 393 с.

18. Рудаков Д.Н., Шальнева М.С. Развитие цифровой экономики России: проблемы и перспективы // Московский экономический журнал. – 2023. – № 8. – С. 176–188.

19. Тоффлер Э. Третья волна. / 2-е издание. – Москва: Издательство АСТ, 2002. – 781 с.

20. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1(253). – с. 85–102. – doi: 10.12737/art_2018_1_7.

21. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2022. — 124 с.

22. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2023.

23. Цифровая экономика: 2021: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2021. — 124 с.

24. Чан Хуэй, И.А. Карачун, Чжай Яньнянь. Исследование международной конкурентоспособности цифровой экономики России и Китая // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 1035–1052. – DOI 10.18334/vinec.13.2.117813.

25. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. – 138 с.

Поступила в редакцию 03.11.2024 г.

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

N. N. Vertil

The paper examines the specifics of implementing digital tools in the Russian Federation. Based on cluster analysis, the leading and weakest regions in implementing digital tools are identified. Also, based on correlation and regression analysis, the relationship between the implementation of digital tools and the performance of organizations is determined.

Keywords: digital tools, regions of the Russian Federation, cluster, digitalization, industry.

Вертиль Наталья Николаевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

v3010@mail.ru

+7-949-375-29-28

ORCID 0009-0004-1507-3488

Vertil Natalia

Candidate of Economics Sciences, associate Professor of management

Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University», city Donetsk

УДК 330.3

DOI 10.5281/zenodo.14236199

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОНОМИКИ

© 2024. С. Н. Горбань

В статье обосновывается целесообразность и необходимость изучения и анализа отечественного исторического опыта хозяйствования с целью возможного использования его уроков для создания нового хозяйственного механизма, который бы соответствовал цивилизационным особенностям страны. При этом особое внимание уделяется роли оценки результатов хозяйственной деятельности в деле обеспечения целенаправленности и заинтересованности трудовых коллективов и отдельных работников в эффективности своего труда. Анализируется отечественный опыт успешного хозяйствования, а также проведенные исследования по формированию сравнительной оценки результатов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: планирование; оценка результатов деятельности; соревнование; распространение лучшего опыта; стимулирование труда.

Постановка проблемы. События последних десяти лет поставили перед экономикой нашей страны экзистенциальную задачу – определить собственные пути экономического развития, которые бы дали возможность преодолеть возникшие вызовы. Эти вызовы были связаны с государственным вооруженным переворотом на Украине, с событиями Русской весны в Крыму, с войной на Донбассе, с пандемией коронавируса, с многочисленными санкциями Запада в отношении России и попыткой ее экономической изоляции. Перед экономической наукой встала задача разработки новой парадигмы экономики нашей страны и управления экономическим развитием. Со всей очевидностью такая парадигма должна отличаться от существующей, принятой в 90-е годы и базирующейся на экономической глобализации и внедрении западных экономических постулатов в теорию и практику отечественного хозяйствования.

Одним из методов выработки новой парадигмы, на наш взгляд, должны стать изучение, анализ и оценка собственного исторического опыта хозяйствования, работ видных отечественных экономистов периода Русской империи, Советского Союза и сегодняшнего времени. При этом важно анализировать и оценивать как успехи, так и ошибки, избегая их политической окраски. В определенном смысле прошлый опыт хозяйствования можно рассматривать как экономические эксперименты, основанные на экономической теории соответствующего периода и требующие изучения и анализа на предмет возможности использования уроков данного эксперимента для решения сегодняшних задач.

Актуальность исследования. На нынешнем этапе развития нашего государства мы можем наблюдать постепенное и уверенное изменение экономической модели страны. Рыночная модель 90-х годов с ее диким переделом государственной собственности и целенаправленностью на прибыль любой ценой сменяется на социально ориентированную модель с возрастанием роли государства в управлении экономикой. На наш взгляд, это в полной мере соответствует тезису, что Россия – это цивилизация со своими ценностями и смыслами, не учитывать которые при построении суверенной экономики было бы ошибкой. Это относится и к пониманию оценочных показателей деятельности экономических субъектов всех уровней, и к целям и

результатам деятельности государственных органов управления экономикой страны, и к целям и результатам деятельности предприятий и организаций всех форм собственности, и к особенностям процесса управления на всех уровнях. Тридцатилетний эксперимент использования в экономике нашей страны экономических категорий и принципов западной цивилизации показал их недейственность, поскольку отражают ценности и смыслы своей цивилизации. Для них здесь чуждая среда.

Для построения суверенной экономики необходимо понимание содержания экономических отношений в условиях нашего государства, с учетом его особенностей. Исходя из Послания Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. целью экономического развития нашей страны является социальная сфера и качество жизни народа. Именно на достижение этой цели должен быть направлен экономический механизм государства.

Экономический механизм государства должен обеспечить заинтересованность как субъектов хозяйствования, так и отдельных работников в повышении результативности и эффективности работы. Главным звеном в обеспечении такой заинтересованности является оценка результатов труда субъектов хозяйствования, которая как раз и обеспечивает целенаправленность деятельности и заинтересованность в способах достижения поставленных целей.

Анализ последних исследований и публикаций. Рассмотрению вопросов, связанных с проблематикой оценки результатов деятельности хозяйствующих субъектов посвящены работы В. К. Мамутова, М. С. Лангштейна, Е. П. Савельева, Г. Л. Знаменского, Н. А. Орловой, Ю. П. Трисева, В. Н. Хорошуна, А. Д. Ремесник, Б. А. Сорокина и др. Результаты этих исследований прошли определенную апробацию в Донецком регионе в 70-х - начале 90-х гг. прошлого столетия [4, 6, 8, 12]. Однако произошедшие в дальнейшем в стране политические и экономические события и преобразования привели к приостановке теоретических и практических исследований в данном направлении.

Целью статьи является обоснование необходимости и актуальности активизации исследований по формированию оценки результатов хозяйственной деятельности субъектов с использованием накопленного отечественного теоретического и практического опыта.

Результаты исследования. В нашей истории хозяйствования есть период развития с 1929 г. по 1955 г., для которого характерны непревзойденные ни одной страной среднегодовые темпы развития 13,8%. Опыт этого периода хозяйствования использовался и используется многими странами, кроме нашей [3]. Основными факторами эффективности экономики в указанный период являлись:

- 1) целевое снижение затрат и рост качества продукции (работы);
- 2) целевой рост производительности труда на основе технического и технологического прогресса;
- 3) развитие индивидуального и коллективного соревнования (конкуренции);
- 4) активное материальное стимулирование снижения затрат, роста производительности труда и отличившихся в соревновании;
- 5) массовое распространение лучшего опыта работы, рожденного в соревновании по достижению поставленных целей [3].

На наш взгляд, именно эти факторы должны лежать в основе искомого хозяйственного механизма. Создать такой механизм должно, как показывает наш же опыт, государство. Для этого следует перейти от государственного регулирования к

государственному управлению экономикой. А это предполагает определение государством целей экономического развития на разные периоды, разработку государством механизма достижения целей, обеспечение государственного контроля за результатами хозяйствования. При этом следует учесть, что основой модели хозяйствования в рассматриваемом периоде являлось опережающее развитие предложения – создание новых и модернизация существующих отраслей и производств, что, в свою очередь, вело к увеличению доходов и внутреннего спроса. То есть в этой модели предложение опережает и определяет спрос, а не наоборот [3].

Возвращаясь к факторам эффективности экономики рассматриваемого периода, следует отметить, что первые два фактора – целевое снижение затрат и рост качества продукции (работы); целевой рост производительности труда на основе технического и технологического прогресса – использовались государством в качестве плановых показателей для всех субъектов хозяйствования: определялись ежегодные уровни снижения затрат, требования к качеству выпускаемой продукции, ежегодно пересматривали нормы выработки продукции на одного работника в сторону их увеличения. Эти же показатели являлись основой оценки результатов деятельности как трудовых коллективов, так и отдельных работников: важным было выполнить план производства в номенклатуре при снижении затрат, обеспечении требуемого качества и путем роста производительности труда. Этим обеспечивалась и социальная ориентированность экономики страны, поскольку принимаемые государством планы этого периода были направлены на повышение того, что мы сегодня называем качеством жизни населения. Показатель прибыли не являлся целью хозяйствования, а использовался в качестве промежуточного расчетного показателя.

К сожалению, в последующие после рассматриваемого периода годы оценочные показатели хозяйственной деятельности начали изменяться в сторону повышения роли прибыли. Особый расцвет этого показателя произошел в 90-е годы, когда страна «окунулась с головой» в рыночные отношения. А еще классик политэкономии капитализма предупреждал, цитируя высказывание Томаса Даннинга: «Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Контрабанда и торговля рабами убедительно доказывают вышесказанное» [9, с. 770]. Во главу результата хозяйственной деятельности всех уровней была поставлена прибыль – деньги любой ценой. О социальной ориентированности экономики речь уже не идет. Вопросы социального характера решались только через призму возможного последующего получения прибыли. В результате – социальная напряженность в обществе, снижение производительности труда, снижение качества выпускаемой продукции, снижение качества жизни населения и снижение темпов роста экономики до минусовых значений в 90-е годы.

Но вернемся к факторам эффективности экономики 1929-1955 гг. Следующие три фактора – развитие индивидуального и коллективного соревнования (конкуренции); активное материальное стимулирование снижения затрат, роста производительности труда и отличившихся в соревновании; массовое распространение лучшего опыта работы, рожденного в соревновании по достижению поставленных целей – можно рассматривать как механизм обеспечения целенаправленности, заинтересованности и

мотивированности трудовых коллективов и отдельных работников в достижении целевых показателей, определяемых первыми двумя факторами. Следует отметить, что в экономической теории вопрос соревнования (конкуренции) не является новым. К. Маркс отмечал, что «...имманентные законы капиталистического производства действуют как принудительные законы конкуренции и достигают сознания отдельного капиталиста в виде движущих мотивов его деятельности» [9, с. 326]. И дальше «при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии» [9, с. 337].

Исследованию сущности и значения соревнования (конкуренции) в экономике посвящены работы многих отечественных исследователей в период 70-х-80-х годов прошлого столетия: Л. А. Бейлина, М. И. Воейкова, П. В. Гречишникова, К. Г. Крупнова, В. К. Мамутова, М. С. Лангштейна, Н. А. Орловой, М. Г. Валитова, Е. И. Капустина, С. И. Шкурко, Е. П. Торкановского и др. Среди них следует выделить группу донецких ученых под руководством академика В. К. Мамутова. Именно эта группа ученых рассматривала соревнование не просто как отношение между субъектами хозяйствования, а как двигатель хозяйственного механизма отечественной экономики [5], как основу сравнительной оценки и стимулирования результатов деятельности субъектов хозяйствования [8], как источник появления лучшего опыта при выполнении плановых заданий [11]. В частности, М. С. Лангштейн отмечал, что в отечественной экономике, основанной преимущественно на плановом управлении, «...антиподом рыночной конкуренции выступает именно планомерное соревнование» [5, с. 22-23]. То есть речь идет об организации соревнования со стороны государства, в отличие от стихийности рыночной конкуренции. В. К. Мамутов, М. С. Лангштейн, Е. П. Савельев теоретически обосновывали и практически доказывали необходимость сравнительной оценки результатов хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования, используя для этого единый комплексный показатель эффективности. Этот показатель включает в себя:

- 1) степень выполнения плана поставок;
- 2) отношение производительности труда к эталону;
- 3) отношение фондоотдачи к эталону;
- 4) отношение материалоотдачи к эталону;
- 5) отношение показателя уровня качества продукции к эталону [8, с. 54].

Эту оценку предлагалось положить в основу системы материального стимулирования соревнующихся, которая обеспечивала бы, с одной стороны, каждому участнику производства равную оплату за равный труд, а с другой стороны – дифференцировала бы оплату труда так, чтобы тот, кто работает лучше, получал большее вознаграждение за труд [8, с.158]. Этой же группой донецких ученых обосновывалось единство передачи лучшего (передового) опыта со всей системой организации соревнования, была разработана система управления внедрением передового опыта [11].

Важно также отметить, что оценку результатов хозяйственной деятельности следует рассматривать в единстве двух аспектов:

- 1) как систему экономических показателей;
- 2) как процесс, осуществляемый определенными субъектами.

В отношении второго аспекта донецкими учеными-юристами также была проделана большая работа по разработке правовой процедуры оценивания результатов хозяйственной деятельности [6, 7]. При этом подчеркивалась и обосновывалась необходимость правовой регламентации методов оценки, порядка оценки и принятия

решений по результатам оценки, прав и ответственности определенных структур разных уровней при выполнении данной работы, обосновывалась целесообразность ранжирования всех оцениваемых предприятий от первого до последнего места и привязка показателей оценки к системе материального стимулирования по результатам деятельности. Обосновывалась необходимость правового обеспечения объединения сравнительной оценки соревнующихся и так называемой общей оценки результатов хозяйственной деятельности [6]. В порядке апробации результатов исследования предлагались процедуры оценки результатов, стимулирования соревнующихся, изучения и распространения лучшего опыта, определялась роль органов управления (предприятий, министерств, регионов) в организации соревнования в целом и процедуре оценки результатов деятельности, в частности.

Разработки донецких ученых в области сравнительной оценки результатов деятельности, распространения передового опыта соревнующихся прошли апробацию в Донецкой области, в Краснодарском крае, на предприятиях «Союзуглемаша», Минуглепрома СССР, Министерства промышленности средств связи СССР [12]. В областной газете «Жизнь» публиковались рейтинги предприятий практически всех промышленных отраслей Донецкой области, обеспечивая гласность оценки результатов работы трудовых коллективов [4].

Как видим разработки донецких ученых объединяют в оценке результатов деятельности все факторы экономического развития экономики, позволившие стране в течение 26 лет развиваться невиданными темпами. В этой оценке и антизатратный механизм, и обеспечение качества продукции, и развитие соревнования, и стимулирование по результатам оценки, и распространение лучшего опыта.

Факторы соревнования, стимулирования по итогам соревнования и передачи лучшего опыта широко использовались и используются за рубежом [12]. Мы же в 90-е годы отказались от собственного опыта использования мощного фактора развития экономики. Однако начался этот отказ значительно раньше - вскоре после 1955 года. В стране начала меняться модель государственного управления экономикой [3]. В области оценки результатов деятельности начался переход от антизатратной модели к затратной: планирование не по целям, а от достигнутого, оценка по валовому выпуску, переход к прибыли как оценочному показателю, постепенный переход от управляющей роли государства в экономике к регулирующей, переход к экономике спроса, переход к рыночной экономике, появление понятия «коммерческой тайны» в достижении результатов. Фактор соревнования как организованного государством механизма еще использовался по инерции, но все меньше соответствовал доминирующей модели экономики в стране.

В то же время последние лет семь трудовое соревнование начало использоваться в управлении предприятиями все более активно [1, 2, 10, 12, 13, 14]. Но пока это на уровне предприятий и министерств, на уровне энтузиазма и понимания важности фактора соревнования в управлении организацией. Фактор соревнования используется параллельно действующему хозяйственному механизму. На наш взгляд, это не тот путь. Мы его уже проходили и можем даже спрогнозировать, чем он закончится.

Вопрос же стоит значительно глубже: сможем ли мы принцип состязательности, сравнимости результатов хозяйственной деятельности сделать одним из принципов формирования экономического механизма современной и будущей России? Сможем ли мы воспользоваться положительными уроками отечественного хозяйствования при построении суверенной экономики своей страны и не повторять решений, давших отрицательные результаты хозяйствования?

Вывод. Обеспечение суверенной экономики предполагает создание хозяйственного механизма, который базировался бы на использовании собственного богатого практического и исследовательского опыта. Принятие грандиозных решений и выделение средств на их финансирование это важная, но только часть дела. Необходима организация работы исполнителей этих решений. И здесь оценка результатов их деятельности имеет ключевое значение, поскольку от нее зависит целенаправленность и заинтересованность трудовых коллективов и отдельных работников в достижении поставленных целей, на этой оценке должно базироваться справедливое вознаграждение за труд.

Продолжение и активизация исследований, проводимых донецкими учеными в области комплексного понимания вопроса оценки результатов хозяйственной деятельности экономических субъектов всех уровней диктуется особенностями сегодняшнего времени, которое на данном витке исторической спирали позволяет использовать собственный практический опыт успешного хозяйствования и собственный результативный опыт теоретических и практических исследований в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Башкирии подвели итоги трудового соревнования в АПК // <https://www.bashinform.ru/news/social/2023-10-27/v-bashkirii-podveli-itogi-trudovogo-sorevnovaniya-v-apk-3495583>.
2. В Минсельхозе края подвели итоги трудовых соревнований среди аграриев // <https://smotrim.ru/article/3686097>.
3. Галушка, А.С.; Ниязметов, А.К.; Окулов, М.О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду / А.С.Галушка, А.Н. Ниязметов, М.О. Окулов. – М., 2021. – 360 с., илл.
4. Горбань, С.Н. Рейтинг предприятий Донбасса: табель о рангах экономики. // Газета «Жизнь»: 9, 16, 23 апрель 1992.
5. Лангштейн, М.С. Место и роль социалистического соревнования в хозяйственном механизме // Совершенствование организации социалистического соревнования в промышленности. Сборник / ред.кол. Мамутов, В.К.; Орлова, Н.А.; Лангштейн, М.С.; Ремеснк, А.Д. – Донецк: ИЭП АН УССР. 1981. С.16-30
6. Мамутов, В.К. Регламентация оценки результатов деятельности соревнующихся предприятий / В.К. Мамутов // Советское государство и право - №7 - 1978. – С.56-65.
7. Мамутов, В.К. Регламентация оценки результатов хозяйственной деятельности / В.К. Мамутов, Г.Л. Знаменский // Советское государство и право -№1 – 1981. – С.45-53.
8. Мамутов, В.К.; Лангштейн, М.С., Савельев Е.В. Комплексная оценка и стимулирование деятельности соревнующихся. /В.К. Мамутов, М.С. Лангштейн, Е.В. Савельев – Киев: Наукова думка, 1977. 196 с.
9. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Ин-т марксизма-ленинизма. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 908 с.
10. НПП Старт им. А.И.Яськина // <https://vk.com/nppstart1949>
11. Орлова, Н.А. Управление внедрением передового опыта в регионе / Н.А.Орлова, В.М. Пастушенко, С.О. Колесов и др.- Киев: Наукова думка, 1987
12. Орлова, Н.А. Экономико-правовые исследования проблем состязательности и оценки результатов хозяйственной деятельности / О.А. Ашурков, Н.А.Орлова // Вестник Института экономических исследований. - 2018.- №1.- С.144-153.
13. Производственное соревнование: что, как, зачем? // https://up-pro.ru/library/personnel_management/motivation_evaluation/proizvodstvennoye-sorevnovaniye/
14. ФХ, СЦ и Телеком ГХК - победители трудового соревнования по итогам 2023 года // <https://www.sibghk.ru/news/view?id=191>

Поступила в редакцию 02.11.2024 г.

**ASSESSMENT OF THE RESULTS OF ECONOMIC ACTIVITY
AS A FACTOR OF ECONOMIC EFFICIENCY**

S. N. Gorban

The article substantiates the expediency and necessity of studying and analyzing the national historical experience of management in order to possibly use its lessons to create a new economic mechanism that would correspond to the civilizational characteristics of the country. At the same time, special attention is paid to the role of evaluating the results of economic activity in ensuring the purposefulness and interest of labor collectives and individual employees in the effectiveness of their work. The article analyzes the domestic experience of successful management, as well as the conducted research on the formation of a comparative assessment of the results of economic activity.

Key words: planning; evaluation of performance; competition; dissemination of best practices; stimulation of labor.

Горбань Сергей Николаевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

gliser@list.ru

+7-949-329-89-39

ORCID 0009-0007-7964-5993

Gorban Sergey

Associate Professor of the Department of Management

Donetsk State University, Donetsk

УДК 911:37

DOI 10.5281/zenodo.14236234

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

© 2024 В. М. Дубель

В статье обоснована необходимость учета географического фактора при построении общества, основанного на принципах устойчивого развития. Уделено внимание обзору влияния природных условий и природных ресурсов на особенности регионального развития и выбор отраслей специализации в территориальном разделении труда. Рассмотрены особенности влияния географических факторов на различные сферы жизни общества. Сделаны выводы о значении учета географического фактора для сохранения качественных характеристик среды обитания будущих поколений, что позволит рационально использовать потенциал территории с целью максимального удовлетворения потребностей нынешнего поколения, но при этом сохранении возможностей будущих поколений существовать на планете и удовлетворять свои потребности.

Ключевые слова: география, устойчивое развитие, территориальные системы, производительные силы, размещение отраслей хозяйства.

Постановка проблемы. В настоящее время сложно себе представить альтернативу концепции устойчивого развития в качестве основной парадигмы развития человечества на перспективу. Секрет успеха и постоянной актуальности концепции устойчивого развития кроется в учете различных аспектов жизни общества [1, 2]. В этой связи, совершенно неверно ассоциировать устойчивое развитие только с экологическим фактором. Современное представление о концепции устойчивого развития включает международный, информационный, социальный, политико-правовой, экономический и другие аспекты.

Проблема выживания человечества в настоящее время стала отстрой, как никогда. Ученые выделяют десятки угроз существования нашей цивилизации и спорят о степени их остроты и актуальности. Среди наиболее острых проблем современной цивилизации выделяют: сырьевую, энергетическую, продовольственную, экологическую, политическую и др. [3, 4, 5]. Нет смысла спорить о том, от чего погибнет человечество. Есть понимание необходимости решения этих проблем в комплексе, поскольку все глобальные проблемы человечества между собой тесно связаны. Ценность концепции устойчивого развития в комплексном подходе к решению проблем, стоящих перед человечеством в обозримом будущем.

Актуальность исследования. В условиях обострения противоречий общественного развития, взоры человечества все более обращены к истокам формирования современной цивилизации. Пытаясь осмыслить историю человечества, ученые мира заняты поиском компромиссной модели развития человечества на перспективу. На данный концепция устойчивого развития является наиболее реальной моделью развития общества с учетом фактора ограничений во времени. Учет географического фактора является одним из важнейших условий достижения целей устойчивого развития, чем и обусловлена актуальность данного исследования.

Анализ последних исследований и публикаций. Рассмотрению различных аспектов устойчивого развития посвящены труды таких ученых, как В. И. Вернадский [1], Т. С. Хачатуров [2], К. В. Папенков, И. М. Потравный, С. М. Никоноров [2],

А. В. Трачук, С. Н. Бобылёв, П. А. Кирюшин, О. В. Кудрявцева [3], А. Печчеи, Д. Меддоуз [4, 5, 6], Г.-Х. Брунтланд [7] и др.

Влияние географического фактора на размещение и эффективность хозяйства рассматривали в своих трудах такие ученые, как: И. Тюнен, А. Леш, Ф. Перру, П. Потье [11], Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский [10] и другие ученые.

На протяжении последних трех десятилетий вышло огромное количество публикаций, касающихся концепции устойчивого развития. Вместе с тем, влиянию географического фактора на реализацию целей устойчивого развития уделено не достаточное внимание, что и обусловило выбор данной тематики.

Целью исследования является определение особенностей влияния географического фактора на достижение целей устойчивого развития.

Результаты исследования. Важнейшим критерием перехода к устойчивому развитию является обеспечение приоритета качественных показателей развития общества над количественными. Техногенный способ производства диктовал необходимость вовлечения в производство все большего количества ресурсов. При этом, экологический фактор практически не учитывался. Даже если и шла речь о негативных последствиях хозяйственной деятельности для состояния окружающей природной среды, то все сводилось, в конечном счете, к определенной компенсации в денежном выражении. Это никак не могло компенсировать истощение природно-сырьевых ресурсов и уменьшение биологического разнообразия, нарушение экологического равновесия и ряд других негативных последствий, которые неминуемо ведут к деградации природных экологических систем разных рангов.

Пространственные аспекты устойчивого развития долгое время были в тени в связи с постановкой вопроса о необходимости устойчивого развития для преодоления глобальных проблем человечества. Не ставя под сомнение глобальный характер концепции устойчивого развития и ее актуальность, стоит помнить об одном из принципов устойчивого развития: «Думать глобально, а действовать локально» [6, 7]. Именно учет местных условий и региональной специфики позволит реализовать принципы устойчивого развития и эффективно использовать потенциал каждой территориальной системы.

География, как наука о пространстве, изучает распространение различных объектов и процессов на нашей планете. Кроме описательной функции, которая превалировала в этой науке прежде, в настоящее время все более востребованным является географическая информация прикладного значения. Именно преобразовательная роль современной географии становится определяющей при обосновании направлений развития этой науки. Понимание законов и пространственных закономерностей развития и размещения природный и антропогенных компонентов геосистем позволяет наиболее рационально использовать потенциал территориальных социально-экономических систем разных рангов. Современная география должна дополнять естественные науки пониманием связи и влияния территориального аспекта на все процессы в природных системах. В этой связи видится важное значение географического фактора в процессе превращения концепции устойчивого развития не только в основную парадигму развития общества на перспективу, но и как неотъемлемого компонента при разработке практических рекомендаций по внедрению принципов устойчивого развития в практику управления территориальными социально-экономическими системами разных рангов.

Такой фактор, как территория всегда принимался во внимание при анализе особенностей функционирования экономических систем. Значительные по своим

размерам системы располагают большими возможностями размещения объектов. Например, размеры Российской Федерации позволяют размещать промышленные предприятия на значительном удалении от районов проживания населения. Снижение степени концентрации промышленного производства положительно отражается на состоянии окружающей природной среды, которая испытывает меньшее антропогенное давление на экосистемы разных уровней. Вместе с тем, возрастают транспортные издержки, что негативно отражается на показателях эффективности производства. Кроме того, сокращение показателя территориальной концентрации промышленного производства в значительной степени может повлиять на увеличение выбросов в окружающую среду.

Значительные размеры территории приводят к появлению территориальных диспропорций, которые практически отсутствуют в небольших по размерам территории странах. Неравномерность размещения природно-ресурсного потенциала и населения по территории Российской Федерации проявляется в концентрации промышленного производства и большинства населения страны в европейской части государства. В то время, как основные природные ресурсы страны расположены в Сибири и на Дальнем Востоке. Это создает существенные проблемы реализации принципа комплексного и пропорционального развития страны. Возникают проблемы с транспортировкой сырья к традиционным центрам развития промышленного производства. Еще Владимир Иванович Вернадский в своих рекомендациях о построении ноосферного общества указывал на необходимость освоения человеком всей поверхности планеты [1]. Вопрос освоения территорий с новыми источниками природных ресурсов становится все более актуальным по мере развития общества. В этом контексте, в России следует больше внимания уделять вопросу развития территорий нового освоения. Такие существенные процессы, как изменение в географии населения и хозяйственных объектов страны не могут не вызывать проблем реализации программ устойчивого развития. Освоение Сибири и Дальнего Востока приведет к изменению экологической ситуации во всех регионах Российской Федерации. При этом важнейшей задачей государственных и региональных властей является контроль процессов устойчивого развития территорий и устранение диспропорций регионального развития.

Для социально-экономических систем с незначительными размерами территории вопрос размещения производства и населения сводится к решению проблемы получения максимальной выгоды от взаимного расположения хозяйственных объектов, производственной и социальной инфраструктуры. Управлять такими территориальными социально-экономическими системами проще, поскольку незначительные территориальные диспропорции позволяют выработать приемлемую для всех экономическую политику. Вместе с тем, незначительные размеры территории приводят к образованию ряда специфических проблем. Прежде всего, это касается ограниченности природно-ресурсной базы. Даже если страна или регион с небольшой площадью территории обладает значительными объемами одного из видов минеральных ресурсов, она ограничена другими ресурсами. Например, страны Персидского залива обладают богатыми запасами нефти и природного газа. Вместе с тем, страны региона имеют скудные запасы водных ресурсов, почвы с низким плодородием, не отличающийся значительным биоразнообразием растительный и животный мир, незначительные запасы рудных ископаемых и т.д. Устойчивое развитие таких систем направлено на получение максимальной выгоды от своих возможностей и нивелирование негативных особенностей развития. Другими словами, страны успешно

реализуют свой природно-ресурсный потенциал и делают все для того, чтобы население не испытывало проблем социально-экономического развития на длительную перспективу.

Примером успешного решения вопросов устойчивого развития стран с небольшой площадью территории и незначительным природно-ресурсным потенциалом можно проследить на примере списка стран с максимальным ВВП на душу населения в 2024 году (таблица 1).

Таблица 1

Страны с максимальным ВВП на душу населения в 2024 году, дол. США [8]

№	Страна	Показатель ВВП на душу населения
1	Люксембург	143700
2	Дания	77640
3	Бруней	77530
4	Китайская Республика Тайвань	76850
5	Гонконг	75120
6	Нидерланды	74158
7	Исландия	73700
8	Саудовская Аравия	70340
9	Австрия	69460
10	Швеция	69177
11	Андорра	69140
12	Бельгия	68089
13	Мальта	67872
14	Германия	67245
15	Австралия	66260
16	Бахрейн	62670
17	Финляндия	60850
18	Канада	60500
19	Республика Корея	59430
20	Великобритания	58880

Страны, входящие в число мировых лидеров по показателю ВВП на душу населения не просто имеют высокий доход, они характеризуются высокими стандартами качества жизни и достигли значительных успехов на пути устойчивого развития. Таким образом, размеры страны и ее природно-ресурсный потенциал не всегда являются определяющим фактором при характеристике степени достижения целей устойчивого развития.

Вместе с тем, в число G20 входят, как правило, крупные развитые и развивающиеся страны, характеризующиеся значительным производственным и человеческим потенциалом. На 2024 год страны «Группы двадцати» производили до 85% мирового валового внутреннего продукта планеты. В этих странах проживает две трети населения Земли. В число «двадцатки» входят 19 государств и два объединения. Поэтому, называть эту группу стран «Большой двадцаткой» не совсем некорректно.

Вопрос рационального размещения производства и систем расселения с учетом соблюдения принципов устойчивого развития особенно актуален для стран с большой территорией и значительными территориальными диспропорциями. В данном контексте можно вспомнить известное и популярное в XX веке учение советской школы экономической географии об энерго-производственных циклах [10]. С точки зрения достижения целей устойчивого развития, использование природно-ресурсного и производственного потенциала должно быть максимальным. Этого можно достичь

путем учета географических особенностей местности. Традиционно благоприятными предпосылками для размещения населения и хозяйственных объектов считаются места сосредоточения полезных ископаемых, пересечения транспортных путей, выход к Мировому океану или крупным речным системам, благоприятное сочетание почвенно-климатических условий, равнинный рельеф местности и ряд других особенностей, создающих благоприятные предпосылки для развития территории.

Таблица 2

Некоторые показатели развития стран G20 [9]

№	Страна	Численность населения, млн чел.	ВВП, млрд. дол. США
1	Австралия	25,69	1553
2	Аргентина	45	487,2
3	Бразилия	214	1609
4	Германия	83,2	4260
5	Индия	1408	3176
6	Индонезия	273,8	1186
7	Италия	59	2106
8	Канада	38,25	760,6
9	Китай	1412	17730
10	Республика Корея	51,74	1811
11	Мексика	126,7	1273
12	Россия	143,4	1779
13	Саудовская Аравия	35,95	833,5
14	Соединенное Королевство	67,33	3131
15	США	331,9	23320
16	Турция	84,78	819
17	Франция	67,75	2958
18	Южно-Африканская Республика	59,39	419
19	Япония	125,7	4941

Влияние географического фактора на размещение производительных сил общества проявляется в учете пространственных особенностей развития территориальных систем с учетом природного и антропогенного факторов. Например, обеспеченность природными ресурсами положительно влияет на решение о размещении предприятий, характеризующихся зависимостью от сырьевого фактора. Размещение тепловых электростанций на территории Российской Федерации целесообразно в восточной части страны, где сосредоточены крупные месторождения каменного угля. Такое размещение объектов энергетического комплекса сократит масштабы перевозок, тем самым сократятся транспортные расходы. Но основные потребители электроэнергии находятся в западной части страны. Передача энергии на такие расстояния приводит к колоссальным ее потерям и связана с решением дорогостоящих технических проблем. Соответственно, надо решать вопрос рационального размещения производства с учетом устойчивого развития. В этом контексте видится перспективным такой выход из данной ситуации. На базе богатых месторождений топливных и рудных полезных ископаемых Сибири и восточной части России целесообразно размещать объекты энергетики и мощности по переработке полезных ископаемых. Например, объекты теплоэнергетики, металлургические предприятия, предприятия химической промышленности, лесохимического комплекса и т. д.

За счет приближения предприятий с высокой степенью энергоемкости и

материалоемкости к источникам энергии и сырья получится значительный экономический эффект. Концентрация производства может усилить положительный экономический эффект и позволит использовать сырье комплексно, что сократит количество отходов производства и превратит их во вторичные ресурсы. Этому же будет способствовать комбинирование производства.

Формирование транспортной системы в районе нового освоения будет способствовать развитию транспортной инфраструктуры и расширению территории освоения. Кроме того, развитие транспорта будет способствовать снижению стоимости перевозок, увеличению количества перевозимых грузов, в том числе и транзитных. Исторический опыт свидетельствует о том, что появление дорог всегда приводило к развитию территорий. Не случайно, строительство дорог считается в мировой практике одним из путей преодоления кризиса.

Отдельно следует обратить внимание на такое обстоятельство, как синергический эффект, который должно оказать развитие новых территорий. Районы нового освоения всегда привлекали население возможностью проявить себя и реализовать свой потенциал. Строительство электростанций, промышленных предприятий, развитие транспортной системы и объектов инфраструктуры будет способствовать привлечению рабочей силы, увеличению численности населения, появлению новых населенных пунктов, развитию производственной и социальной инфраструктуры. Поддержка молодых семей только усилит эти процессы и будет способствовать увеличению показателя естественного прироста населения и притоку населения в районы нового освоения.

Российская Федерация обладает огромными ресурсами полезных ископаемых. Но следует помнить о различных вариантах связи показателя уровня социально-экономического развития территориальных и степени обеспеченности природными ресурсами. Наиболее благоприятным вариантом связи этих показателей является случай, когда высокий уровень обеспеченности территории полезными ископаемыми способствует достижению высокого уровня социально-экономического развития территории. Встречается в мировой практике вариант, когда высокая степень обеспеченности территории полезными ископаемыми не всегда способствует достижению высокого уровня социально-экономического развития. С точки зрения концепции устойчивого развития, наиболее ценным является опыт территорий, не обладающих значительными природными, но сумевшими достичь высоких показателей социально-экономического развития. Совсем печальным вариантом является случай, когда бедная природными ресурсами территория имеет низкий уровень социально-экономического развития. Это касается наименее развитых стран мира, которые находятся на низшей ступени социально-экономического развития в силу различных исторических, экономических, политических и других факторов.

Несмотря на важнейшую роль природных ресурсов, не стоит недооценивать значение природных условий при размещении производительных сил общества с целью достижения целей устойчивого развития. Природные условия, в отличие от природных ресурсов, не принимают непосредственного участия в производственных процессах, но определенным образом влияют на размещение и эффективность хозяйственного комплекса. Благоприятные климатические условия снижают расходы при транспортировке и подготовке сырья и топлива к применению в производственных процессах, расходы на обогрев и охлаждение помещений, создание комфортных условий труда и отдыха.

Степень обеспеченности территории влагой и величина годового количества

осадков определяют не только специализацию сельского хозяйства, но и возможность размещения предприятий различных отраслей экономики, количество и плотность населения, экологические особенности хозяйственного освоения территории. Например, в Донецком регионе всегда был и будет дефицит влаги. Соответственно, размещение производительных сил должно осуществляться с учетом этого фактора и возможности обеспечения потребности в водных ресурсах.

Географическое положение объектов играет важную роль при размещении населения и объектов промышленного назначения, центров переработки сельскохозяйственного сырья промышленных предприятий, складских помещений, торговых точек и т.д. В этом плане можно вспомнить позитивный опыт разработки теории полюсов роста Франсуа Перру, согласно которой экономическое пространство неоднородно. Наибольшей силой притяжения обладают полюса роста. Это обусловлено концентрацией на определенной территории лидирующих отраслей, создающих новые товары и услуги. Такие центры сосредоточения лидирующих отраслей становятся полюсами экономического роста, к которым притягивают факторы производства за счет наиболее эффективного их использования.

В значительной степени дополнили и расширили положения теории полюсов роста положения концепции Пьера Потье об осях развития. Это учение и сейчас находится на вооружении всех специалистов в области региональной экономики и пространственной организации размещения производительных сил, а так же специалистов по логистике. Оси развития представляют собой главные транспортные каналы, которые соединяют между собой важнейшие промышленные центры. Территории, расположенные между полюсами роста и обеспечивающие транспортную связь, получают дополнительные импульсы роста благодаря увеличению грузопотоков, распространению инноваций, развитию инфраструктуры, что превращает их в каркас экономического пространства, состоящий из полюсов роста и осей развития. Положения концепции об осях развития во многом объясняет существующую модель территориального развития и дает возможность с максимальной выгодой и учетом концепции устойчивого развития предложить перспективный план территориальной организации хозяйства и построение экономики регионов [11].

Учет специфики географического положения играет важную роль при определении внешней и внутренней политики стран и регионов, поскольку позволит избежать ошибок при реализации проектов строительства объектов промышленного и инфраструктурного назначения, построения логистических систем, организации системы государственного управления и местного самоуправления. Региональные аспекты устойчивого развития проявляются в учете специфики развития территории под воздействием специфических условий конкретной территории. На пространстве бывшего СССР возникло немало «горячих точек» только из-за того, что не были учтены специфические особенности регионального развития, самобытности территорий, их исторического прошлого и актуальные потребности.

Рельеф оказывает влияние на размещение населения и хозяйственных объектов, тем самым определяет устойчивость развития территории. Равнинный рельеф всегда был более предпочтительным при размещении населения, хозяйственных объектов, путей сообщения. С точки зрения логистики, рельеф оказывает влияние на географию транспорта и развитие логистических систем. Равнинный рельеф более благоприятен для развития всех видов транспорта. Горный рельеф осложняет строительство путей сообщения, приводит к удорожанию логистических услуг, дополнительному износу технических средств и другим неблагоприятным последствиям.

Экологический фактор как совокупность условий, с которыми организм сталкивается в процессе существования, определяет готовность живых компонентов экосистемы к приспособляемости. Экологические факторы делятся на факторы живой и неживой природы, а по происхождению бывают природные и антропогенные. География населения в значительной степени обусловлена влиянием экологического фактора. Наиболее благоприятными условиями для размещения населения и хозяйственных объектов обладают пространства умеренного и субтропического поясов, в которых сосредоточена значительная часть населения и экономического потенциала мира. Экваториальные и приполярные экосистемы менее комфортны для жизни человека и ведения хозяйственной деятельности. Если анализировать изменения в географии населения, то можно отметить расширение зоны расселения современного общества. Это обусловлено влиянием экономического фактора и научно-техническим прогрессом.

В современном мире экологический фактор стал выступать в качестве лимитирующего для географии промышленности в связи с высоким уровнем антропогенной нагрузки на окружающую среду. Значительные объемы ежегодно добываемых природных ресурсов привели к изменению географии отраслей промышленности, которые в своем размещении в значительной степени зависимы от сырьевого фактора. Исчерпание ресурсов заставляет размещать предприятия с учетом вероятности доставки сырья из других регионов, стран или даже материков. Этим объясняется изменение географии отраслей промышленности, которая проявляется в ориентации на привозное сырье, транспортные коридоры, портовые хозяйства.

Выводы. Концепция устойчивого развития направлена на формирование человека с новым мышлением, направленным на сохранение биоразнообразия и учет всех факторов развития общества с целью гармонизации взаимоотношений как между обществом и окружающей средой, так и внутри общества. Учет географического фактора проявляется в сохранении качественных характеристик среды обитания для будущих поколений. Это позволит рационально использовать потенциал территории с целью максимального удовлетворения потребностей нынешнего поколения, но при этом сохранит возможность будущих поколений существовать на планете и удовлетворять свои потребности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский, В. И. Собрание сочинений: в 24 т / под ред. Э. М. Галимова. – М.: Наука, 2013. – 112 с.
2. Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / под науч. ред. С. Н. Бобылёва, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. – 284 с.
3. Управление устойчивым развитием / под ред. А. В. Трачука. – СПб.: ООО «Издательский дом «Реальная экономика»» 2015. – 480 с.
4. Meadows, D. H. The Limits to Growth (1972). / D. H. Meadows, J. Randers, D. L. Meadows // Yale University Press – 2013. – P. 101-116.
5. Forrester, J. W. World dynamics / J. W. Forrester – Wright-Allen Press, 1971, p. 143.
6. Lasuén, J. R. Urbanisation and development—the temporal interaction between geographical and sectoral clusters / J. R. Lasuén // Urban studies. – 1973. – Т. 10. – №. 2. – P. 163-188.
7. Evteeva, S. A. Our common future. Report of the International Commission on Environment and Development (ICED) / S. A. Evteeva, R. A. Pereleta (Progress, Moscow) – 1989 – p. 50.
8. Список стран мира по ВВП по ППС на душу населения 2024 – Текст : электронный // Вконтакте : официальный сайт. – 2024. – URL: https://vk.com/wall-205483020_337/.

9. «Группа двадцати». Все, что нужно знать о G20. – Текст : электронный // ФГБУ «Редакция «Российской газеты»: официальный сайт. – 2024. – URL: <https://rg.ru/2023/09/07/gruppa-dvadcati-vse-chto-nuzhno-znat-o-g20.html>

10. Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – М.: Мысль, 1969. – 336 с.

11. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики. / А. Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 495 с.

Поступила в редакцию 13.10.2024 г.

INFLUENCE OF GEOGRAPHICAL FACTOR ON SUSTAINABLE DEVELOPMENT

V. M. Dubel

The article substantiates the need to take into account the geographical factor when building a society based on the principles of sustainable development. Attention is paid to the review of the influence of natural conditions and natural resources on the features of regional development and the choice of specialization industries in the territorial division of labor. The features of the influence of geographical factors on various spheres of society are considered. Conclusions are made about the importance of taking into account the geographical factor for preserving the qualitative characteristics of the living environment of future generations, which will allow rational use of the territory's potential in order to meet the needs of the current generation as much as possible, but at the same time preserving the ability of future generations to exist on the planet and meet their needs.

Keywords: geography, sustainable development, territorial systems, productive forces, location of economic sectors.

Дубель Владимир Михайлович

кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной и региональной экономики

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

dubel.vladimir@mail.ru

+7-949-569-67-74

ORCID 0009-0000-0311-1476

Dubel Vladimir

Candidate of Economics Sciences, associate Professor of management

Donetsk State University, city Donetsk

УДК 332.1:338.1

DOI 10.5281/zenodo.14236339

РЕФОРМИРОВАНИЕ ТРУДА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2024. Т. В. Ибрагимхалилова, К. О. Овчинникова

Статья посвящена анализу процесса реформирования труда в условиях цифровизации экономики в различных регионах России в период с 2020 по 2024 год. В работе рассматриваются изменения в структуре занятости, новые требования к навыкам работников, а также вызовы и возможности, которые представлены цифровыми технологиями. Особое внимание уделяется региональному аспекту платформенной занятости как новому способу трудоустройства, поскольку влияние цифровизации различно в зависимости от экономического и социального контекста.

Ключевые слова: цифровизация, рынок труда, коэффициент напряженности на рынке труда, безработица, платформенная занятость, самозанятость.

Постановка проблемы. Технологическая трансформация, характеризующаяся быстрыми темпами развития технологий, таких как искусственный интеллект, автоматизация, большие данные и облачные вычисления; изменение структуры занятости вследствие внедрения цифровых технологий привела к изменению профессий и требований к квалификации; социальные изменения, обусловленные изменениями в социальных ожиданиях работников, такие как поиск баланса между работой и личной жизнью; глобальная конкурентоспособность; регуляторные изменения; экономическая нестабильность и необходимость повышения эффективности производства; гибкость рынка труда; инвестиции в цифровую инфраструктуру и, наконец, пандемия COVID-19 – все эти факторы не только ускорили процесс цифровизации и переход на удаленные форматы работы, но и поспособствовали реформированию труда и трудовых отношений.

Актуальность темы исследования. Актуальность исследования заключается в том, что цифровизация экономики становится одним из ключевых факторов, влияющих на структуру труда и занятости в регионах Российской Федерации (РФ). В условиях стремительных изменений необходимо оценить текущие тренды и выработать рекомендации эффективного управления трудовыми ресурсами в рамках федеральной и региональной политики.

Анализ последних исследований и публикаций. К плеяде теоретиков фундаментальных исследований вопросов трудовых отношений следует отнести: Джона Р. Кейса, который исследовал динамику трудовых отношений и изменения в структуре занятости [23], влияние технологий на трудовые отношения и исследование подходов к управлению занимался Д. К. Гэлбрейт [3], М. Портер поднимал вопросы о конкурентных преимуществах, которые могут быть достигнуты через инновационные практики в управлении трудом [7] и других.

Среди современников можно отметить ряд ученых, которые занимаются изучением теоретических аспектов инновационных моделей трудовых отношений на рынке труда: Д. С. Боев и О. А. Поэтова анализируют влияние цифровизации на рынок труда [1], в то время как Н. И. Глотова выделяет платформенную занятость как ключевой тренд в современных условиях [2], М. А. Косарева исследует занятость в

платформенном секторе [5], а Н. В. Локтюхина рассматривает тенденции индивидуализации трудовых отношений и вопросы их регулирования [6] и других.

Отдельно можно выделить работы, таких зарубежных исследователей как Ж. Берга и В. Де Стефано, которые акцентируют внимание на проблемах доходной безопасности и защите труда в условиях экономики креативной занятости (gig-economy) [17, 18] и других.

В последние годы в России наблюдается рост интереса к теме цифровизации и ее влияния на трудовую сферу. Анализ публикаций РАНХиГС, ВШЭ и других научных учреждений показывает, что существует необходимость в комплексном подходе к реформированию системы подготовки кадров и развитию новых моделей труда.

Цель. Обосновать необходимость реформирования труда в новых условиях цифровизации экономики в регионах Российской Федерации.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования были проанализированы данные по коэффициенту напряженности на рынке труда (далее – КНТ) в разных регионах России за период с 2020 по 2023 год (рис. 1). Данный коэффициент, как правило, определяется как отношение численности безработных к числу вакансий. Высокий коэффициент свидетельствует о том, что на рынке труда наблюдается высокий уровень безработицы и недостаток рабочих мест.

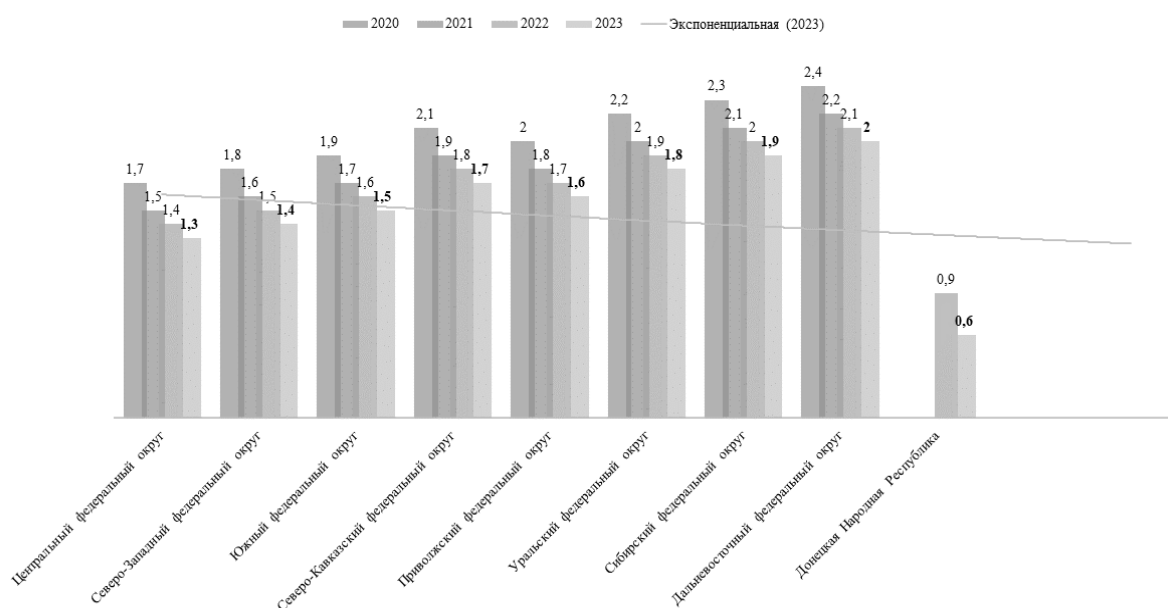

Рис. 1. Динамика коэффициента напряженности на рынке труда в регионах РФ

Согласно данным, представленным на рис. 1, можно проследить динамику снижения коэффициента напряженности на рынке труда: в 2020 году КНТ вырос из-за пандемии COVID-19, которая привела к массовым увольнениям; в 2021 году коэффициент снизился благодаря восстановлению экономики и созданию новых рабочих мест; в 2022-2023 гг. коэффициент продолжил снижаться из-за роста числа вакансий и сокращения числа безработных; ожидается, что в 2024 году коэффициент продолжит снижаться, поскольку экономика продолжает восстанавливаться.

По Донецкой Народной Республике (ДНР) данные коэффициенты отличаются от среднероссийских значений, что требует отдельного анализа.

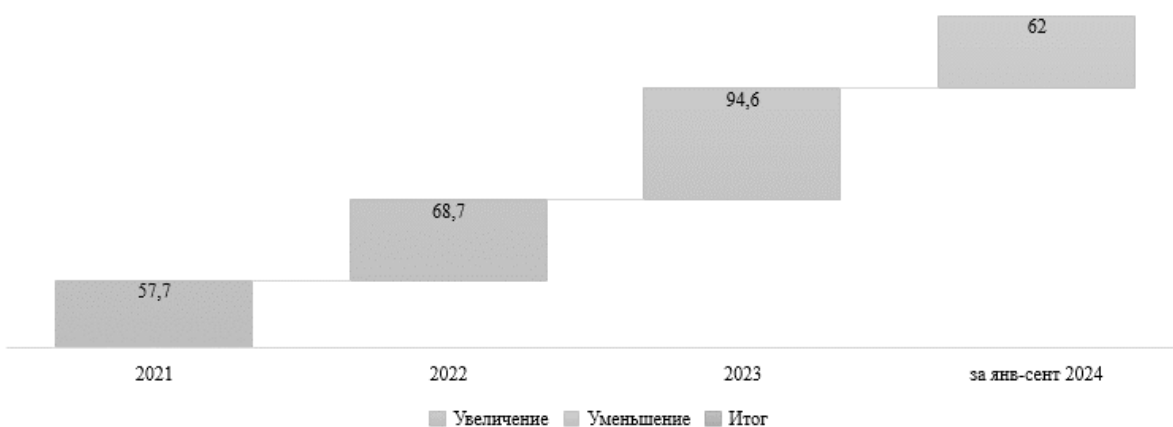

Рис. 2. Динамика вакансий на рынке труда ДНР, тыс.

В 2023 году было зафиксировано значительное повышение числа вакансий, что привело к снижению КНТ. Согласно информации Республиканского центра занятости Донецкой Народной Республики (далее – РЦЗ ДНР), «...с начала 2023 года работодателями, осуществляющими деятельность на территории Донецкой Народной Республики, в центры занятости представлена информация о 94,6 тыс. свободных рабочих мест (вакантных должностей); из них: 77,8 тыс. (82,2 %) – по рабочим профессиям; 16,8 тыс. (17,8 %) – по должностям специалистов и служащих. По состоянию на 01.10.2024 года КНТ Донецкой Народной Республики составил 0,1» [15].

Одной из причин снижения КНТ является развитие гибких форм занятости, таких как платформенная занятость.

Зарождение цифровых платформ занятости в РФ можно проследить с начала 2000-х годов, когда первые фриланс-сайты начали появляться на рынке. Однако настоящий бум цифровых платформ пришёлся на 2010-е годы с ростом доступности интернета и мобильных технологий. Платформы, такие как HeadHunter, Freelance.ru и многие другие, начали активно развиваться, предоставляя пользователям доступ к широкому спектру вакансий и проектов. Коронавирусная пандемия, начавшаяся в конце 2019 года, оказала значительное влияние на глобальные социально-экономические структуры и дала мощный толчок к популяризации удаленной работы, что способствовало новому взгляду на занятость.

Таким образом, по мнению Ю. В. Герауфа и Н. И. Глотовой «...занятость через платформы представляет собой эффективный метод заработка, как на временной, так и на постоянной основе. Она способствует увеличению гибкости на рынке труда и повышению уровня жизни граждан. Низкие барьеры для входа, свобода в выборе рабочего времени, и возможность работы удаленно делают платформенную занятость особенно привлекательной для людей с ограниченной мобильностью и уязвимых групп, таких как пожилые люди, лица с инвалидностью, матери с детьми и молодежь, не имеющая рабочего опыта [2]. Авторы отмечают, что данная форма занятости увеличивает риск прекаризации, которая, по мнению Р. А. Долженко, представляет собой минимизацию чувства уверенности работника относительно возможности выполнения им своих социальных, семейных и иных обязательств, а также обеспечения его прав в рамках трудового процесса части рабочей силы [4].

Таблица 1

Определения платформенной занятости зарубежных исследователей (*систематизировано автором*)

Содержание	Источник/Автор
«...платформенная занятость включает в себя работу, осуществляемую через цифровые платформы, где работники находят задания и клиенты находят исполнителей» [16]	Кодекс платформенной экономики (OECD, 2020)
«...платформенная занятость – это форма труда, которая осуществляется через онлайн-платформы, связывающие независимых подрядчиков и клиентов» [17]	Berg, J. (2016)
«...работа, выполняемая через платформенные сервисы, которые используют алгоритмы для поиска исполнителей и распределения заданий» [18]	De Stefano, V. (2016)
«...платформенная занятость аванжирует использование технологий для организации трудовой деятельности, что часто усиливает гибкость в выборе задания для работников» [19]	Wood, A. J., Lehdonvirta, V., & Williams, M. (2019)
«...это форма занятости, где работники предоставляют свои услуги через интернет-платформы, получая оплату за выполненные задания» [20]	Eichenbaum, L. (2018)
«...платформенная занятость описывает рабочие отношения, основанные на краткосрочных контрактах, управляемых цифровыми платформами» [21]	Kalleberg, A. L. (2018)
«...платформенная занятость – это форма временной работы, в которой исполнители ищут заказы через мобильные и интернет-приложения» [22]	ILO (International Labour Organization) (2018)

Таким образом, можно сделать вывод, что платформенная занятость – это комплексная система способов трудоустройства, в рамках которой пересекаются технологии, экономические реалии и социальные изменения.

Исследователи Н. В. Локтюхина и Е. А. Черных подчеркивают тот факт, что, несмотря на многочисленные преимущества платформенной формы занятости для нанимателей и соискателей, нельзя игнорировать и существующие недостатки данной формы занятости [6].

Динамика платформенной занятости

Как было отмечено выше, в 2020 году, на фоне пандемии COVID-19, наблюдался резкий рост интереса к платформенной занятости. Многие работники потеряли свои традиционные рабочие места и перешли на удалённую работу, привлекая внимание к платформам фриланса и доставок. Так, согласно данным ФНС РФ, в 2020 г. в стране было зарегистрировано 1,5 млн. самозанятых [9], а к концу 2021 года по данным Минэкономразвития РФ число самозанятых приближалось к 2 400 тыс. чел. [13].

Согласно данным Росстата, в 2020 году в Москве количество зарегистрированных пользователей платформенных сервисов увеличилось на 35% по сравнению с 2019 годом [8]. Санкт-Петербург также продемонстрировал значительный рост, составив 30% за тот же период. К 2023 году, по данным аналитической компании «Data Insight», более 60% населения крупных городов использовали хотя бы одну платформу для получения следующих услуг: такси (сервисы, такие как Яндекс.Такси и Gett); доставка еды (Яндекс.Еда, Delivery Club); платформы для фрилансеров (Youdo, Freelancer).

Эти платформы обеспечивают широкий спектр возможностей для трудоустройства, что также влияет на уровень безработицы в данных регионах, снижая его до 1,8% в Москве и 1,5 % в Санкт-Петербурге по итогам 2023 года [8].

В 2023 году платформа Yandex.Eats продемонстрировала самую высокую динамику роста в Сибирских и Дальневосточных регионах, что связано с увеличением спроса на услуги доставки.

Для социально-экономической системы	Преимущества:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) возможность повышения занятости и доходов населения; 2) снижение безработицы в период кризисов, в том числе на фоне пандемии; 3) легализация и «обеление» экономической деятельности; 4) повышения доступности отдельных видов услуг
Для платформы	Преимущества:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) число исполнителей можно регулировать в зависимости от спроса; 2) экономия на налогах
Для нанимателя	Преимущества:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) снижение издержек по сравнению со стандартными формами занятости; 2) возможность формирования команды под конкретные проекты; 3) учёт индивидуальных личностных различий соискателя; 4) более полное использование трудового потенциала работника с учетом конкретной задачи
Для соискателя:	Преимущества:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) увеличение вариантов заработка и личного роста; 2) гибкость отношений на рынке труда; 3) возможность работать в любом месте и в любое время; 4) объединение нескольких проектов и избавление от рутины;
	Недостатки:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) сжатие сегмента традиционной занятости, которая служит источником социальных страховых взносов; 2) риск недополучения налогов; 3) потери в человеческом капитале;
	Недостатки:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) размывание рабочей силы; 2) низкая лояльность кадровой единицы; 3) отрицательный отбор исполнителей
	Недостатки:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) сложности взаимодействия с работниками; 2) риск частичной потери контроля; 3) риск невыполнения работ; 4) необходимость разработки новых методов управления персоналом
	Недостатки:
	<ol style="list-style-type: none"> 1) уменьшение или полное отсутствие социальных гарантий; 2) недостаточность и отсутствие правового регулирования; 3) неустойчивость занятости (прекаризация); 4) нечёткость и неопределённость статуса занятости на рынке труда;

Рис. 3. Преимущества и недостатки платформенной занятости
(составлено на основе данных [2, 6])

Институт статистических исследований и экономики знаний (далее – ИСИЭЗ) НИУ ВШЭ представляет оценки платформенной занятости в России «...платформенная занятость становится значимой частью отечественной экономики. В 2023 г. в России 3.4 млн. человек использовали цифровые платформы для поиска клиентов и выполнения заказов, хотя бы один раз за обследуемую неделю (на основном и/или дополнительном месте работы), что составило 4.6% от всех занятых; 3.2 млн. человек применяли цифровые платформы на основной работе. По последним доступным данным, в II квартале 2024 г. численность платформенных работников немного снизилась и составила 3.2 млн. человек или 4.3% от общей численности занятых.

По регионам в 2023 г. наблюдается значительная дифференциация показателя. Наивысший уровень (7% и более) зафиксирован в регионах Северо-Кавказского федерального округа, Калининградской области и Краснодарском крае, наименьший (ниже 1,5%) – в Ульяновской и Тамбовской областях, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах» [12].

Заслуживает внимания факт, что уровень вовлеченности постоянного населения Москвы и Санкт-Петербурга в платформенную занятость в 2024 году ниже среднего по

стране и составляют 4,1 и 3,2% соответственно.

По информации РЦЗ ДНР в конце 2022 года учреждения занятости населения Донецкой Народной Республики приступили к обслуживанию клиентов – ищущих работу граждан и работодателей – в соответствии с федеральными стандартами; «...с 1 июля 2024 года регистрация заинтересованных в поиске работы граждан и ищущих новые кадры работодателей, оказание им государственных услуг в сфере занятости населения в Республике будет происходить посредством Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа России»» [15].

Ю. В. Герауф, Н. И. Глотова считают, что «...наиболее оптимальным режимом платформенной занятости с точки зрения баланса выгод и издержек оказывается самозанятость. В различных странах самозанятыми считаются лица, которые находят работу через цифровые платформы. В рамках современного законодательства РФ легитимные способы оформления платформенной занятости включают самозанятость и индивидуальное предпринимательство. К преимуществам самозанятости относят легальный статус, упрощенный налоговый режим (налог на доходы по пониженной ставке 4-6%) и простота в оформлении» [2].

По агрегированным данным о количестве самозанятых, представленным на рис. 4 наблюдается динамика роста общего числа самозанятых с 2019 года. Этот тренд связан с внедрением специального налогового режима для самозанятых, который был введен в 2019 году [9, 10].

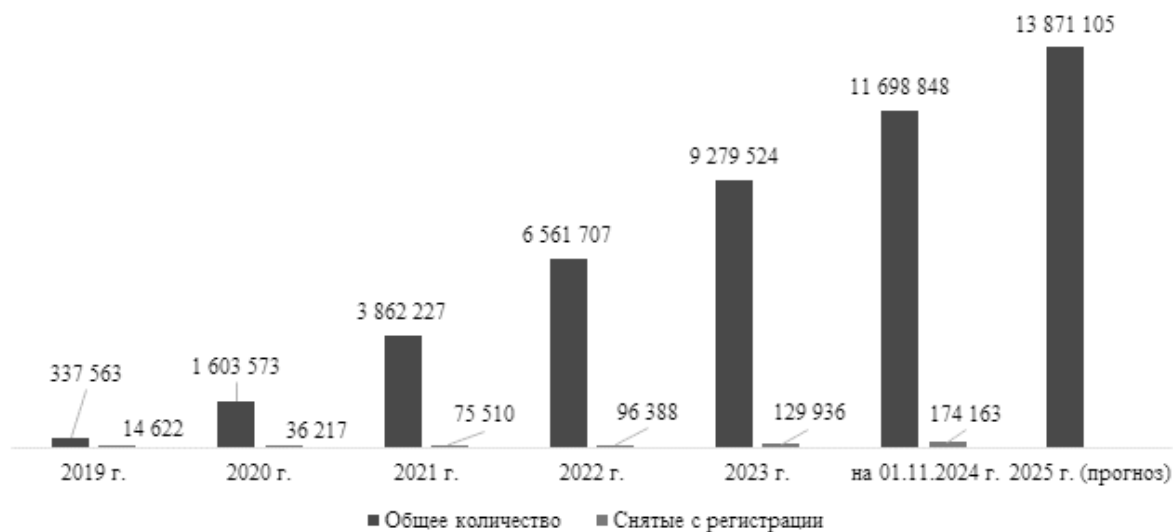

Рис. 4. Динамика по количеству самозанятых (составлено на основе данных [10])

Применив метод линейной экстраполяции, мы получили прогноз на 2025 год, при котором общее количество самозанятых лиц составит примерно 13 871 105 человек.

С каждым годом малые и средние предприятия всё активнее рассматривают возможность сотрудничества с самозанятыми специалистами. Эта тенденция обоснована стремлением оптимизировать расходы и повысить гибкость в кадровых вопросах.

В 2020 году более 258 тысяч организаций выбрали услуги самозанятых, что подчеркивает растущий интерес к этому формату сотрудничества. Среди наиболее популярных сфер, в которых работают самозанятые, выделяются услуги такси, доставка товаров, аренда жилья, репетиторство, а также ремонтные работы. Кроме

этого, не менее важную роль играют маркетинговые и IT-услуги, которые становятся необходимыми для повышения конкурентоспособности бизнеса. Такой подход позволяет предприятиям быстро адаптироваться к изменяющимся условиям рынка, привлекая узкопрофильных специалистов без необходимости в трудоемком и дорогостоящем процессе формирования штата [8].

Исследователи ИСИЭЗ НИУ ВШЭ подчеркивают «...через цифровые платформы работают представители разных профессий. Наиболее многочисленные группы не требуют наличия среднего профессионального образования и высокого уровня цифровых навыков [12]:

Профессии с низким уровнем образования и цифровых навыков: водители (17%), работники сферы индивидуальных услуг (11,6%), средний специальный персонал по экономической и административной деятельности (8,4%), продавцы (7%).

Профессии с высоким уровнем квалификации: специалисты в сфере бизнеса и администрирования (6,6%), специалисты в области права, гуманитарных областей и культуры (4,2%), специалисты по ИКТ (3,4%) (рис. 5).

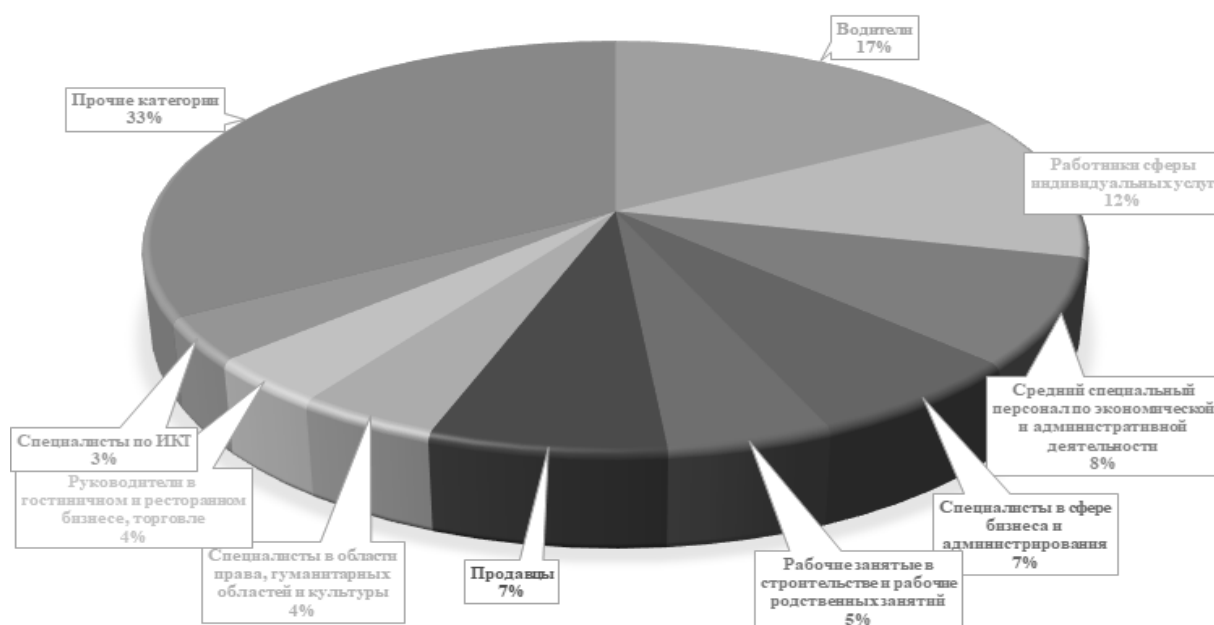

Рис. 5. Структура платформенной занятости по профессиональным группам: 2023 (%)

Специалисты в этих областях могут искать удаленную работу на цифровых платформах, таких как «Профи», YouDo и FREELANCE, включая международные, так как для выполнения таких проектов физическое присутствие работника на месте обычно не требуется [12].

Выводы и дальнейшая дискуссия. В заключение можно сказать, что реформирование труда в условиях цифровизации экономики является сложным и многоуровневым процессом, требующим внимания как со стороны федеральных, так и региональных властей. Для успешной адаптации к новым условиям необходимо проводить регулярные исследования, разрабатывать политику на основе актуальных данных и внедрять современные образовательные программы, адаптировать законодательство на поддержку платформенных занятых и обеспечение социальными

гарантиями.

Дальнейшие дискуссии следует вести вокруг вопросов государственной политики в области платформенной занятости, а также о возможностях государственной поддержки для тех регионов, которые отстают в сфере цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боев, Д. С. Рынок труда в условиях цифровизации / Д. С. Боев, О. А. Поэтова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики : в 3 т., Красноярск, 11–15 апреля 2022 года. Том 3. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева", 2022. – С. 143-145. – EDN EOHWQM.
2. Глотова, Н. И. Платформенная занятость - главный тренд развития рынка труда в современных условиях / Н. И. Глотова, Ю. В. Герауф // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2021. – № 4. – С. 22-27. – DOI 10.14258/epb202151. – EDN FQPAJF.
3. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество = The New Industrial State (1967). – АСТ, 2004. – 608 с.
4. Долженко Р. А. Понятие и сущность прекаризации, а также основные направления её исследования // Известия ВУЗов ЭФиУП. 2016. №4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-prekarizatsii-a-takzhe-osnovnyie-napravleniya-eyo-issledovaniya> (дата обращения: 13.10.2024).
5. Косарева, М. А. Занятость в платформенном секторе экономики / М. А. Косарева, А. В. Остапенко // Цифровые технологии и информационная безопасность бизнес-процессов: Сборник научных статей по итогам научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород, 25 мая 2022 года / Редколлегия: А.О. Грудзинский [и др.]. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. – С. 42-46. – EDN GDFXHL.
6. Локтюхина, Н. В. Индивидуализация трудовых отношений: тенденции развития и вопросы регулирования / Н. В. Локтюхина, Е. А. Черных // Социально-трудовые исследования. 2021. №4 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualizatsiya-trudovyh-otnosheniy-tendentsii-razvitiya-i-voprosy-regulirovaniya> (дата обращения: 08.10.2024).
7. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость Майкл Е Портер; Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 715 с.
8. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 07.10.2024).
9. Федеральная налоговая служба России. В России зарегистрировались 1,5 млн самозанятых. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10297401/ (дата обращения: 10.10.2024 г.).
10. Платформа поставки данных ФНС России. URL: <https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment> (дата обращения: 07.10.2024).
11. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (дата обращения: 07.10.2024).
12. Платформенная занятость в России (экспресс-информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ). – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/976054296.pdf> (дата обращения: 11.10.2024).
13. Минэкономразвития России. Количество самозанятых в России увеличилось на 125 тыс. человек за месяц. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://economy.gov.ru/material/news/kolichestvo_samozanyatyh_v_rossii_uelichilos_na_125_tys_chelovek_z_a_mesyac.html (дата обращения: 10.10.2024 г.).
14. ВШЭ. Инновации в образовании и их роль в подготовке кадров. // Вестник Высшей школы экономики, 2023. – Т. 30. – №4. – С. 50-67.
15. Республиканский центр занятости Донецкой Народной Республики. URL: <https://rcz-dnr.ru/> (дата обращения: 12.10.2024).
16. OECD (2019a) Online Platforms and the EU Digital Single Market (EUC Report). https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/an-introduction-to-online-platforms-and-their-role-in-the-digital-transformation_19e6a0f0-en (дата обращения: 12.10.2024).
17. Berg, Janine, Income Security in the On-Demand Economy: Findings and Policy Lessons from a Survey of Crowdworkers (March 1, 2016). Comparative Labor Law & Policy Journal, Vol. 37, No. 3, 2016,

Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2740940>

18. Stefano, Valerio De. "The rise of the "just-in-time workforce": on-demand work, crowdwork and labour protection in the "gig-economy"." *Comparative Labor Law and Policy Journal* 37 (2015): 461-471.

19. Wood, Alex J. and Vili Lehdonvirta. "Platform Labour and Structured Antagonism: Understanding the Origins of Protest in the Gig Economy." UNSW: Industrial Relations Research Centre (Topic) (2019): n. pag.

20. Mukhopadhyay, Boidurjo Rick. (2020). What is the Gig Economy?

21. Kalleberg, Arne L. "Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition." *American Sociological Review* 74 (2009): 1 - 22.

22. ILO (International Labour Organization) (2018). «The Future of Work: Trends and Challenges» <https://www.ilo.org>.

23. Keynes, J. M., *The General Theory of Employment, Interest and Money*, Book 3, Chapter 10, Section 6, p. 129.

Поступила в редакцию 01.11.2024 г.

LABOR REFORM IN THE NEW CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY IN THE REGIONS OF RUSSIA

T. V. Ibragimkhalilova, K. O. Ovchinskova

The article is devoted to the analysis of the labor reform process in the context of the digitalization of the economy in various regions of Russia in the period from 2020 to 2024. The paper examines changes in the employment structure, new requirements for employee skills, as well as challenges and opportunities presented by digital technologies. Special attention is paid to the regional aspect of platform employment as a new way of employment, since the impact of digitalization varies depending on the economic and social context.

Keywords: digitalization; labor market; labor market tension coefficient, unemployment, platform employment, self-employment.

Ибрагимхалилова Татьяна Владимировна

доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой маркетинга и логистики

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

itv2106@mail.ru

+7-949-029-18-88

ORCID 0000-0003-0477-7186

Овчиникова Карина Олеговна

аспирант кафедры маркетинга и логистики

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

karina.lebedewa2016@yandex.ru

+7-949-328-02-43

ORCID 0009-0008-4098-6878

Ibragimkhalilova Tatiana

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Donetsk State University, city Donetsk

Ovchinskova Karina

postgraduate student

Donetsk State University, city Donetsk

УДК:339.138: 347.451.01
DOI 10.5281/zenodo.14236293

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВАЯ СПЕЦИФИКА РЫНКОВ ЦИФРОВЫХ ТОВАРОВ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ МАРКЕТИНГ

© 2024. *Н. В. Каменева, Е. А. Возиянова*

В работе представлены результаты анализ актуальных проблем и современных методологических подходов к исследованию экономической сущности категории «цифровой товар» и юридических аспектов оборота таких товаров с точки зрения задач маркетинговой деятельности и исследования покупательского поведения. Даны определения информационного маркетинга и цифрового товара как объекта экономического оборота. Предложен подход к разграничению понятий «цифровой товар» и «цифровая услуга» на основе базовых экономических свойств цифровых объектов. Результаты исследования могут быть положены в основу классификации цифровых товаров в маркетинговых целях.

Ключевые слова: объект экономического оборота, товар, неосязаемый товар, цифровой товар, цифровой контент, цифровые рынки, информационный маркетинг, покупательское поведение, поведение потребителей.

Постановка проблемы. В течение последних десятилетий в мировой торговле растет удельный вес неосязаемых товаров (англ. – intangible goods). Значительная часть таких товаров представлена файлами на цифровых электронных носителях. Они обозначаются термином «цифровые товары», которому в англоязычных источниках могут соответствовать такие выражения, как digital goods, digital products (цифровые продукты без разделения на товары и услуги), digital assets (цифровое имущество) и digital commodities (последний термин, как правило, означает биржевые товары).

Анализ рынков цифровых товаров, трендов на этих рынках и потребительских свойств указанных товаров затруднены в связи с отсутствием, как в Российской Федерации, так и за рубежом, единого подхода к определению самого понятия «цифровой товар». Соответственно, проблематичным становится построение необходимых для маркетингового анализа классификаций цифровых товаров, а также выявление их существенных свойств, влияющих на покупательское поведение. Актуальность исследований в данной области определяется динамичным развитием рынка программного обеспечения, а также иных товаров, производимых и реализуемых с помощью цифровых технологий (электронной литературы, аудиовизуальной продукции, баз данных и т. д.). Помимо этого, к цифровым товарам относят также электронные финансовые инструменты, включая криптовалюты, масштабы торговли которыми на мировом рынке значительно возросли в последнее десятилетие. В связи с развитием цифровых рынков растет роль цифрового маркетинга и маркетинга информационного, что и определяет актуальность темы исследования.

Анализ последних исследований и публикаций. Одной из основополагающих работ в данной области является исследование Мовшовица (Mowshowitz) по вопросам экономической природы информационных товаров, результаты которого были опубликованы в 1992 году [1]. В указанной статье используется термин information commodities (информационные товары), который в целом соответствует более распространенному в настоящее время выражению digital goods. Впоследствии в изучение свойств цифровых товаров значительный вклад в начале XXI внесли китайские ученые Хуэй Кай-Лун (Hui, Kai Lung) и Там Кар-Янь (Tam, Kar Yan),

специализирующиеся, в частности, в области внедрения информационных технологий и маркетинга цифровых товаров. На примере компьютерного программного обеспечения они показали, что функционал товаров данного типа непосредственно определяет их стоимостные характеристики в связи со стремящимися к нулю маржинальными затратами на изготовление индивидуальных копий [2, с. 155]. Данный вывод может быть распространен на многие разновидности цифровых товаров. Американские исследователи Ким (Kim) и Уинстон (Whinston) рассматривали вопросы торговли цифровыми товарами в общем контексте цифровой экономики, под которой понимается экономическая система, основанная на реализации товаров и услуг в цифровом формате [3 с. 450]. Ким и Уинстон выделили такие существенные качественные характеристики цифровых товаров, как сравнительная простота индивидуализации исполнения, легкость совершения сделок по их купле-продаже и ограниченная во многих случаях возможность оценки качества в момент покупки [5, с. 452, 459]. Вопросами оценки свойств цифровых товаров, определяющих впечатления пользователей, занимались шведские исследователи Нюлен (Nylén) и Холмстрем (Holmström) [4].

Среди отечественных источников следует выделить работы М. Д. Твердохлебовой по вопросам маркетинга цифровых товаров. Она сформулировала одно из определений понятия цифровой товар, которое широко используется в российской литературе по маркетингу, а также проанализировала основные свойства цифровых товаров и их особенности, влияющие на формирование комплекса маркетинга, выделив из них в качестве определяющего фактора отсутствие необходимости использования тиражируемых носителей [5, с. 10].

Следует отметить, что объектами исследования сущности и свойств цифровых товаров, как правило, становятся их отдельные разновидности, причем, как показано выше, имеют место существенные разногласия в отношении того, какие объекты могут обозначаться данным термином и в чем состоят отличия между цифровыми товарами и услугами. Определения цифровых товаров, приводимые в исследовательских работах, различным образом трактуют это разграничение, а в ряде случаев прямо объединяют понятия цифровых товаров и услуг. При этом, как отмечает Ходжник (Hojnik), сложность разделения этих понятий связана с развитием принципиально новых, в частности, так называемых «облачных», цифровых технологий [6, с. 69].

Обобщая информацию по данной тематике из научных публикаций, можно считать общепринятым положение о том, что цифровые товары представляют собой товары, существующие в виде цифровых записей в памяти электронных устройств (см., в частности, определение, используемое американской инвестиционной компанией FastSpring [7]). В остальном, концепции сущности цифровых товаров, описываемые в различных источниках, расходятся.

Важным аспектом проблемы исследования рынка цифровых товаров является то обстоятельство, что в законодательстве ведущих стран и интеграционных объединений мира, включая Российскую Федерацию и Евразийский экономический союз, отсутствуют нормативные определения понятия «цифровой товар» (исключением является законодательство отдельных штатов США, в частности, штата Калифорния). Нет также общего понимания сущностных характеристик таких товаров и их принципиальных отличий от традиционных «осязаемых» (англ. – *tangible*) товаров. Соответственно, в научном сообществе не существует единого представления и о базовых свойствах и классификации цифровых товаров.

Общая оценка оборота цифровых товаров представляется чрезвычайно сложной

задачей в связи с неопределенности самого термина. Для демонстрации масштабов торговли такими товарами можно привести следующие примеры по отдельным секторам цифровой индустрии. Так, по данным немецкой компании Statista по состоянию на июль 2023 года, прогнозируемое значение объема мирового рынка цифрового медиаконтента (англ. – digital media) – одного из основных типов цифровых товаров – в 2023 году составило 627,7 млрд долл. США с приростом на 12,5% по сравнению с предшествующим годом, [8]. Однако, согласно аналитике Statista, опубликованной в марте 2024 года, прогноз объема рынка на 2024 год был оценен в размере 560,7 млрд долл. США с приростом 12,4% к предыдущему году, т.е. компания оценила фактический объем 2023 года в сумме, близкой к 500 млрд долл. США (более чем на 25 % ниже прогноза, сделанного семью месяцами ранее) [9]. Поскольку основные источники информации о сфере цифровой индустрии не сообщали о существенной волатильности рынка медиаконтента в 2022–2024 гг., можно предположить, что столь значительное расхождение в данных было вызвано изменением методологии оценки. Такое изменение могло быть связано со сложностью учета соответствующих объемов продаж. При этом исследование глобального рынка цифрового медиаконтента, выполненное в октябре 2024 года индийской фирмой Global Growth Insights, содержит оценку объема за 2023 год в размере 932,7 млрд долл. США, что на 86% превышает оценку Statista [10]. По оценке же бразильского предпринимателя и исследователя Каньо (Cagno) объем мирового рынка цифровых товаров еще в 2017 году составил 950 млрд долл. США [11]. С учетом приводимых в различных источниках оценок совокупных годовых темпов роста (CAGR), консервативная оценка объема рынка в 2023 году по методике Каньо превысила бы 1,5 трлн долл. США. В основе этой методики лежит включение в состав цифровых товаров, помимо медиаконтента, программного обеспечения, включая мобильные приложения, а также оказываемых онлайн образовательных услуг. При таком подходе возникают спорные вопросы о разграничении цифровых товаров и цифровых услуг. Такое разграничение в ряде случаев сталкивается с определенными проблемами теоретического характера.

В приведенных примерах из рассмотрения исключались цифровые товары, служащие в качестве средств платежа, и различные электронные финансовые инструменты (их учет приводил бы к значительным объемам двойного счета). Такие товары в англоязычной литературе обозначаются термином digital assets («цифровые активы»), и их оборот в последние годы начинает играть заметную роль на мировых финансовых рынках. В основном они представлены криптовалютами. Отдельно по данному сектору за 2023 год оценка мирового объема сделок, выполненная компанией Statista, составила 33,1 млрд долл. США [12].

Выделение нерешенных проблем. Несмотря на значительный разброс оценок объемов торговли цифровыми товарами, имеющиеся данные позволяют сделать вывод о значительной емкости и высоком потенциале соответствующих рынков, что определяет растущую актуальность их исследования в маркетинговых целях. В то же время имеет место неопределенность в определении правового статуса, экономической сущности и характера потребления цифровых товаров, что затрудняет анализ рыночных тенденций и исследования покупательского поведения. Таким образом, затрудняется развитие маркетинга на рынках цифровых товаров, как системной деятельности предприятий, осуществляемой на рынке и с рынком, через реализуемые стратегии, непременно оказывающие прямое либо косвенное воздействие на покупателя и потребителя (пользователя).

Цель работы. Исследовать экономико-правовую специфику рынков цифровых

товаров в контексте информационного маркетинга через проведение анализа юридических и экономических особенностей категории «цифровой товар», влияющих на функционирование рынков цифрового контента, что позволит в дальнейшем углубить понимание потребительских свойств этих товаров и выработать методологический подход к их эффективной классификации в маркетинговых целях.

Результаты исследования. Современные цифровые рынки представляют собой институты, эффективность функционирования которых во многом определяется снижением транзакционных издержек для продавца и покупателя товаров и услуг, что позволяет снижать риски участников сделок. В этих условиях успех деятельности субъектов хозяйствования в значительной мере определяется комплексным использованием инструментов маркетинга. При этом маркетинговая деятельность в условиях ускоряющейся цифровизации и глобализации экономики имеет ряд векторов, таких как стратегический маркетинг, продуктовый маркетинг (маркетинг товаров и услуг), цифровой и информационный маркетинг.

Категория «товар» в различных системах права. Категория «товар» в различных системах права имеет неоднозначный характер. Неоднозначность в отнесении тех или иных объектов экономического оборота к цифровым товарам в значительной мере связана со сложностью самой категории «товар», которая имеет различный смысл в экономической науке и в праве. При этом, определения товара в законодательстве различных стран не полностью совпадают, что, в условиях глобализации торговли, способствует углублению разногласий в трактовке терминов, относящихся к товарному обращению. Рассмотрим концепции товара (good) в гражданском праве Российской Федерации, Великобритании, США и Европейского Союза.

Ст. 455 ГК РФ определяет товар, как любую вещь, с учетом положений ст. 129 ГК РФ. В ст. 454 ГК РФ термины «вещь» и «товар» употребляются как взаимозаменяемые, причем указывается, что положения данной статьи может распространяться на имущественные, в том числе цифровые права (понятие цифровых прав определено в ст. 141.1 ГК РФ) [13]. Ст. 129 ГК РФ определяет оборотоспособность объектов гражданских прав, предоставляя законодателю право вводить различного рода ограничения на оборот отдельных объектов, а также прямо запрещая (п. 4) отчуждение результатов интеллектуальной деятельности, перечисленных в ст. 1225 ГК РФ (объектов интеллектуальной собственности, далее – ИС). Последние, таким образом, выводятся из сферы товарооборота [13]. Отметим, что ст. 1225 ГК РФ, помимо прочего, включает в состав объектов ИС компьютерные программы, базы данных, ноу-хау, топологию микросхем, произведения науки и искусства, фонограммы, т.е. объекты, которые в настоящее время, как правило существуют в электронном формате. Защита интеллектуальных прав регулируется положениями ГК РФ, посвященными патентному и авторскому праву.

Что касается понятия «вещь», оно поясняется (без нормативного определения) в ст. 130 ГК РФ «Недвижимые и движимые вещи», причем к движимым вещам относятся деньги и ценные бумаги без уточнения их формы (металлические, бумажные или электронные) [13]. В статье же 128 к «вещам» однозначно отнесены лишь наличные деньги и документарные ценные бумаги в то время, как формулировка, хотя и допускает с точки зрения грамматики включение безналичных денег и цифровые активы в категорию вещей, однако по смыслу может интерпретироваться как отнесение их к разряду «иного имущества» [13]. На момент написания данной работы отношения, связанные с оборотом криптовалют не отражены в Гражданском Кодексе

Российской Федерации, при этом их правовой статус фактически установлен в 2024 году Федеральным законом от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14]. Само понятие «вещь», производным от которого является юридический термин «товар», не определено в гражданском праве РФ, однако, судя по тексту ст. 130 ГК РФ, современное российское законодательство в целом исходит из концепции осязаемого характера вещей. Исходя из этой логики, неосязаемые объекты, в том числе цифровые товары, в России с точки зрения права в настоящее время не могут в полной мере признаваться товарами. В отношении же цифровых товаров, представляющих собой результаты интеллектуальной деятельности, права собственности, по существу, не определены в полном объеме, и товарами они не считаются.

В законодательстве Великобритании термин *good* (товар, благо) имеет более узкое значение. Исходя из раздела 61 Закона о продаже товаров (*Sales of Goods Act*) 1979 г. и раздела 3 Закона о наследовании и полномочиях попечителей (*Inheritance and Trustees' Powers Act*) 2014 г. к товарам относится любое осязаемое движимое имущество за исключением объектов вещных прав кредиторов, денег и денежных инструментов, причем, согласно поправке от 1995 г. к Закону о продаже товаров, специально отмечено, что отдельным товаром может являться невыделенная доля в другом товаре [15], [16]. Недвижимое имущество в Великобритании, таким образом, не относится к юридической категории «товар», что несущественно в контексте исследования цифровых товаров. Более значимой в этом отношении отличительной чертой британского законодательства является то, что понятие товара не включает денежные средства.

Оборотоспособность результатов интеллектуальной деятельности здесь не ограничена – интеллектуальная собственность может продаваться и передаваться, что является существенным отличием от российского законодательства [17]. В целом, как и в РФ, в Великобритании цифровые товары не имеют определенного правового статуса, и по состоянию на 2020 г. британские суды, как правило, отклоняли иски, связанные с дефектами цифровых товаров на том основании, что последние, будучи неосязаемыми, не могут рассматриваться как настоящие товары [18].

В контрактном праве США, как и в Великобритании, к товарам (*goods*) относится исключительно движимое имущество, хотя в части определения движимого имущества имеются некоторые отличия от британской концепции [19]. При этом, в наследственном праве США товаром признается без ограничений любой объект наследуемого имущества, включая деньги и ценные бумаги. Соответственно, теоретически, цифровые товары могут рассматриваться как объекты гражданского права. Однако судебная практика в США, как и в Великобритании, имеет тенденцию к признанию товарами только осязаемых вещей, о чем, в частности, свидетельствует решение Верховного суда США, вынесенное в 2003 г. [20]. Подобно британскому законодательству, федеральные законы США не ограничивают экономический оборот объектов интеллектуальной собственности [21].

В ряде штатов для целей налогообложения узаконены различающиеся между собой нормативные определения цифровых объектов, являющихся предметом сделок [7]. Важным событием для развития цифровых рынков стало принятие в конце сентября 2024 года Закона штата Калифорния АВ № 2426 «О добавлении в Деловой и профессиональный кодекс раздела 17500.6, касающегося защиты потребителей», где дано определение понятия «цифровые товары» (*digital goods*), охватывающее цифровые

приложения, игры, аудио- и аудиовизуальные материалы, книги и программный код, и установлены правила продажи таких товаров [22].

Основопологающим документом, регулирующим оборот товаров в Европейском Союзе, является Директива (ЕС) 2019/771 от 20 мая 2019 года (далее Директива 2019/771). Данная Директива регулирует исключительно торговые операции с товарами, представляющими собой осязаемые движимые объекты, в том числе те, которые могут включать в себя «цифровые элементы» (под последними может пониматься цифровой контент или цифровые услуги) [23]. Понятие цифрового контента определено в Директиве (ЕС) 2019/770 от 20 мая 2019 года (далее – Директива 2019/770) как данные, создаваемые и поставляемые в цифровой форме (при этом операции с некоторыми видами цифрового контента в этой Директиве не рассматриваются и регулируются отдельными нормативными документами). В Директиве 2019/770 и прочих Директивах ЕС отсутствует понятие продажи (sale) какого бы то ни было цифрового контента, и речь идет исключительно о его поставке (supply), что свидетельствует об отсутствии юридического понятия «цифровой товар» в законодательстве ЕС [24].

Законодательство ЕС не предусматривает отчуждения интеллектуальной собственности за исключением продажи патентов; в остальных случаях права владельца ИС в Евросоюзе включают лишь право воспроизведения, право распространения, право ознакомления общественности с содержанием объекта, право на получение доходов от передачи в пользование, а также право на защиту указанных прав [25]. Таким образом, правовой режим интеллектуальной собственности существенно различен в юрисдикциях англосаксонского обычного права, где ИС понимается в первую очередь как результат интеллектуального труда, с одной стороны, и, с другой стороны, в ЕС и РФ, где в данном вопросе поддерживается концепция Европейского континентального права о так называемых «моральных правах автора», которые в принципе не могут и не должны отчуждаться [25].

Из приведенного обзора законодательства ведущих развитых стран, можно сделать следующие выводы:

содержание понятия «товар» в праве различных государств и наднациональных объединений существенно различается, причем среди рассмотренных юридических определений наиболее широкие трактовки этого понятия представлены в законодательстве о наследовании США и в Гражданском Кодексе Российской Федерации (ст. 455 ГК РФ);

по состоянию на момент выполнения настоящего исследования цифровые товары не имеют какого-либо определенного правового статуса на общенациональном уровне ни в одной из ведущих юрисдикций мира (в США цифровые объекты имеют нормативные определения только на уровне отдельных штатов, причем эти определения охватывают лишь часть объектов, которые в литературных источниках называются цифровыми товарами);

системы права ведущих стран прямо исключают некоторые категории неосязаемых, в том числе цифровых объектов из сферы регулируемых отношений купли-продажи.

Экономическая сущность цифровых товаров. В условиях глубоких и динамичных технологических изменений естественным образом возникает так называемый «регуляторный разрыв» (англ. – regulatory gap), т.е. совокупность процессов и явлений, не урегулированных действующим законодательством. Такой разрыв имеет место в мировом масштабе в сфере товарно-денежных отношений,

связанных с цифровыми объектами. При этом, хотя положения гражданского права и оказывают существенное влияние на экономику, свойства объектов экономического оборота не могут однозначно определяться юридическими категориями. В частности, экономическое содержание операций товарообмена не зависит от того, в какой мере они описаны нормативно-правовыми актами. При этом юридические определения и результаты их сравнительного анализа могут служить ориентирами и вспомогательными средствами при исследовании экономических явлений.

Для анализа экономической сущности цифровых товаров целесообразно рассмотреть более общую категорию – цифровой объект экономического оборота (цифровое благо), под которым в рамках настоящего исследования понимается имеющий потенциальную или фактическую потребительскую ценность идентифицируемый объект, представляющий собой либо множество данных, записанных в цифровом формате на электронном носителе, либо множество действий с такими данными, осуществляемых неким субъектом в цифровом пространстве. Множество данных может быть пустым (например, незаполненная данными область цифрового пространства), либо включать один или несколько элементов. Множество действий с данными может состоять из одного или нескольких действий. Термин «цифровое пространство» используется здесь в значении, определенном А. П. Сидоровой как совокупность цифровых ресурсов и цифровой инфраструктуры [26, с. 49]. С экономической точки зрения принципиальные различия между множеством данных (далее – МД) и множеством действий с данными (далее – МДД) состоят в следующем:

МД могут в определенных случаях иметь потребительскую ценность с момента своего возникновения, тогда как потребительская ценность МДД создается в процессе выполнения действий, и до их завершения МДД могут иметь только потенциальную ценность;

МД после отчуждения могут полностью или частично сохранять свою потребительскую ценность, если они не потребляются путем расходования, тогда как потребительская ценность любого МДД исчерпывается по завершении действий, соответственно, МД теоретически могут отчуждаться и (или) передаваться неограниченное число раз;

МДД, в отличие от МД не могут ни присваиваться, ни отчуждаться, ни передаваться покупателям или потребителям.

Следует отметить, что МД и МДД могут как обладать самостоятельной потребительской ценностью, то есть возможностью непосредственного использования потребителем, так и иметь потребительскую ценность в составе других объектов за счет придания последним некоторых свойств, потенциально ценных для потребителя.

Для того, чтобы определить, могут ли какие-либо из цифровых объектов экономического оборота с экономической точки зрения относиться к товарам, обратимся к юридическому определению товара как «любой вещи» в ст. 455 ГК РФ. Проведенный анализ показал, что в юридической практике под вещами, как правило, понимаются осязаемые объекты. При этом, для того, чтобы выступать в качестве товара как объекта купли-продажи, вещь должна обладать некоторыми базовыми характеристиками. Согласно А. Мовшовицу (Mowshowitz), такими характеристиками являются:

«присваиваемость» (англ. – appropriability), т.е. фактическая возможность владеть и распоряжаться ею;

способность быть оцененной (англ. неол. – *valuability*) [1, с. 225] (представляется целесообразным уточнить этот пункт, сформулировав его следующим образом:

способность иметь фактическую потребительскую ценность (англ. – actual consumer value) с момента создания и (или) присвоения, т.к. в некоторых случаях товар может иметь лишь потенциальную ценность, например, при продаже еще не изготовленной вещи с последующей поставкой)

Далее, к основополагающим свойствам товара можно отнести такие характеристики, как:

отчуждаемость (англ. – alienability);

неограниченная передаваемость (англ. – unlimited transferability), т.е. возможность неоднократной передачи вещи во владение и пользование получателей с отчуждением или без него;

Как показывает современная практика электронной торговли, указанный набор четырех свойств может быть присущ не только к «вещам» в юридическом понимании, но и к некоторым множествам цифровых данных, что позволяет, несмотря на их физическую неосязаемость, отнести их к экономической категории товаров в качестве особой разновидности – цифровых товаров. Что касается, действий с данными, из вышеуказанных базовых свойств они могут обладать только одним – способностью иметь потребительскую ценность, причем исключительно потенциальную. Фактическую потребительскую ценность может приобрести только их результат, который при определенных условиях будет являться новым цифровым товаром. Вопрос о том, можно ли с экономической точки зрения рассматривать аутсорсинг действий с данными как «передачу» таких действий в рамках сделки купли-продажи, выходит за пределы настоящего исследования. В связи с отсутствием у действий с данными необходимых свойств товара, они не могут считаться товарами. В определенных случаях они могут иметь экономический смысл работ или услуг, при этом они также могут выступать в качестве составных частей «товара с подкреплением», согласно концепции товара Ф. Котлера [27, с. 232].

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующее определение цифрового товара, исходя из его экономической сущности. Цифровой товар – это обладающее потребительской ценностью идентифицируемое множество данных, записанных в цифровом формате на электронном носителе, которое может быть оценено, присвоено, отчуждено и неоднократно передано одним лицом другому, сохраняя при этом указанные свойства оцениваемости, присваиваемости и отчуждаемости.

Информационный маркетинг. Информационный маркетинг приобретает особое значение в условиях развития общей концепции маркетинга. В XX веке она включила в себя понятие мультимаркетинга, в рамках которого задействуется максимально возможное количество каналов коммуникации с потребителем, а в XXI веке появилось направление ноомаркетинга, то есть сознательное создание предприятием новых нужды и потребностей людей, а, соответственно, и принципиально новых рынков и целевых аудиторий путем генерации и внедрения в общественное сознание идей и разработку креативных продуктов, которым еще предстоит стать востребованными для потребителя. Таким образом, идет о создании не просто некоего уникального в чем-то товара или услуги, а и о формировании потребности в продукте и покупательского спроса, а не только об информировании или продвижении информации. В этих условиях обновляется понятие информационного маркетинга, который в настоящее время не может ограничиваться лишь завоеванием доверия клиента и должен обеспечить понимание и восприятие новых идей, что требует разработки новых стратегий, инструментария и моделей, учитывающих психофизиологические процессы,

связанные с принятием покупательских решений. Инструменты информационного маркетинга необходимы для успешной реализации маркетинговых стратегий предприятия, причем требуется четкое понимание различий между контекстами информирующего маркетинга и маркетинга информации.

Таким образом, под информационным маркетингом следует понимать совокупность действий в информационном поле, нацеленных на завоевание доверия покупателей и потребителей с последующим формированием в их сознании ориентиров оценки новых идей, трендов и ценностей. В целом, систему информационного маркетинга следует рассматривать как институт, т.е. как совокупность норм и правил, механизмов их поддержки, а также гарантов ответственности за отсутствие ущерба индивиду, обществу и государству в связи с действиями участников рынков цифровых товаров и услуг.

Выводы. Важнейшей предпосылкой формирования методологических подходов и конкретных методик маркетинговых исследований рынков цифровых товаров является выработка общего определения понятия «цифровой товар» как экономической категории с учетом экономико-правовой специфики глобального рынка таких товаров. Сформулированное в настоящей работе определение указанного понятия основано на базовых экономических свойствах цифровых продуктов и разделении правовых и экономических аспектов функционирования рынков цифровых товаров. Данное определение позволяет четко разделить цифровые продукты на категории цифровых товаров и цифровых услуг с учетом экономической сущности указанных объектов экономического оборота. Тщательный учет указанных различий важен для разработки эффективных стратегий информационного маркетинга, позволяющих оказывать действенное влияние на поведение покупателей и потребителей.

Перспектива дальнейших исследований заключается в построении на основе представленного в настоящей работе определения цифрового товара маркетинговых классификаций товаров данной категории на основе их сущностных характеристик и потребительских свойств, а также непосредственная разработка маркетинговых стратегий и выработка инструментария их реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mowshowitz, A. (1992). On the market value of information commodities: I. The nature of information and information commodities. *Journal of the American Society for Information Science*, 43, 225–232.
2. Hui, K. L. & Tam, K. Y. (2002) Software Functionality: A Game Theoretic Analysis. *Journal of Management Information Systems*, vol. 19, no. 1, Summer 2002:151-184.
3. Kim, B. & Whinston, A. (2001) The Impact of Customization and Pricing on Surpluses in a Digital Economy with Digital Goods. PACIS 2001 Proceedings. Paper 31:448-462. Available at <https://pdfs.semanticscholar.org/dc5c/32923a47df2c9120be6a7a84d46401fc8cf5.pdf> (accessed 20.08.2024).
4. Nylén, D. & Holmström, J. (2015) Digital innovation strategy: A framework for diagnosing and improving digital product and service innovation. *Business Horizons*, 58 (1): 57-67.
5. Твердохлебова М. Д. Формирование комплекса маркетинга цифровых продуктов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. [Текст] / М. Д. Твердохлебова. – М.: ГОУ ВПО «Российская экономическая академия им. Г.В.Плеханова», 2009. - 23 с.
6. Hojnik, J. (2016). Technology neutral EU law: digital goods within the traditional goods/services distinction. *International Journal of Law and Information Technology*, 2017, 25, 63–84. doi: 10.1093/ijlit/eaw009
7. FastSpring (2018). Everything You Need To Know About Digital Taxes and the VAT. Available at <https://fastspring.com/blog/everything-need-know-digital-taxes-vat/> (accessed 20.08.2024).
8. Statista. (2023). Digital Media: market data & analysis. Available at <https://www.statista.com/study/44526/digital-media-report/>(accessed 25.08.2024).

9. Statista. (2024). Digital Media – Worldwide. Available at <https://www.statista.com/outlook/dmo/digital-media/worldwide> (accessed 25.08.2024).
10. Global Growth Insights. (2024). Digital Media Market Size (USD 2438604.13 M) by 2032 By Type (Service, Terminals and Servers), By Applications Covered (Enterprise, Consumers) and Regional Forecast to 2032. Available at <https://www.globalgrowthinsights.com/market-reports/digital-media-market-101253> (accessed 20.08.2024).
11. Cagno, R. (2019) The Digital Goods Age: Why Digital Products Will Disrupt Commerce. Available at https://www.nex.business/the-digital-goods-age/?doing_wp_cron=1729514094.5909581184387207031250#:~:text=The%20evolution%20and%20the%20trends,and%20dominate%20the%20commerce%20ecosystem (accessed 20.08.2024).
12. Statista. (2024). Digital Assets – Worldwide. Available at <https://www.statista.com/outlook/fmo/digital-assets/worldwide#revenue> (accessed 25.08.2024).
13. Гражданский кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения 24.09.2024).
14. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://prao.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102126657&backlink=1&&nd=102801500> (дата обращения 29.10.2024).
15. Sales of Goods Act (1979). Available at <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54/data.pdf> (accessed 29.10.2024).
16. Inheritance and Trustees' Powers Act. (2014). Available at <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/16/data.pdf> (accessed 29.10.2024).
17. GOV.UK. (n.d.). Intellectual property and your work Available at <https://www.gov.uk/intellectual-property-an-overview#:~:text=What%20counts%20as%20intellectual%20property,artistic%20work%20or%20a%20symbol> (accessed 29.10.2024).
18. Panayiotis, V. (2020). Digital Content and Consumer Rights. Available at <https://www.thelegalcompass.co.uk/post/digital-content-and-consumer-rights> (accessed 29.10.2024).
19. Black's Law Dictionary. (n.d.). GOODS Definition & Legal Meaning. Available at <https://thelawdictionary.org/goods/> (accessed 29.10.2024).
20. U.S. Supreme Court. (2003). Dastar Corp. v. Twentieth Century Fox Film Corp., 539 U.S. 23 <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/539/23/> (accessed 29.10.2024).
21. U.S. Copyright Office. (2022). Copyright Law of the United States (Title 17) and Related Laws Contained in Title 17 of the United States Code. Available at <https://www.copyright.gov/title17/> (accessed 29.10.2024).
22. California Legislative Information. (2024). AB-2426 Consumer protection: false advertising: digital goods. Available at https://leginfo.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=20230240AB2426 (accessed 29.10.2024).
23. European Union. (2019). Directive (EU) 2019/771 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the sale of goods, amending Regulation (EU) 2017/2394 and Directive 2009/22/EC, and repealing Directive 1999/44/EC (Text with EEA relevance). Available at <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019L0771&qid=1730750590355> (accessed 29.10.2024).
24. European Union. (2019). Directive (EU) 2019/770 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2019 on certain aspects concerning contracts for the supply of digital content and digital services (Text with EEA relevance). Available at <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32019L0770&qid=1730750925880> (accessed 29.10.2024).
25. Hutukka, P. (2023). Copyright Law in the European Union, the United States and China. IIC 54, 1044–1080. Available at <https://doi.org/10.1007/s40319-023-01357-0> (accessed 30.10.2024).
26. Сидорова, А. П. Понятие цифрового пространства и его характеристики. Возможности и угрозы использования цифрового пространства [Текст] / А. П. Сидорова // Научный диалог: Молодой ученый : сборник научных трудов по материалам XXVIII международной научной конференции, Санкт-Петербург, 22 мая 2020 года / Международная Объединенная Академия Наук. – Санкт-Петербург: Международная Объединенная Академия Наук, 2020. – С. 48-55.
27. Котлер, Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. Пер с англ [Текст] — М Издательский дом "Вильямс", 2007 — 656 с. ил.

Поступила в редакцию 02.11.2024 г.

LEGAL AND ECONOMIC BACKGROUND OF DIGITAL GOODS MARKETS

N. V. Kameneva, E. A. Voziyanova

The paper presents the result of the analysis of topical problems and contemporary methodological approaches to the research of the economic nature the “digital good” category and the legal aspects of the circulation of goods belonging to that category from the perspective of marketing activities and customer behavior research. Definitions of informational marketing and digital good as an object of economic circulation have been formulated. The authors have proposed an approach to distinguish the notions of digital good and digital service based on the fundamental properties of digital objects. The results of the research may lay the foundation for the development of classifications of digital goods for marketing purposes.

Keywords: object of economic circulation, goods, intangible goods, digital goods, digital content, digital markets, informational marketing, customer behavior, consumer behavior.

Каменева Наталья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенного дела и экспертизы товаров

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк

kameneva.n@bk.ru

+7-949-350-89-45

ORCID 0000-0003-3783-735X

Возиянова Екатерина Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и торгового дела

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк

e.voziyanova@gmail.com

+7-949-383-05-15

ORCID 0009-0005-1224-6926

Kameneva Nataliia

PhD in Economics, Associate Professor at Customs and Goods Research Examinations Department

Donetsk National University of Economics and Trade Named After Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk

Voziyanova Ekaterina

PhD in Economics, Associate Professor at Marketing and Trade Department

Donetsk National University of Economics and Trade Named After Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk

УДК 339.137.22

DOI 10.5281/zenodo.14236308

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ КОНКУРЕНЦИИ, ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ В ТЕОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

© 2024. К. С. Малюта

В статье рассмотрена эволюция развития теории конкуренции. Проведен ретроспективный анализ подходов к формированию теории конкуренции, выявлены факторы ее формирования. Проведено разделение этапов изучения конкуренции в зависимости от развития рыночной системы. Построена модель развития конкуренции&

Ключевые слова: конкуренция, теория конкуренции, эволюция конкуренции, экономическая эффективность, конкурентоспособность.

Постановка проблемы. Эффективность анализа и прогнозирования конкурентных процессов непрерывно зависит от разработки новых подходов к исследованию конкуренции, которые учитывают динамический характер рынков, технологические инновации и глобальные изменения в экономике. Исследование теории конкуренции сталкивается с рядом проблем, таких как многообразие подходов и определений, высокая динамическая природа конкуренции, изменения в формах и механизмах конкуренции, высокая роль государственного регулирования, многогранность и сложность измерения конкурентоспособности, а также проблемы глобализации. Таким образом, изучение теоретического развития конкуренции, а также зависимость ее формирования носит фундаментальный характер и ложится в основу адекватного развития рынка.

Актуальность темы исследования. Современные рынки находятся в состоянии постоянных изменения, вызванных технологическими инновациями, глобализацией и изменениями в структуре спроса, что требует осмысления и адаптации новых стратегий для обеспечения конкурентоспособности. В таких условиях традиционные методы исследования конкуренции являются не эффективными и требуют глубоко анализа, что приобретает особую актуальность.

Анализ последних исследований и публикаций. Методологические основы определения конкуренции как экономической категории заложили авторы, стоявшие у истоков экономической науки: С точки зрения А. Смита рынок самостоятелен, без какого – либо вмешательства государства в состоянии обеспечить эффективное развитие экономики. При этом отдельные участники рынка (земледельцы, ремесленники, рыбаки) не могут оказывать заметное влияние на его параметры.

Д. Рикардо поддерживал идею совершенной конкуренции и настаивал на том, что ни рынок, ни цены, ни заработная плата не должны контролироваться государством.

Госсен Г. Г., Кэрнс Д. Э., Джевонс У. С. рассматривают существования совершенного рынка, при этом присутствует наличие только одной цены у любого однородного товара, установление которой не зависит от территориальной близости участников.

А. Маршал опирался на исследования классиков и развивал мысль зависимости спроса и предложения от цены.

Труды Й. Шумпетера, Ф. фон Хайека, И. Кирзнера направлены на широкое

использование инноваций, новой информации, экономического прогресса и предпринимательства

Дж. Саттон, М. Портер. выявили, что в основе рыночных отношений лежит угроза вторжения новых конкурентов, появление продуктов – заменителей. Важнейшим фактором выживания является экономический потенциал поставщиков и покупателей, а также соперничество среди существующих конкурентов.

Р. А. Фатхутдинов рассматривает конкуренцию, как управление конкурентными преимуществами на определенных рынках для достижения поставленных целей

Выделение нерешённых проблем. Исследование эволюции конкуренции сталкивается с рядом нерешенных проблем, таких как отсутствие универсальных моделей, сложность измерения конкурентных процессов и необходимость адаптации теории к новым условиям.

Цель работы – анализ теоретических положений формирования конкуренции, выявление содержания концепций конкуренции.

Объект исследования – процесс формирования концепций развития конкуренции.

Предмет исследования – совокупность теоретико-методических основ формирования конкуренции.

Методологическая основа исследования базируется на анализе и систематизации научных исследований. Применены общенаучные подходы, такие как системный подход, теоритическая идеализация, диалектика субъективного и объективного, историко-генетический подход, а также эволюционный подход.

Результаты исследования. Мировая экономическая литература на протяжении многих лет рассматривает конкуренцию как основной рычаг развития экономики, общества и человечества в целом. При этом формирование понятия конкуренции непрерывно связано с существующей формой рыночных отношений. Модель рынка, как основная форма отражения экономической системы, формирует определенные конкурентные отношения. Для детализации развития концептуального содержания конкуренции целесообразно рассмотреть этапы ее формирования. Так, Архипов [1] выделяет пять этапов развития теории конкуренции. С учетом современных изменений рыночных условий предложен шестой этап развития рыночной системы (таблица 1).

Анализ теоритических и методологических аспектов развития конкуренции позволяет выделить шесть этапов развития конкуренции. Каждый из этапов выделяет основные факторы формирования концепций конкуренции, а также временные рамки их формирования.

Первый этап конец XVIII – начало XIX века Рынок «совершенной конкуренции», становление рыночной экономики. Тут была заложена основа рыночной системы. Конкуренция на данном этапе – это механизм, который обеспечивает динамическое развитие экономики. А.Смита смог выделить следующие характеристики рынка свободной конкуренции [2]:

1. Равная степень информированности всех участников рынка.
2. Неисчислимо количество участников рынка, которые отдельно никак не могут повлиять на цену.
3. Выпуск однородной продукции и отсутствие дифференциации товаров.

Рассматривая ценовую конкуренцию, как основной рычаг деятельности рынка, он выявил, что вся деятельность не подчинится коллективной воле, при этом имеет четкие правила.

Д. Рикардо утверждал, что ценность товара в длительном периоде равна

стоимости производства, «естественная» цена товара равна сумме платежей за труд, капитал и землю [3].

Таблица 1

Эволюция теории конкуренции

Этап	Модель рынка	Авторы	Содержание концепций конкуренции
I	Рынок «совершенной конкуренции», становление рыночной экономики. Конец XVIII – начало XIX века	А. Смит, Д. Рикардо	- конкуренция – это механизм, который обеспечивает динамическое развитие экономики; - рынок самостоятельно, без какого-либо вмешательства государства в состоянии обеспечить эффективное развитие экономики; - ценность товара в длительном периоде равна стоимости производства; - «естественная» цена товара равна сумме платежей за труд, капитал и землю.
II	Рынок массового производства. Середина – вторая половина XIX века	Госсен Г. Г., Кэрнс Д. Э., Джевонс У. С.	- условие существования совершенного рынка - наличие только одной цены у любого однородного товара, установление которой не зависит от территориальной близости участников; - товары обмениваются пропорционально затратам труда и капитала на их производство; - неопределенно большое число участников с обеих сторон рынка; - полное отсутствие ограничений корыстолюбивого поведения; - полная делимость продаваемых товаров.
III	Монополистический рынок – конец XIX века	А. Маршалл, Д. Б. Кларк, Г. Фон Штакельберг, Д. С. Бейн, Э. Чемберлин	- силы спроса и предложения действуют свободно; - не существует прочного объединения торговцев на обеих сторонах; - каждый выступает самостоятельно и широко разветвляется свободная конкуренция; - покупатели обычно беспрепятственно конкурируют с покупателями, а продавцы беспрепятственно конкурируют с продавцами.
IV	Регулируемый рынок. Середина – вторая половина XX века	Й. Шумпетер, Ф. фон Хайек, И. Кирзнер	- использования инноваций, новой информации, экономического прогресса, предпринимательства; - конкуренция организующая (или созидательная) и конкуренция дезорганизующая (или разрушительная).
V	Деформированный рынок. Конец XX века	Дж. Саттон, М. Портер	- угроза вторжения новых конкурентов; - угроза появления продуктов – заменителей; - экономический потенциал поставщиков; - экономический потенциал покупателей; - соперничество среди существующих конкурентов
VI	Рынок импортозамещения и параллельного сохранения и наращивания экспорта продукции. Начало XXI века	Шинкаренко, Ю. В., Гуляев В.Ю., Некрасова Е.А., Отварухина Н.С.	- резкое увеличение производительности труда; - улучшение качества продукции; - увеличение глубины переработки сырья; - расширение ассортимента предлагаемой продукции; - оптимизация структуры производства; - расширение подсобного производства на селе, широкое использование маркетинга, рекламы; - консолидация усилий частных российских фирм, государственных и негосударственных организаций в пропаганде отечественной продукции; - экологическая чистота российских продовольственных товаров, на основе производства экологически чистого сырья; - привлечение в производство достижений науки.

Второй этап. Середина – вторая половина XIX века «Рынок массового производства» формирует более целостное представление о механизме конкуренции. Совершенная конкуренция является основой рыночных отношений и формирует его концептуальные особенности.

Госсен Г. Г., Кэрнс Д. Э., Джевонс У. С. настаивают, что товары обмениваются пропорционально затратам труда и капитала на их производство. Данному рынку характерно большое число участников с обеих сторон рынка, полное отсутствие ограничений корыстолюбивого поведения и полная делимость продаваемых товаров.

Третий этап конец XIX века. На следующем этапе в игру ступает рынок монополии. Научные работы сконцентрированы на изучении монополистической структуры, при этом конкуренция не отвергается, а тесно пересекается с монополией. Настойчиво формируется новый взгляд на формирование рынка – монополистическая конкуренция.

В этот период наиболее известны работы А. Маршалла, Д. Б. Кларка, Г. Фон Штакельберг, Д. С. Бейн, Э. Чемберлина [4,5]. Концептуальными особенностями данного периода было:

- свобода спроса и предложения;
- не существует прочного объединения торговцев на обеих сторонах;
- каждый выступает самостоятельно и широко разворачивается свободная конкуренция;
- покупатели обычно беспрепятственно конкурируют с покупателями, а продавцы беспрепятственно конкурируют с продавцами.

По мнению А. Маршала [10] монополии создают не рыночные отношения, которые базируются на абсолютно новых рычагах регулирования. Эти положения и были взяты в основу развития несовершенной конкуренции.

Э. Чемберлин впервые взглянул на конкуренцию как на динамический процесс и предложил идею с объединения монополии и конкуренции, из которой и вытекало новое понятие монополистической конкуренции.

Четвертый этап. Середина – вторая половина XX века – Регулируемый рынок. Для данного этапа характерно ужесточение конкурентной борьбы, основой которой является несовершенная конкуренция. Инновации занимают важнейшее место при определении лидирующей позиции на рынке. Стиль и способ управления, выбор стратегии деятельности являются центральным фактором конкурентоспособности предприятий.

Выделяются такие понятия как конкуренция организующая (или созидательная) и конкуренция дезорганизующая (или разрушительная).

Й. Шумпетер [8] делает акцент на динамическом развитии рынка, что ведет к разрушению устоявшихся положений. Источником и результатом конкуренции является наличие новшеств в производстве и реализации товаров. Без использования нововведений рынок сам вытеснит устаревшие товары. Нарастающее давление является стимулятором поиска новых ресурсов, идей и возможностей.

Ф. фон Хайек [12] рассматривал иное видение конкуренции. Он настаивал на том, что конкурентное состояние – это статический процесс, а при динамическом развитии рынка субъекты хозяйствования могут успешно адаптироваться к новым условиям рынка.

Конец XX века, пятый этап – деформированный рынок. Характеризуется высокой интеллектуальной составляющей. Наличием интеллектуальной собственности, патентов ведет к быстрому завоеванию рынка, отсутствию конкурентов, занятию

лидирующих позиций.

Широко используются взгляды М. Портер [13], который в своих исследованиях ввел термин «конкурентной борьбы» на основе, которой формируется конкурентная стратегия. Выделяя высшие конкурентные преимущества, такие как, технология, уникальность, репутация. Он утверждает, что не только капитальные вложения в производство играют важнейшую роль в развитии предприятия, а в первую очередь обучение персонала и маркетинг. Успешности фирмы характеризует два фактора: привлекательность отрасли и доля рынка, занимаемая компанией. Портер выделил глобальный характер конкуренции, при котором конкурируют не экономика страны, а деятельность фирм в разных социально-экономических условиях. Он выводит такое понятие как «кластер» как степень взаимодействия подобных и поддерживающих отраслей.

В этот период активно развивается отечественная экономическая наука. Наиболее яркими представителями в области исследования конкуренции являются А. Ю. Юданов, И. В. Липсиц, Р. А. Фатхутдинов [16].

Так, Р. А. Фатхутдинов [9] в своих исследованиях делает акцент именно на управление конкурентными преимуществами, а также на их многогранности по отношению к различным объектам исследования. Широко рассматривается термин «конкурентного преимущества», а также его связи, с конкурентоспособностью предприятия используя диалектико-материалистический подход.

Начало XXI века – Рынок импортозамещения и параллельного сохранения и наращивания экспорта - принесло несколько иное понимание конкуренции. Включая в себя все, что было ранее, она приобрела совершенно новую форму – неограниченная конкуренция.

Современные авторы, такие как Шинкаренко, Ю. В. [19], Гуляев В. Ю. [20], Некрасова Е. А. [21], Отварухина Н. С. делают акцент на совершенно новых концептуальных составляющих:

- резкое увеличение производительности труда;
- улучшение качества продукции;
- увеличение глубины переработки сырья;
- расширение ассортимента предлагаемой продукции;
- оптимизация структуры производства;
- расширение подсобного производства на селе, широкое использование маркетинга, рекламы;
- консолидация усилий частных российских фирм, государственных и негосударственных организаций в пропаганде отечественной продукции;
- экологическая чистота российских продовольственных товаров, на основе производства экологически чистого сырья;
- привлечение в производство достижений науки.

Консолидация усилий в сфере импортозамещения и параллельного сохранения и наращивания экспорта позволит сохранить производственный потенциал предприятий и выработать альтернативную стратегию развития с учетом современных условий рыночных отношений [22].

Таким образом, мы видим эволюцию конкуренции во времени и ее изменение под воздействием различных рыночных структур. На каждом из этапов существовал свой тип конкуренции, так как рыночная система формировала устойчивые положения ее функционирования. На протяжении всего времени происходило нарастание все новых и новых факторов, что и определяло рыночную структуру, а соответственно и тип

конкурентной борьбы.

На основании вышеизложенного видно была построена спираль развития «конкуренции», которая отражает зависимость конкуренции от вида рынка.

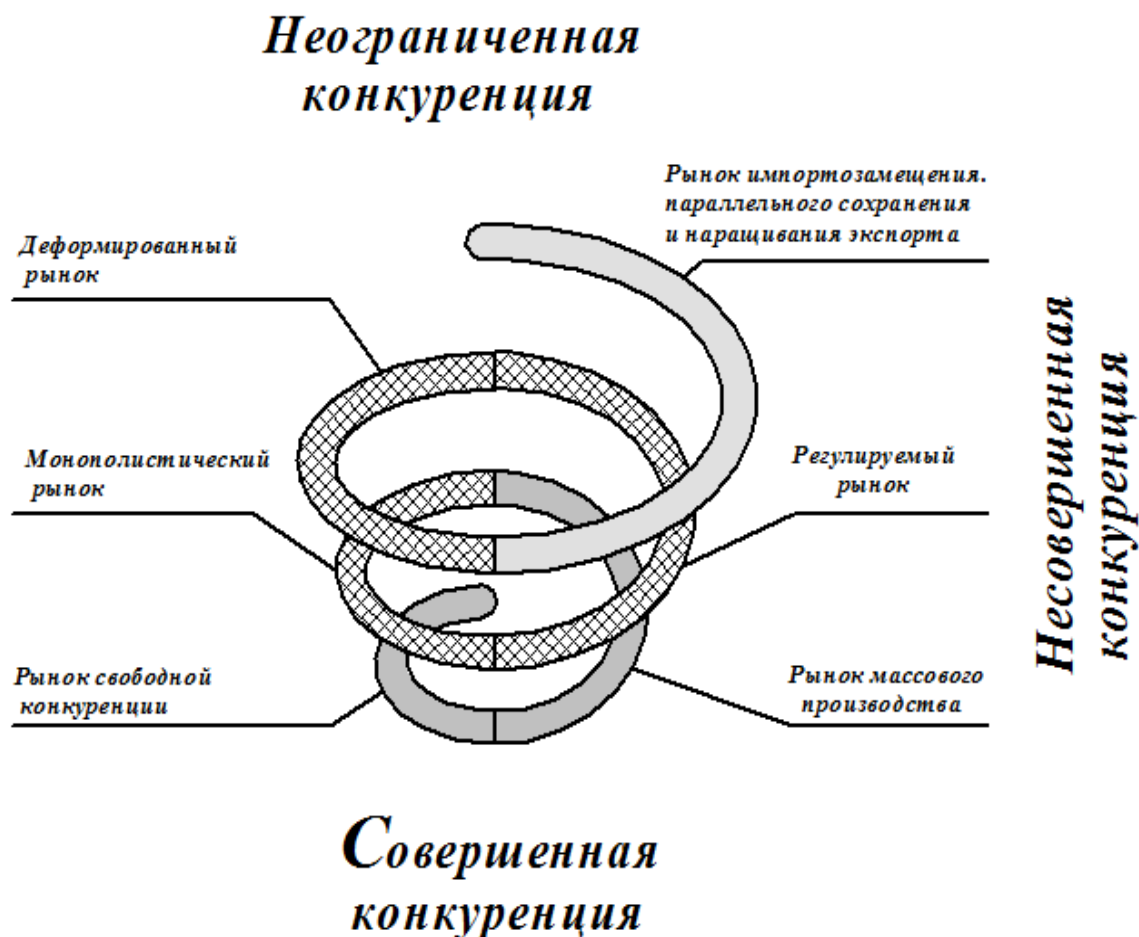

Рис. 1. Модель развития конкуренции

Мы видим, что на каждом из этапов существовал свой тип конкуренции, так как рыночная система формировала устойчивые положения ее функционирования. На протяжении всего времени происходило нарастание все новых и новых факторов, что и определяло рыночную структуру, а соответственно и тип конкурентной борьбы.

Таким образом, можно говорить о синхронизации конкуренции с рыночной системой.

Выводы. Результатами проведенных исследований является выделение и разграничение периодов развития конкуренции во времени. Предпосылками для такого разграничения стали разность факторов, влияющих на рынок. Выявлено, что историческое развитие рыночной системы являлось следствием накопления новых индикаторов ее формирования, таких как развитие общества, уровень экономического развития, применение маркетинговых инструментов, применение бизнес-моделей. Также построена модель развития конкуренции, отражающая синхронизацию развития конкуренции и модели рыночной системы.

Публикация выполнена в рамках научной темы: FRRS-2023-0033

Формирование социально-экономических условий эффективного развития малых форм хозяйственной деятельности региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипов, А. М. Формирование и развитие теории конкуренции в истории экономической мысли: автореф. дис. ... канд. экон. наук: защищена 03.10.2008 / А. М. Архипов. – Москва: 2008 – 26 с.
2. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
3. Афанасьев В.С. Давид Рикардо. М.: Экономика, 1988. 128 с.
4. Хекшер Э. Ф. Влияние внешней торговли на распределение дохода / Под ред. А. П. Киреева. — Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. — М.: ТЕИС, 2006. — С. 154-173. — ISBN 5-7598-0439-1.
5. Стиглер Дж. Совершенная конкуренция: исторический ракурс / Дж. Стиглер // Вехи экономической мысли: теория фирмы: В 3 т. / под ред. В. М. Гальперина. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2000. Т. 534 с.
6. Петти В. Трактат о налогах и сборах // Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. М.: Эконом-Ключ, 1993. С. 54.
7. Робинсон, Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции. М. : Экономика, 2006. 390 с.
8. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и диемократия / Й. Шумпетер. М. : Знание, 2005. 419 с.
9. Фатхутдинов, Р. А. Стратегическая конкурентоспособность / Р. А. Фатхутдинов. М. : Экономика, 2005. 505 с.
10. Маршалл А. Принципы экономической науки: пер. с англ. М., 1993. Т. 1.
11. Фатхутдинов Р. Стратегическая конкурентоспособность и экономика России // Общество и экономика. 2003. № 1. С. 32-33.
12. Хайек ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 5–17.
13. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2010. 608 с.
14. Хамел Г., Прахалад К. К. Конкуренция за будущее. Создание рынка завтрашнего дня. М.: Олимп-бизнес, 2002. 288 с.
15. Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Центр, 2007. 698 с.
16. Юданов А.Ю. Конкуренция: теория и практика. - М., 1996. - С. 60-73, С. 224-228.
17. Хайек Ф. дорога к рабству. /Составитель Борисов Е.Ф. - М., 1997. - С. 212-227.
18. Маркс К. Нищета философии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 4.
19. Шинкаренко, Ю. В. Конкуренция в современной рыночной экономике / Ю. В. Шинкаренко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 14 (304). – С. 282-284. – URL: <https://moluch.ru/archive/304/68588/> (дата обращения: 29.10.2024).
20. Г. Ю. Гуляев, Эволюция теории конкуренции // известия ПгПу им. в. г. белинского. 2012. № 28.с. 317–321.
21. Тарануха Ю.В. Шумпетерская конкуренция как генератор перемен// Вестн. моск. ун-та. сер. 6. экономика. 2017. № 5, с 3-20.
22. А.В.Бузгалин, Эволюция экономических теорий и этапы генезиса, развития и заката рыночно-капиталистической экономической системы // Философия экономических ценностей, с. 88-89.

Поступила в редакцию 01.11.2024 г.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE THEORY OF COMPETITION, ITS EVOLUTION IN THE THEORY OF ECONOMIC THOUGHT

K. S. Malyuta

The article examines the evolution of the development of the theory of competition. A retrospective analysis of approaches to the formation of competition theory has been carried out, and the factors of its formation have been identified. The stages of studying competition are divided depending on the development of the market system. A model of competition development has been built

Key words: competition, competition theory, evolution of competition, economic efficiency, competitiveness

Малюта Ксения Сергеевна

старший преподаватель кафедры экономики

ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет», г. Мелитополь

maliytak@yandex.ru

+7-990-029-12-70

ORCID 0000-0002-4231-2438

Malyuta Ksenia

Senior Lecturer, Department of Economics

FSBE HE «Melitopol State University», Melitopol

УДК 338.12+338.24.01
DOI 10.5281/zenodo.14326354

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЕМ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ БОЛЬШИХ ДАННЫХ И БЛОКЧЕЙН

© 2024 А. В. Половян, А. Ф. Ялунер

В статье обоснована необходимость применения технологий больших данных и блокчейн в управлении предприятием. Предложена сравнительная характеристика использования технологий блокчейн и больших данных в разных сферах управления предприятием. Рассмотрены особенности использования данных инструментов цифровой трансформации на предприятиях Российской Федерации. Проанализированы преимущества использования технологий блокчейн и больших данных в управлении предприятий. Разработан комплекс мероприятий по интеграции блокчейн-технологий, больших данных в систему управления российских предприятий.

Ключевые слова: управление предприятием, большие данные, блокчейн, бизнес-процессы, эффективность.

Постановка проблемы. Использование цифровых технологий в деятельности предприятий существенно расширяет пространственные возможности в оптимизации операционной деятельности и создания инновационных бизнес-моделей. Применение технологий больших данных и блокчейн в деятельности хозяйствующих субъектов позволяет автоматизировать процессы управления, снизить риск человеческого фактора и повысить эффективность работы. Интеграция технологий больших данных и блокчейн в систему управления предприятием способствует повышению скорости обработки данных, улучшению качества взаимодействия между всеми участниками бизнес-процессов. Внедрение технологий блокчейн и больших данных в хозяйственную деятельность становится ключевым фактором успеха и конкурентоспособности предприятия, обеспечивая выживание, процветание в условиях цифровой трансформации.

Актуальность исследования. В условиях динамично изменяющегося внешнего окружения управление предприятием является сложным процессом, который требует интеграции передовых технологий в бизнес-процессы для повышения эффективности и устойчивости деятельности хозяйствующих субъектов. Использование технологий больших данных и блокчейн в деятельности предприятия способствует оптимизации процессов, повышению прозрачности операций и улучшению качества принимаемых управленческих решений. Большие данные предоставляют ценные аналитические сведения, основанные на информационных массивах, которые позволяют выявлять скрытые закономерности и тренды развития. Уникальные особенности технологии больших данных способствует созданию персонализированных стратегий, направленных на удовлетворение потребностей клиентов и улучшение взаимодействия с ними. Технология блокчейн обеспечивает прозрачность и безопасность транзакций, что способствует доверию и лояльности потребителей. На основе применения детерминированных систем цепочки поставок, управление активами и учет финансовых операций становится более надежным, снижается риск мошенничества и ошибок. Обеспечение синергии больших данных и блокчейн-технологии в деятельности хозяйствующих субъектов создаст уникальные возможности для предприятий, позволяя им не только повысить эффективность управления, но и

адаптироваться к быстро меняющимся рыночным условиям, обеспечивая поддержание конкурентоспособности и долгосрочный успех.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблеме поиска новых методов управления предприятием на основе применения инструментов цифровой трансформации посвящены работы таких ученых, как Е. Н. Шереметьева, В. П. Самарина, С. И. Бабина, А. М. Патрусова [1-5] и др.

Несмотря на имеющиеся научные разработки, посвященные вопросу управления предприятием на основе применения инструментов цифровой трансформации, вопросы поиска новых методов и инструментов управления предприятием на основе применения технологий больших данных и блокчейн остаются недостаточно изученными. Именно данные предпосылки определили целевую установку исследования.

Целью исследования является определение особенностей управления предприятием на основе применения технологий больших данных и блокчейн.

Результаты исследования. Современный мир трудно представить без инструментов цифровой трансформации. Цифровые технологии используются во всех социально-экономических системах для обеспечения устойчивого роста и развития территорий. Применение цифровых технологий в деятельности хозяйствующих субъектов обеспечивает создание гибких и адаптивных систем управления, которые позволяют приспосабливаться к быстро меняющимся условиям внешнего окружения. Эффективными инструментами цифровой трансформации для оптимизации системы управления предприятием являются большие данные и блокчейн.

Управление предприятием на основе применения технологий блокчейн и больших данных открывает новые перспективы развития, которые обеспечивают повышение конкурентоспособности и оптимизацию бизнес-процессов. Применение данных технологий в управлении предприятием имеет ряд специфических особенностей. Сравнительная характеристика особенностей использования технологий больших данных и блокчейн в различных сферах управления предприятием представлена в таблице 1.

Таблица 1
Направления использования технологий больших данных и блокчейн в различных сферах управления предприятием

Блокчейн		Большие данные	
Направление	Характеристика	Направление	Характеристика
1	2	3	4
Безопасность	Данные, хранящиеся в блокчейне защищены с помощью криптографических методов. Такой уровень защищенности делает их практически неуязвимыми для подделки и изменений.	Персонализация предложений	На основе применения технологии больших данных предприятие собирает и анализирует информацию о клиентах. Наличие данных о вкусах и предпочтениях потребителей позволяет создавать максимально клиентоориентированные товары. Ориентация на потребителя способствует повышению уровня удовлетворенности и лояльности клиентов.
Улучшение учета и аудита	Благодаря неизменной природе записей в блокчейне, аудит и контроль за финансовыми и операционными	Оптимизация бизнес-процессов	Технология способствует идентификации узких мест и недостатков в бизнес-процессах. На основе аналитики предприятие оптимизирует операционные процессы,

Окончание табл. 1

1	2	3	4
	процессами становится более простым и надежным.		улучшает продуктивность и снижает затраты.
Прозрачность	Транзакционные операции, осуществляемые на основе блокчейна являются видимыми и доступными для всех участников сети. Прозрачность операций снижает вероятность мошенничества, укрепляет доверие между партнерами.	Поддержка принятия решений	Аналитика больших данных предоставляет руководству предприятия актуальную и точную информацию для принятия взвешенного и обоснованного управленческого решения.
Смарт-контракты	Смарт-контракты представляют собой программный код, который позволяет выполнять определенные условия сделки между двумя и более сторонами на основе технологии блокчейн. Использование таких контрактов позволяет автоматизировать выполнение договоренностей и снизить риск нарушений.	Управление рисками	Анализ накопленных данных о специфике и особенностях деятельности предприятия за предшествующие года позволяет предприятию предсказывать риски, управлять ими и разрабатывать ряд мероприятий по их минимизации.
Оптимизация логистики и цепочки поставок	Блокчейн позволяет отслеживать все этапы перемещения товаров, обеспечивая прозрачность и контроль каждого этапа, что упрощает процесс управления запасами и повышает ответственность поставщиков.	Инновации и новые возможности	Применение больших данных способствует выявлению новых трендов и возможностей для производства, позволяя предприятию выводить на рынок новые товары, опережая потенциальных конкурентов.

Проведенная сравнительная характеристика свидетельствует о том, что управление предприятием на основе применения технологий больших данных и блокчейна является стратегическим важным шагом для хозяйствующих субъектов. Использование технологий блокчейн и больших данных обеспечивает поддержание конкурентоспособности, завоевание новых рыночных сегментов, оптимизацию и повышение эффективности бизнес-процессов. Применение данных инструментов цифровой трансформации в системе управления предприятием обеспечит доступ к качественным данным, их защиту и создание инновационных решений.

Рассмотрим особенности использования технологий блокчейн и больших данных на примере отечественных предприятий. Динамика использования данных инструментов цифровой трансформации в деятельности предприятий Российской Федерации представлена на рисунке 1.

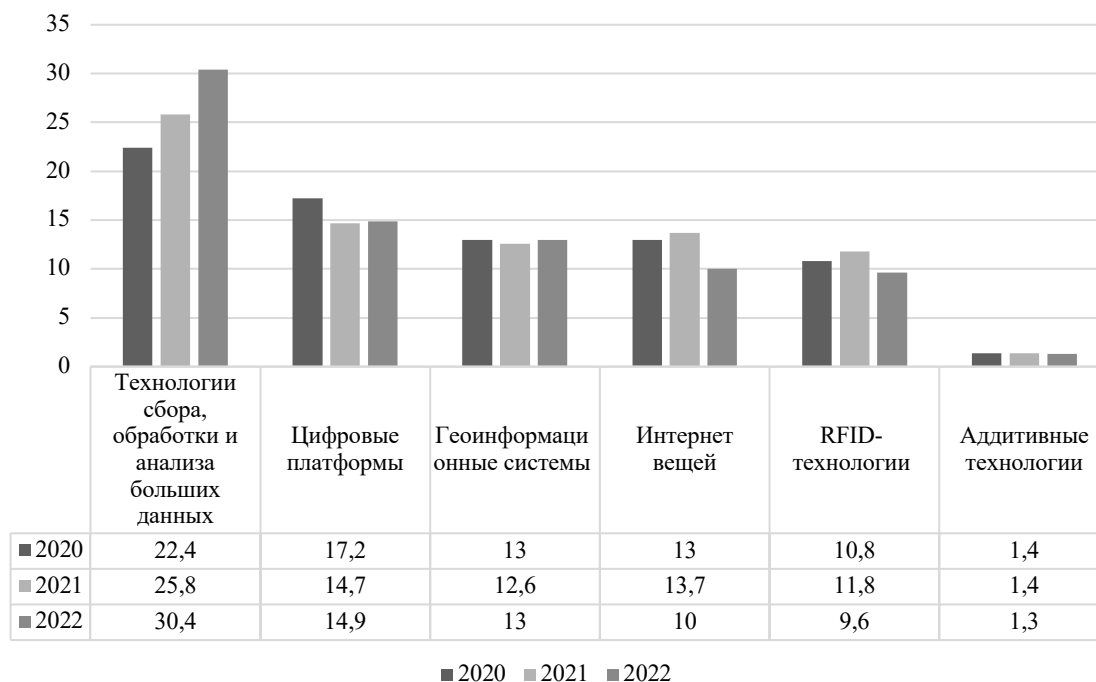

Рис. 1. Применение технологии больших данных и блокчейн организациями России за 2020-2022 гг. (в процентах от общего числа организаций) [5,6]

Предприятия Российской Федерации активно используют в своей деятельности технологии сбора, обработки и анализа больших данных. За анализируемый период показатель использования данной технологии предприятиями России вырос на 35,7%. Цифровые платформы, геоинформационные системы, интернет вещи, RFID-технологии, аддитивные технологии функционируют на основе использования технологии блокчейн. Исходя из представленных статистических данных можно сделать вывод о том, что использование технологий в деятельности предприятий постепенно увеличивается.

Сравнительная характеристика применения технологий блокчейн и больших данных в различных сферах управления предприятием на примере компаний Российской Федерации представлена в таблице 2.

Таблица 2
Применение технологий блокчейн и больших данных в различных сферах управления предприятий Российской Федерации

Предприятие	Блокчейн	Большие данные
1	2	3
Сибирская угольная энергетическая компания	Использует блокчейн для отслеживания транспортировки угля на всех этапах от шахты до конечного потребителя, что обеспечивает прозрачность цепочек поставок и сокращает риски нарушения обязательств.	Систематический анализ данных о транспортировке и потреблении угля обеспечивает оптимизацию логистики, планирование ресурсов, уменьшение затрат и повышение скорости обслуживания клиентов.
ВТБ	Блокчейн внедрен для упрощения банковских операций и проведения межбанковских расчетов. Блокчейн позволяет сократить время на	Большие данные используются для анализа поведения клиентов, оценки кредитных рисков. Наличие такой технологии позволяет разрабатывать

Окончание табл. 2

1	2	3
	проведение международных транзакций и повысить их безопасность.	персонализированные предложения для клиентов и максимально точно прогнозировать вероятность дефолта.
ПАО «Роснефть»	Блокчейн применяется для улучшения управления поставками нефти. На основе данной технологии отслеживается движение каждой партии сырья, при этом обеспечивается прозрачность расчетов и минимизация рисков мошенничества.	Применение технологии больших данных с целью прогнозирования цен на нефть, анализа рыночной ситуации, что способствует принятию обоснованных управленческих решений и разработке наиболее перспективных стратегий развития.
Яндекс	Применение блокчейн-технологий в сервисах для повышения безопасности обработки данных и системы авторизации пользователей.	Использование больших данных для анализа поведения потребителей и предсказания их потребностей, что обеспечивает улучшение продуктов и сервисов предприятия.
Русагро	Технология блокчейн в деятельности предприятия позволяет создавать систему, которая позволяет отслеживать происхождение продукции, что особенно важно в условиях соблюдения стандартов качества и безопасности.	Технология помогает анализировать данные с полей, такие как погодные условия, состояние почвы и сельскохозяйственных культур. Использование таких данных с полей способствует предпринятию в оптимизации процессов производства и повышению урожайности.
ПАО «РусГидро»	Применяет технологию блокчейн для управления учетом энергетических ресурсов, обеспечивая упрощение процедуры взаимодействия с конечным потребителем и повышение эффективности распределения энергии.	Анализ данных о потреблении электроэнергии позволяет прогнозировать нагрузку на энергетические сети и эффективно управлять ресурсами, разрабатывать программу энергосбережения для клиентов.

Составлена авторами на основе [8-14]

Применение технологий больших данных и блокчейн в управлении отечественными предприятиями является эффективным инструментом для обеспечения устойчивого роста и развития хозяйственной деятельности. Внедрение данных инструментом цифровой трансформации в управление предприятиями обеспечивает:

- снижение логистических издержек на всех этапах транспортировки товаров;
- повышение уровня безопасности бизнес-процессов;
- улучшение производительности;
- снижение затрат;
- децентрализованное хранение данных;
- быструю обработку информации;
- укрепление позиций организаций на международных рынках;
- создание репутации надежного и инновационного игрока;
- повышение уровня и качества обслуживания клиентов;
- улучшение коммуникации и сотрудничества между различными группами заинтересованных сторон;
- минимизирование рисков;
- предсказание событий на перспективу;
- систематический мониторинг и контроль за бизнес-процессами;

прозрачность деятельности.

В Российской Федерации технологии блокчейн и больших данных в системе управления используют не все организации. У большинства предприятий есть ряд сдерживающих факторов, которые затрудняют применение данных инструментов цифровой трансформации в системе управления. С целью обеспечения адаптации систем управления российских предприятий к использованию больших данных и блокчейн-технологий необходимо разработать комплекс мероприятий, которые позволят свести к минимуму существующие барьеры и ускорить процесс их интеграции в бизнес-процессы. Комплекс мероприятий по интеграции блокчейн-технологий и больших данных в систему управления предприятием представлен в таблице 3.

Таблица 3

Мероприятия по интеграции блокчейн-технологий и больших данных в систему управления российскими предприятиями

Направление мероприятия	Комплекс мер
Подготовка кадров на основе систематического обучения, повышение уровня квалификации.	Организация семинаров, курсов, тренингов с целью обучения сотрудников основам блокчейн-технологий и больших данных, особенностям их функционирования и методам их использования в бизнес-процессах.
	Создание специализированных IT-команд, специализирующихся на аналитике данных, которые будут заниматься интеграцией технологий в бизнес-процессы.
Формирование стратегий внедрения технологий	Проведение комплексного анализа соответствия существующих бизнес-процессов новым технологиям и выявление возможностей для их автоматизации.
	Постановка четких целей и задач, которых должны в стратегической перспективе достичь предприятия на основе внедрения блокчейн-технологий и больших данных.
Модернизация существующей инфраструктуры предприятия	Обновление существующих платформ, IT-систем для поддержания работы с большими данными и внедрения блокчейн-решений.
	Оценка потенциальных возможностей использования облачных решений предприятием для хранения, обработки больших объемов данных.
Разработка и внедрение программного обеспечения	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка собственных решений или внедрение существующих программных продуктов, которые используют технологии блокчейн и анализ больших данных.
	<ul style="list-style-type: none"> • Настройка существующих систем управления для интеграции новых технологий.
Участие в разработке стандартов и нормативов, регулирующих применение технологий	Участие хозяйствующих субъектов в разработке стандартов для использования технологий больших данных и блокчейн в России.
	Взаимодействие с государственными органами для обеспечения соответствия применения технологий законодательству и нормативам.
Систематический мониторинг и оценка эффективности	Формирование комплекса показателей для оценки эффективности интеграции блокчейн-технологий и больших данных в систему управления.
	Проведение регулярного мониторинга с целью выявления отклонений на основе полученных данных и применение коррекционных действий для минимизации рисков.

Перечисленные мероприятия являются действенным инструментом для устранения существующих проблем и барьеров, препятствующих полноценному

использованию больших данных и блокчейн-технологий в системе управления предприятиями в Российской Федерации.

Вывод. В современном мире технологии блокчейн и больших данных являются эффективным инструментом для повышения эффективности системы управления предприятием. Управление предприятием на основе применения технологий блокчейн и больших данных обеспечивает высокий уровень безопасности бизнес-процессов, прозрачность операций, повышение доверия со стороны потенциальных клиентов и партнеров, защищенность транзакционных операций, принятие взвешенных управленческих решений, осуществление прогноза деятельности. За счет создания гибкой и адаптивной системы управления бизнес-процессами, которая подстраивается под изменяющиеся условия внешнего окружения, интеграция данных инструментов цифровой трансформации обеспечивает снижение риска ликвидации предприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шереметьева, Е. Н. Принципы применения современных цифровых технологий в управлении предприятием / Е. Н. Шереметьева, А. А. Воропаев // Прикладные экономические исследования. – 2023. – № 2. – С. 95–102. – https://doi.org/10.47576/2949-1908_2023_2_95.
2. Самарина, В. П. Особенности управления предприятием в условиях цифровизации / В. П. Самарина, И. Н. Косарева // Вестник Евразийской науки. – 2019. – №3. – С. 1-9. – <https://esj.today/PDF/35ECVN319.pdf> (доступ свободный).
3. Бабина, С. И. Цифровые и информационные технологии в управлении предприятием: реальность и взгляд в будущее / С. И. Бабина // Креативная экономика. – 2019. – Том 13. – № 4. – С. 723-742. – doi: 10.18334/ce.13.4.40596.
4. Патрусова, А. М. Цифровизация процессного управления организацией / А. М. Патрусова // Issues of social-economic development of Siberia. Digitalization of process – 2022. – № 3 – С. 50-56. – DOI: 10.18324/2224-1833-2022-3-50-56.
5. Патрусова, А. М. Управление персоналом в условиях развития цифровой экономики / А. М. Патрусова // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – 2021. – Т. 8, –№ 3. – С. 71-83, DOI: 10.18413/2408-9346-2021-7-3-0-6.
6. Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.
7. Цифровая экономика: 2024: краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.
8. ВТБ запатентовал технологию создания расчетных и платежных систем на блокчейне – Текст : электронный // ТАСС : официальный сайт. – 2024. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/6030968> (дата обращения: 27.10.2024)
9. Comnews: ВТБ получил патент на мультиэмитентную систему на блокчейне – Текст : электронный // Федеральный институт промышленной собственности : официальный сайт. – 2024. – URL: <https://www1.fips.ru/news/vtb-poluchil-patent-na-multiemitentnuyu-sistemu-na-blokcheyne/> (дата обращения: 27.10.2024)
10. Массовые кредитные технологии для большой страны – Текст : электронный // Коммерсантъ : официальный сайт. – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6594438> (дата обращения: 27.10.2024)
11. Яндекс: Технологии Big Data уже помогли нам увеличить рыночную долю – Текст : электронный // CNEWS : официальный сайт. – 2024. – URL: https://www.cnews.ru/articles/yandex_tehnologii_big_data_uzhe_pomogli (дата обращения: 27.10.2024)
12. Цифровизация технологического производства. Передовые разработки и открытия «Роснефти» – Текст : электронный // «ФедералПресс» : официальный сайт. – 2024. – URL: <https://fedpress.ru/projects/digitalization> (дата обращения: 27.10.2024)
13. Главные плюсы от цифровизации в угольной промышленности лежат в логистике – Текст : электронный // «Инфосистемы Джет» : официальный сайт. – 2024. – URL: <https://www.jetinfo.ru/interviews/suek-vadim-pestun-main-advantages-for-coal-industry-digitalization-in-logistics-technologies/>

14. Цифровизация в Русагро – Текст : электронный // TADVISER : официальный сайт. – 2024. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_в_Русагро

Поступила в редакцию 09.11.2024 г.

ENTERPRISE MANAGEMENT BASED ON THE USE OF BIG DATA AND BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES

A. V. Polovyan, A. F. Yaluner

The article substantiates the need to use big data and blockchain technologies in enterprise management. A comparative description of the use of blockchain and big data technologies in different areas of enterprise management is proposed. The features of using these digital transformation tools at enterprises of the Russian Federation are considered. The advantages of using blockchain and big data technologies in the management of Russian enterprises are analyzed. A set of measures for the integration of blockchain technologies and big data into the management system of Russian enterprises has been developed.

Key words: enterprise management, big data, blockchain, business processes, efficiency.

Половян Алексей Владимирович

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

polovyan@yandex.ru

+7-949-320-49-47

ORCID 0000-0001-8570-6202

Ялунер Алина Феликсовна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк

alina.yaluner@yandex.ru

+7-949-347-94-36

ORCID 0009-0006-1600-4139

Polovyan Aleksey

Doctor of Economics, Associate Professor

Donetsk State University, city Donetsk

Yaluner Alina

Candidate of Economics Sciences, associate Professor of management

Donetsk State University, city Donetsk

УДК 332.1:338.45:338.24+330.4

DOI 10.5281/zenodo.14284718

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНИВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

© 2024. Ю. Н. Полшков, А. И. Маевский

В работе экономическая деятельность хозяйствующих субъектов машиностроения синхронизирована с хронологией формирования отечественной нормативно-правовой базы. Проанализировано текущее состояние машиностроительной отрасли Российской Федерации в общенациональном и региональном ракурсах. В отношении ряда территориальных субъектов России подтверждено наличие региональной среды высокотехнологичного промышленного производства. Предложена комплексная методика оценивания эффективности управления развитием бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности.

Ключевые слова: промышленность; машиностроение; развитие; анализ; экономика; инструмент; отрасль; управление; регион; бизнес-процесс; оценка; эффективность.

Постановка проблемы. Возросшая важность стимулирования замены импорта обусловлена, прежде всего, введёнными международными санкциями, которые пытаются парализовать отечественную экономику и фактически уничтожить саму российскую государственность. Ответом на эти откровенно враждебные действия является внедрение Правительством России всё новых форм поддержки, пытающихся минимизировать зависимость от зарубежных поставок. Сказанное напрямую касается базовых отраслей промышленности, среди которых ведущую роль играет машиностроение.

Актуальность темы исследования. Заявленный государством путь на достижение промышленно-технологического суверенитета на слуху у всех. Приоритеты технологической модернизации индустрии страны направлены на решение многих общероссийских задач, среди которых рост численности населения и повышение уровня доходов граждан, позволяющие масштабировать потребительский спрос и увеличить ёмкость внутренних рынков. В этой связи формирование конкурентных преимуществ выпускаемых машин и оборудования должно подкрепляться методическим фундаментом аналитических инструментов оценки эффекта от управляющих воздействий на развитие бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности Российской Федерации.

Анализ последних исследований и публикаций. Теория и практика управления бизнес-процессами в машиностроительной отрасли промышленности и других секторах обрабатывающих производств отражены в трудах зарубежных и отечественных учёных-экономистов.

Вопросы применения проектных технологий и экономико-математических моделей управления производством в машиностроительных отраслях стран и отдельных регионов Азии рассматриваются Ch.-Ch. Sun, K.-L. Chang [1] с позиций анализа рынков потребления производимых станков. Это отчасти перекликается с кластеризационными подходами к экономике станкоинструментальной отрасли России, которые К. С. Еленев, Т. Б. Малкова, Ю. Я. Еленева, С. А. Кудряшов [5] увязывают с потребностями машиностроительных предприятий.

Экономическую эффективность реализации научно-исследовательских проектов и экосистемных программ цифровизации машиностроения в промышленно развитых странах проанализировали R. N. Da Silva, P. C. Kaminski, R. O. Marin [2] с учётом совокупного влияния на мировой рынок выпуска автомобилей, что созвучно принципам «знаниевой» экономики, сформулированных M. Wilhelm, W. Dolfsma [6] по отношению к современным способам производства транспортных средств. В свою очередь В. А. Ефанов [6] идёт несколько дальше вышеназванных зарубежных исследователей и погружает цифровую трансформацию в систему управления бизнесом машиностроительных компаний во взаимодействии с экономическим функционированием других промышленных отраслей Российской Федерации, потребляющих отечественные машины и оборудование.

За открытость технологических инноваций и распространение современных знаний об экосистемах бизнес-процессов в машиностроении ратуют J. J. Ferreira, A. A. S. Teixeira [4]. Как подмечено И. А. Максимцевым, К. Б. Костиным, О. А. Онуфриевой, С. М. Кургиной [7], открытость такого рода в практике мирового машиностроения является ограниченной и распространяется на рынки США и их сателлитов, что означает фактическую закрытость для экономики российской машиностроительной отрасли промышленности.

Подчёркивая приоритетность инновационной политики государства, реализуемой в отношении машиностроительных предприятий, А. Н. Пыткин, В. Б. Главацкий [8] анализируют бизнес-процессы и рыночные отношения в плоскости пространственно-отраслевых структур региональных экономик.

А. И. Шинкевич, А. В. Шумкин [9; 10] предложили ряд процессно-функциональных и факторных моделей управления экономикой машиностроительной отрасли для интенсификации вывода инновационных изделий на внутренние и внешние рынки высокотехнологичной продукции. Аналогично склоняясь к модельным инструментам, В. А. Щевьёва, В. В. Бологова, Д. Г. Шувалова [11] анализируют финансово-хозяйственные отношения в энергетическом машиностроении посредством оценки степени межотраслевых взаимодействий в экономике России.

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на значимость результатов авторов работ [1–11] и примыкающих к ним исследования, отметим, что большинство учёных и практиков в основном констатируют факты и, отталкиваясь от них, пытаются предложить пути решения проблем. Нам же более близок путь формирования образа будущего бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности, что позволит подготовить почву для индустриально-технологического развития в экономической сфере современной России. Авторская точка зрения настаивает на аналитических процедурах не только отраслевого и межсекторного свойства, но и территориального характера бизнес-процессов в экономике отечественного машиностроения.

Рабочая **гипотеза** исследования предполагает, что региональная промышленная политика оказывает существенное влияние на развитие бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности.

Целью исследования является совершенствование инструментов анализа эффективности управления развитием бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности.

Материалы и методы исследования. Проверка непротиворечивости авторской гипотезы и достижение цели работы осуществлены на основе использования теории регионально-отраслевой экономики (публикации [1–11], статьи и тезисы самих

авторов), нормативно-правовой базы [12–20], статистических данных [21–27], а также посредством отобранных, систематизированных и проанализированных сведений из открытых источников.

Приращение научных знаний потребовало использование методов финансовой математики [1], общей статистики [9; 10], финансово-экономического анализа [8] и ряда оценочных методик [2–4].

Результаты исследования и их обсуждение. Осознание ключевых вызовов, с которыми столкнулась машиностроительная отрасль промышленности России, не должно препятствовать растущему пониманию открывающихся возможностей технологической модернизации предприятий машиностроения. Неопределённость перспектив общедоступности экспорта российских машин и оборудования обусловлена санкциями, западным протекционизмом и торговыми войнами, поэтому следует искать пути роста экономических показателей машиностроительной отрасли промышленности за счёт потребления внутри страны.

Анализ нормативно-правовой базы [12–20] позволяет синхронизировать экономическую деятельность хозяйствующих субъектов машиностроительной отрасли промышленности с документами стратегической направленности и концептуального характера, утверждёнными Президентом и Правительством (табл. 1).

Таблица 1

Нормативно-правовая база, определяющая управление развитием бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности России (систематизировано авторами в хронологическом порядке по документам [12 – 20])

Год принятия документа	Сфера приложения управляющих воздействий	Наименование / характер документа	Номер источника в данном исследовании
2016	Научно-технологическое развитие России	Стратегия	[12]
2017	Экономическая безопасность России	Стратегия	[13]
2019	Пространственное развитие России	Стратегия	[14]
2020	Энергетическая отрасль экономики России	Энергетическая стратегия	[15]
2020	Национальные цели развития России	Президентский Указ	[16]
2021	Национальная безопасность России	Стратегия	[17]
2021	Стратегическое планирование в России	Президентский Указ	[18]
2023	Технологическое развитие России	Концепция	[19]
2023	Обрабатывающая промышленность России	Сводная стратегия	[20]

Масштабность принятых документов (табл. 1) приближает к утверждению, что реализация национальных проектов и участие России в договорах международного торгового партнёрства детерминируют на законодательном уровне развитие бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности. Об эффективности управления бизнес-процессами в машиностроении будем судить на основе аналитико-оценочных выкладок.

Критическое осмысление накопленного научно-практического опыта [1–11] по проблемам оценивания эффективности управления развитием бизнес-процессов в промышленных отраслях привело к анализу обобщённых характеристик объёмов производства машин и оборудования в регионах (рис. 1).

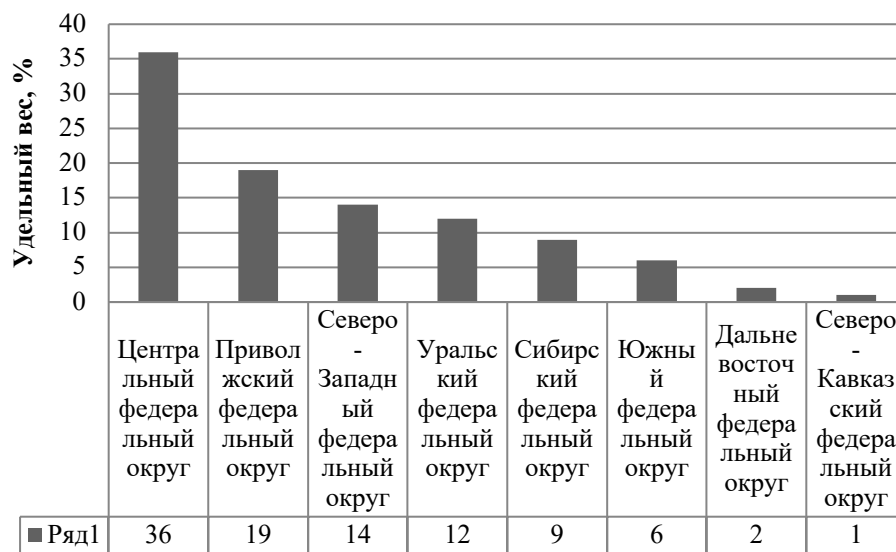

Рис. 1. Усреднённый за период с 2017 года по 2023 год удельный вес федеральных округов по объёмам выпуска продукции предприятиями машиностроительной отрасли (рассчитано авторами на основе статистических данных [21; 24; 25])

Объём выпуска обозначен v_t , где t ($t = \overline{1, T}$) – номер временного периода (года). Во избежание влияния инфляции вычисления количественных характеристик отечественного машиностроения проведены в ценах 2017-го базового года, когда $t = 1$. В расчётах участвуют годовые инфляционные уровни inf_t (%), поэтому объёмы выпуска в ценах базового периода составили:

$$V_1 = v_1, V_2 = \frac{v_2}{\left(1 + \frac{\text{inf}_2}{100\%}\right)}, V_3 = \frac{v_3}{\left(1 + \frac{\text{inf}_2}{100\%}\right)\left(1 + \frac{\text{inf}_3}{100\%}\right)} \text{ и т.д.} \quad (1)$$

Обобщение методом финансовой математики [1] цепочки вычислений (1) приводит к результатам по машиностроительной отрасли промышленности для любого года за анализируемый период:

$$V_1 = v_1, V_t = \frac{v_t}{\prod_{u=2}^t \left(1 + \frac{\text{inf}_u}{100\%}\right)}, t = 2, 3, \dots, T. \quad (2)$$

Знаменатели (2) в дробях V_t объёмов производства содержат произведения дефляторов национальной валюты [23].

Методом общей статистики [9; 10] выходим на удельно-весовое усреднение показателей российского машиностроения за период с 2017 года по 2023 год для каждого региона n ($n = \overline{1, N}$):

$$D_t^{(n)} = \frac{\sum_{t=1}^t V_t^{(n)}}{\sum_{t=1}^t V_t^{(1)} + \sum_{t=1}^t V_t^{(2)} + \dots + \sum_{t=1}^t V_t^{(N)}} \cdot 100\%, \quad n = \overline{1, N}. \quad (3)$$

Расчёты по формуле (3) показали, что Центральный, Приволжский и Северо-Западный макрорегионы (рис. 1) формируют группу лидеров машиностроительного производства на своих территориях. Их совокупный удельный вес составляет 69% от общих объёмов выпуска машин и оборудования.

Уральский и Сибирский федеральные округа входят в срединную группу, охватывая 21% общей стоимости произведенных изделий по машиностроительной отрасли. Замыкающая территориальная группа отечественного машиностроения представлена Южным, Дальневосточным и Северо-Кавказским макрорегионами, которые в совокупности обеспечивают 9% выпуска.

Заметим, что в течение анализируемых семи лет Уральский макрорегион, как и Центральный, Приволжский и Северо-Западный федеральные округа, по объёмам производства машин и оборудования на душу населения превосходят среднероссийские характеристики. Как обосновано в работе [1], достаточно пяти лет превышения общенациональных показателей, чтобы утверждать о наличии в регионе среды высокотехнологичного промышленного производства с позиций подтверждения непротиворечивости выдвинутой гипотезы исследования.

В каждом из перечисленных четырёх федеральных округов есть безусловные регионы-драйверы отечественного машиностроения (табл. 2). Из городских агломераций для машиностроительной отрасли промышленности наиболее масштабны доходы профильных предприятий Москвы и Санкт-Петербурга. Здесь, по-видимому, сыграл свою роль факт того, что машиностроительные компании имеют московскую и Санкт-Петербургскую регистрации, а их производственные мощности располагаются за городской чертой.

Таблица 2

Восемь отечественных регионов-драйверов машиностроения (100%) в выпуске продукции за период с 2017 года по 2023 год (рассчитано авторами согласно (1) – (3) на основе статистических данных [21; 24; 25])

Регион	Доля, %	Регион	Доля, %
Московская область	21,6	Самарская область	7,5
Ленинградская область	8,0	Свердловская область	14,4
Республика Татарстан	14,8	Тюменская область	13,6
Нижегородская область	9,2	Челябинская область	10,9

Эти же регионы (табл. 2) лидируют по величине производства машин и оборудования на душу населения, превосходя среднероссийские показатели. Таким образом, в пределах территорий перечисленных субъектов (табл. 2) сформирована региональная среда высокотехнологичного промышленного производства, что вписывается в гипотетическую канву исследования.

Как и ранее, расчёты для табл. 2 проведены в ценах базового 2017 года. При этом государственные дотации машиностроительной отрасли позволяют «притормаживать» цены на продукцию, приобретаемую российскими потребителями. Рост себестоимости

производимых изделий обусловлен, как инфляцией рубля, так и поддержкой рентабельности выпускаемых машин и оборудования [20].

В стоимостном измерении оценим производственно-экономическую деятельность предприятий машиностроительной отрасли по объёму произведенных изделий во всех регионах страны (3). С помощью метода финансово-экономического анализа [8] рассчитаем соответствующий индекс, как отношение численных значений текущего (числитель дроби) и предыдущего (знаменатель) временных периодов:

$$I_t = \frac{\sum_{n=1}^N V_t^{(n)}}{\sum_{n=1}^N V_{t-1}^{(n)}}, t = 2, 3, \dots, T. \quad (4)$$

Вычисления по формуле (4) показали, что стоимостная ситуация в ценах 2017 года по машиностроительной отрасли выглядит достаточно оптимистично (рис. 2).

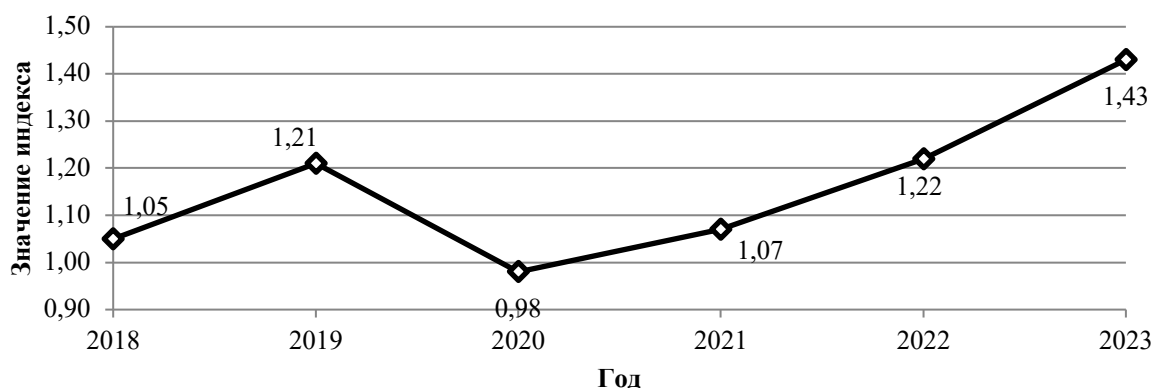

Рис. 2. Индекс совокупной стоимости произведенных машин и оборудования в целом по Российской Федерации (рассчитано авторами согласно (4) на основе статистических данных [21; 24; 25])

Средняя величина индекса за весь период (рис. 2) составила 1,16, что означает ежегодное возрастание стоимостного объёма выпуска продукции машиностроительной отрасли примерно на 16%. Устойчивая положительная динамика допустила «проседание» в 2020 году из-за последствий воздействия коронавирусной пандемии на экономику страны. Регионы-драйверы отечественного машиностроения (табл. 2) демонстрировали ещё большие темпы роста, что дополнительно подтверждает наличие на их территориях среды высокотехнологичного промышленного производства в контексте выдвинутой авторами гипотезы.

Превышение величины 1,16 над значением 1,12 общего индекса по всей обрабатывающей промышленности [21] является аргументом в пользу достаточной эффективности управления развитием бизнес-процессов в машиностроительной отрасли. Применяв метод финансово-экономического анализа [8], укрепимся в наших убеждениях оценкой, аналогичной формуле (4), других индексных показателей отечественного машиностроения (табл. 3).

Таблица 3

Усреднённые значения индексов финансово-экономического анализа машиностроительной отрасли России (рассчитано авторами согласно (4) на основе статистических данных [21 – 27])

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Среднее значение
Индекс динамики фондоотдачи	1,02	1,00	0,97	0,97	1,02	1,05	1,005
Индекс динамики фондовооружённости	0,92	0,97	1,13	1,69	0,85	1,01	1,095
Индекс динамики прибыли	1,01	1,05	1,04	1,06	1,03	1,07	1,043
Индекс динамики инвестирования в основной капитал	1,03	1,01	1,04	1,09	0,97	1,15	1,048

Несмотря на то, что средние значения всех индексов (табл. 3) превысили единицу, темпы динамики фондоотдачи, фондовооружённости, прибыли и капитальных инвестиций в российском машиностроении высокими назвать нельзя. Более существенный рост финансово-экономических индексов возможен при условии повышения управляемости развитием бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности. При этом управляемость зависит от достаточности капиталовложений в инновации по разработке, внедрению и массовому использованию современных промышленных технологий.

Управляющие воздействия рекомендуется сопоставлять с индикаторами высокотехнологичности отрасли. Эффективное управление развитием бизнес-процессов в машиностроении подразумевает обеспечение устойчивого функционирования промышленного производства, интенсивного роста финансово-хозяйственных характеристик предприятий отрасли и прогрессивных сдвигов в социальных отношениях на национальном и региональном уровнях. Применение аналитического инструментария показало, что наличие в регионе среды высокотехнологичного промышленного производства позитивно влияет на управляемость развитием бизнес-процессов в отечественном машиностроении.

Выводы и дальнейшая дискуссия. В работе усовершенствованы аналитические инструменты оценки эффективности управления развитием бизнес-процессов в отечественном машиностроении.

Подтверждена авторская гипотеза о наличии существенного влияния региональной промышленной политики на развитие бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности России. Следовательно, необходимы государственные программы стимулирования и координация усилий субъектов Российской Федерации по поддержке их промышленных потенциалов на достаточном уровне, в частности по формированию территориальных кластеров конкурентоспособного машиностроительного производства.

Полученная в ходе исследования **научная новизна** заключается в совершенствовании комплексной методики оценивания эффективности управления развитием бизнес-процессов в машиностроительной отрасли промышленности. Оценочный инструментарий сочетает использование методов финансовой математики, общей статистики и финансово-экономического анализа. Методика позволяет судить об управляемости развитием бизнес-процессов в машиностроении, что подтверждается соответствием классическому функционалу менеджмента. Задачи планирования, организации, мотивации и контроля распространяются на внедрение в работу отрасли

отечественного индустриального хай-тека. Практика управления развитием бизнес-процессов в машиностроении сочетается с налоговыми и финансовыми формами поддержки прогрессивных нововведений, стимулирования внутриотраслевых предприятий-лидеров и обеспечения роста экономических показателей в секторах национального хозяйства, выступающих в роли потребителей машин и оборудования российских марок.

Дальнейшее дискутирование перспективно с позиций систематизации теоретико-концептуальной базы научного поиска в контексте усиления роли машиностроительной отрасли в решении задач замещения импорта и обретения Россией промышленно-технологического суверенитета в обозримом будущем. В практической плоскости следует обратить внимание на управление развитием бизнес-процессов в машиностроении Донецкой Народной Республики и других новых регионов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sun Ch.-Ch. Strategic Alliance Pattern Evaluation Model for Taiwan's Machine Tool Industry: A Hierarchical DEMATEL Method [Text] / Ch.-Ch. Sun, K.-L. Chang // *Mathematical Problems in Engineering*. – 2022. – Vol. 2022. – P. 1-20. DOI: 10.1155/2022/5110327.
2. Da Silva R.H. Innovation ecosystems in the automotive industry between opportunities and limitations [Text] / R.H. Da Silva, P.C. Kaminski, R.O. Marin // *Foresight and STI Governance*. – 2021. – Vol. 15 (3). – P. 66-80. DOI: 10.1108/IJOPM-06-2015-0337.
3. Wilhelm M. Managing knowledge boundaries for open innovation – Lessons from the automotive industry [Text] / M. Wilhelm, W. Dolfmsa // *International Journal of Operations & Production Management*. – 2018. – Vol. 38 (1). – P. 230-248. DOI: 10.1108/IJOPM-06-2015-0337.
4. Ferreira J.J. Open innovation and knowledge for fostering business ecosystems [Text] / J.J. Ferreira, A.A.C. Teixeira // *Journal of Innovation & Knowledge*. – 2019. – Vol. 4 (4). – P. 253-255. DOI: 10.1016/j.jik.2018.10.002.
5. Еленев К.С. Подходы к кластеризации металлорежущего и кузнечно-прессового оборудования предприятий машиностроения России [Текст] / К.С. Еленев, Т.Б. Малкова, Ю.Я. Еленева, С.А. Кудряшов // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2024. – Том 14. – № 5. – С. 2397-2418. DOI: 10.18334/err.14.5.120891.
6. Ефанов В.А. Цифровая трансформация системы управления бизнес-процессами хозяйствующего субъекта [Текст] / В.А. Ефанов // *Экономика устойчивого развития*. – 2022. – № 2. – С. 76-81.
7. Максимцев И.А. Роль отрасли отечественного машиностроения в мировой экономике [Текст] / И.А. Максимцев, К.Б. Костин, О.А. Онуфриева, С.М. Кургина // *Вопросы инновационной экономики*. – 2024. – Том 14. – № 1. – С. 241-270. DOI: 10.18334/vines.14.1.120489.
8. Пыткин А.Н. Приоритеты инновационного развития предприятий машиностроения пространственно-отраслевой структуры региона в рыночной экономике [Текст] / А.Н. Пыткин, В.Б. Главацкий // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2020. – Том 10. – № 7. – С. 2019-2028. DOI: 10.18334/err.10.7.110595.
9. Шинкевич А.И. Функциональное моделирование процесса выведения инновационной продукции на рынок в машиностроении [Текст] / А.И. Шинкевич, А.В. Шумкин // *Вестник университета*. – 2021. – № 12. – С. 47-54. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-47-54.
10. Шумкин А.В. Разработка факторной модели высокотехнологичного машиностроительного производства [Текст] / А.В. Шумкин // *Управление устойчивым развитием*. – 2023. – № 3 (46). – С. 23-29. DOI: 10.55421/2499992X_2023_3_23.
11. Щевьёва В.А. Учёт тенденций развития энергомашиностроения при оценке межотраслевого взаимодействия [Текст] / В.А. Щевьёва, В.В. Бологова, Д.Г. Шувалова // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2023. – Том 13. – № 11. – С. 5077-5092. DOI: 10.18334/err.13.11.119679.
12. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] // *Официальный сайт Правительства России*. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/109256/>. (Дата обращения: 18.10.2024).

13. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/111512/>. (Дата обращения: 18.10.2024).

14. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUrT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>. (Дата обращения: 18.10.2024).

15. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/128340/>. (Дата обращения: 18.10.2024).

16. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/128943/>. (Дата обращения: 18.10.2024).

17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/135405/>. (Дата обращения: 18.10.2024).

18. Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244>. (Дата обращения: 18.10.2024).

19. Концепция технологического развития на период до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/147621/>. (Дата обращения: 18.10.2024).

20. Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2020 г. № 1512-р (в редакции распоряжения Правительства Российской Федерации от 9 сентября 2023 г. № 2436-р) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/49489/>. (Дата обращения: 18.10.2024).

21. Ежегодные доклады «Социально-экономическое положение России» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>. (Дата обращения: 01.11.2024).

22. Наука, инновации и технологии [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>. (Дата обращения: 01.11.2024).

23. Национальные счета [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>. (Дата обращения: 01.11.2024).

24. Промышленное производство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial. (Дата обращения: 01.11.2024).

25. Региональная статистика Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики России. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics. (Дата обращения: 01.11.2024).

26. Технологическое развитие отраслей экономики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики России. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>. (Дата обращения: 01.11.2024).

27. Эффективность экономики России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186>. (Дата обращения: 01.11.2024).

Поступила в редакцию 03.11.2024 г.

ANALYTICAL TOOLS FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF BUSINESS PROCESS DEVELOPMENT MANAGEMENT IN THE MECHANICAL ENGINEERING INDUSTRY

Yu. N. Polshkov, A.I. Mayevsky

In the work, the economic activity of business entities in mechanical engineering is synchronized with the chronology of the formation of the domestic regulatory framework. The current state of the mechanical engineering industry of the Russian Federation is analyzed from a national and regional perspective. With respect to a number of territorial entities of Russia, the presence of a regional environment of high-tech industrial production is confirmed. A comprehensive methodology for assessing the effectiveness of business process development management in the mechanical engineering industry is proposed.

Keywords: industry; mechanical engineering; development; analysis; economy; tool; industry; management; region; business process; assessment; effectiveness.

Полшков Юлиан Николаевич

доктор экономических наук, доцент, декан экономического факультета,
и. о. заведующего кафедрой математики и математических методов в экономике
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк
yu.polshkov@donnu.ru
+7-949-323-17-48
ORCID 0000-0003-2574-5925

Маевский Андрей Игоревич

аспирант кафедры математики и математических методов в экономике
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк
a.i.maevskyi@yandex.ru
+7-968-551-99-88
ORCID 0009-0001-7415-2061

Polshkov Yulian

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor
Donetsk State University, city Donetsk

Mayevsky Andrey

Postgraduate student
Donetsk State University, city Donetsk

УДК [334.172:338.432]:330.341.1(470.620+470.61)
DOI 10.5281/zenodo.14236631

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2024. Е. Н. Стрелина, Н. Д. Талах

Данная статья посвящена анализу тенденций развития инвестиционно-инновационной деятельности предприятий сельского хозяйства Краснодарского края и Ростовской области. В ходе исследования определены места указанных регионов в рейтинге инновационности регионов РФ. Представлена структура усреднённых затрат на инновации сельскохозяйственных предприятий по видам инновационной деятельности за период 2019-2022 гг. За этот же период выявлены изменения объёма инновационных товаров в Краснодарском крае и Ростовской области и их долей в структуре общего объёма инновационных товаров предприятий сельского хозяйства. На основании проведённого анализа определены барьеры, снижающие темпы инвестиционной и инновационной деятельности предприятий сельского хозяйства. Отобраны барьеры, снижающие темпы инвестиционной и инновационной деятельности, и барьеры, являющиеся основными факторами роста инновационности сельскохозяйственных предприятий. Сделаны выводы о методах преодоления препятствующих барьеров.

Ключевые слова: анализ; тенденции; барьеры развития; рейтинг; инновационность регионов; инвестиционно-инновационная деятельность; сельское хозяйство; сельскохозяйственные предприятия; меры поддержки; отрасль.

Постановка проблемы и актуальность. Развитие инвестиционно-инновационной деятельности сельского хозяйства стремительно становится приоритетным вектором развития экономики страны. Уровень инвестиционно-инновационного развития сельского хозяйства в разрезе субъектов РФ различен, в соответствии с этим отличается и реализуемая регионами инвестиционно-инновационная программа. Для анализа инвестиционно-инновационной деятельности предприятий сельского хозяйства отобраны Краснодарский край и Ростовская область, занимающие соответственно 3 и 13 места в инновационном рейтинге регионов РФ. Между данными субъектами расстояние в 10 позиций по агрегированному показателю с разницей в 17,14 %, однако, по доле вклада группы «Производственная деятельность», она не сильно разнится. В противовес этому Ростовская область занимает позицию в рейтинге ниже Краснодарского края по вкладу группы «Меры поддержки отрасли» на 10,17 % выше Ростовского региона, а по вкладу группы «Инновации», наоборот, у Краснодарского края позиция на 8,21 % выше. Таким образом, требует изучения вопрос: «Почему соседние регионы, расположенные в похожих климатических условиях, демонстрируют разные показатели инвестиционно-инновационной деятельности предприятий сельского хозяйства?»

Анализ последних исследований и публикаций. Ряд российских и зарубежных авторов придерживаются точки зрения, что в условиях стремительного технологического прогресса развитие государственной инвестиционно-инновационной среды всё чаще рассматривается через призму устойчивого регионального развития [1]. Каждый регион разрабатывает собственную стратегию инвестиционно-инновационного развития, основными задачами которой являются создание благоприятного социально-экономического и организационного климата для широкого распространения

инноваций, ускоренного внедрения передовых научно-технических разработок и достижения максимального эффекта.

Наиболее известным и популярным российским источником информации об инвестиционно-инновационной деятельности и соответствующих показателях, характеризующих региональное развитие, является Рейтинг инновационности регионов РФ в АПК (подготовлен совместно РоссельхозБанком и «Сколково»), Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации и доклад по Инновационному развитию агропромышленного комплекса в России. Agriculture 4.0 (подготовленные Национальным Исследовательским Университетом Высшей Школы Экономики (НИУ ВШЭ)), а также данные, предоставляемые Федеральным государственным бюджетным учреждением «Центр Агроаналитики».

Выделение нерешенной проблемы. В российской экономической системе инновационные механизмы ещё не полностью выступают основным двигателем экономического роста, и существует ряд нерешённых вопросов, касающихся направлений инновационного развития регионов и методов его оценки. Статистический анализ показывает неравномерность инновационного развития регионов, что приводит к значительному разрыву в уровнях их экономического развития. В настоящее время наблюдается значительная дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню развития инновационной деятельности, при этом наиболее инновационно активные регионы ещё больше отрываются от отстающих.

Целью исследования является проведение анализа тенденций развития инвестиционно-инновационной деятельности предприятий сельского хозяйства Краснодарского края и Ростовской области с целью определения барьеров роста.

Результаты исследования. В 2023 г. «РоссельхозБанк» совместно с Фондом «Сколково» [10] разработали и представили первый рейтинг инновационности регионов Российской Федерации в агропромышленном комплексе на основании данных за 2021 г., включающий 50 субъектов страны с наибольшим объёмами производства в аграрной промышленности и оценку по классам исследуемых показателей (табл. 1).

Таблица 1

Рейтинг инновационности регионов в Российской Федерации в АПК, % [10]

Регион	Номер в рейтинге	Агрегированный показатель	Вклад группы «Инновации»	Вклад группы «Меры поддержки отрасли»	Вклад группы «Производственная деятельность»
1	2	3	4	5	6
Московская область	1	63,79	29,93	41,40	28,66
Республика Татарстан	2	61,95	23,14	40,25	36,61
Краснодарский край	3	59,74	25,37	29,03	45,60
Липецкая область	4	58,92	22,22	35,29	42,49
Воронежская область	5	55,00	3,58	45,45	50,97
Ленинградская область	6	51,63	26,11	35,51	38,38
Волгоградская область	7	49,52	20,70	46,86	32,43
Тамбовская область	8	46,86	14,31	52,33	33,36
Брянская область	9	46,59	3,39	41,51	55,10
Новосибирская область	10	45,77	6,31	54,61	39,08

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
Нижегородская область	11	44,23	23,65	36,76	39,59
Ставропольский край	12	42,90	5,68	54,26	40,05
Ростовская область	13	42,60	17,16	39,20	43,64
Пензенская область	14	42,21	4,14	49,74	46,12
Удмуртская Республика	15	40,25	3,26	60,30	36,44

Данный рейтинг направлен на формирование объективной оценки по исследуемым показателям, которые воздействуют на инновационную активность регионов, а также на определение факторов и барьеров стимулирования роста уровня внедрения инноваций в АПК. Методический подход к формированию рейтинга включает анализ количественных данных (открытые источники данных), проведение интервью с представителями отрасли (органы государственной власти и предприятия сельского хозяйства региона) и консультации с научным сообществом и инновационными компаниями.

Одним из показателей рейтинга инновационности регионов РФ в АПК, входящих в группу «Инновации», является уровень затрат предприятий регионов на инновационную деятельность. В анализируемых в данном исследовании регионах основную долю составляют такие виды деятельности:

исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов;

закупка техники, оборудования, сырья, материалов, прочих основных средств, связанных с инновационной деятельностью;

инжиниринг.

Также в Краснодарском крае активно ведётся работа с новейшими технологиями, а в Ростовской области – работа по получению патентов на изобретения, промышленные образцы, полезные модели, селекционные достижения и т. п.; патентование (регистрация) результатов интеллектуальной деятельности, поддержание действующих патентов.

Таким образом, согласно усредненным показателям за рассматриваемый период в четыре года (рис. 1), Краснодарский край выделяет практически половину затрат (47,5 %) на исследование и разработки, и больше четверти всех средств (32 %) – на закупку техники, оборудования, сырья, материалов, прочих основных средств.

Анализ показателей Ростовской области свидетельствует, что она имеет иную от Краснодарского края позицию. Ростовская область 50,4 % всех средств вкладывает в закупку техники, оборудования, сырья, материалов, прочих основных средств и 20,8 % – на научную деятельность.

Если рассматривать расходы на высокодолевые виды инновационной деятельности за период 2019-2022 гг., то можно отметить [11,12]:

в отношении Краснодарского края ситуация следующая – с показателей, достигнутых в 2019 г. произошло резкое падение, после чего наблюдается положительная динамика в 2021-2022 гг. (за исключением вида деятельности «Исследование и разработка» в 2022 г. на 1,8 % ниже по отношению к предыдущему периоду). Доля статьи «Разработка и приобретение ПО и баз данных» наоборот достигает пика в 2020 гг., а в 2019 и 2021-2022 гг. держится на одном уровне в 0,6-0,7 %.

в отношении Ростовской области: «Научные исследования и разработки» – стабильно снижающаяся динамика, «Патенты на изобретение, лицензии на промышленные образцы, полезные модели, селекционные достижения и т.п.» – ситуация аналогична; «Закупка техники, оборудования, сырья, материалов, прочих основных средств» – ситуация аналогична Краснодарскому краю; «Инжиниринг» – носит волновой характер, наблюдается резкий скачок, за анализируемый период наибольший показатель был достигнут в 2020 г. и составил 30,3 % в структуре затрат на инновации.

Рис. 1. Структура вложений в развитие инновационной деятельности сельскохозяйственных предприятий по видам: усредненные значения за период 2019-2022 гг. [5]

Рассмотрим динамику изменения объема инновационной продукции Краснодарского края и Ростовской области, а также их долей в объеме инновационных товаров в целом по Российской Федерации. Данные, представленные на рисунке 2 свидетельствуют о том, что в Ростовской области объем инновационных товаров и удельный вес объема в 2021 г. (рейтинг сформирован на основании данных за 2021 г.) выше, чем в Краснодарском крае на 15,4 %. [3, 5]

В период до 2021 г. можно отметить [3, 5, 11, 12]:

Краснодарский край имеет стабильную тенденцию к снижению объема инновационных товаров и соответственно удельного веса в разрезе страны, за период с 2019 по 2021 гг. данные показатели упали на 10,4 %;

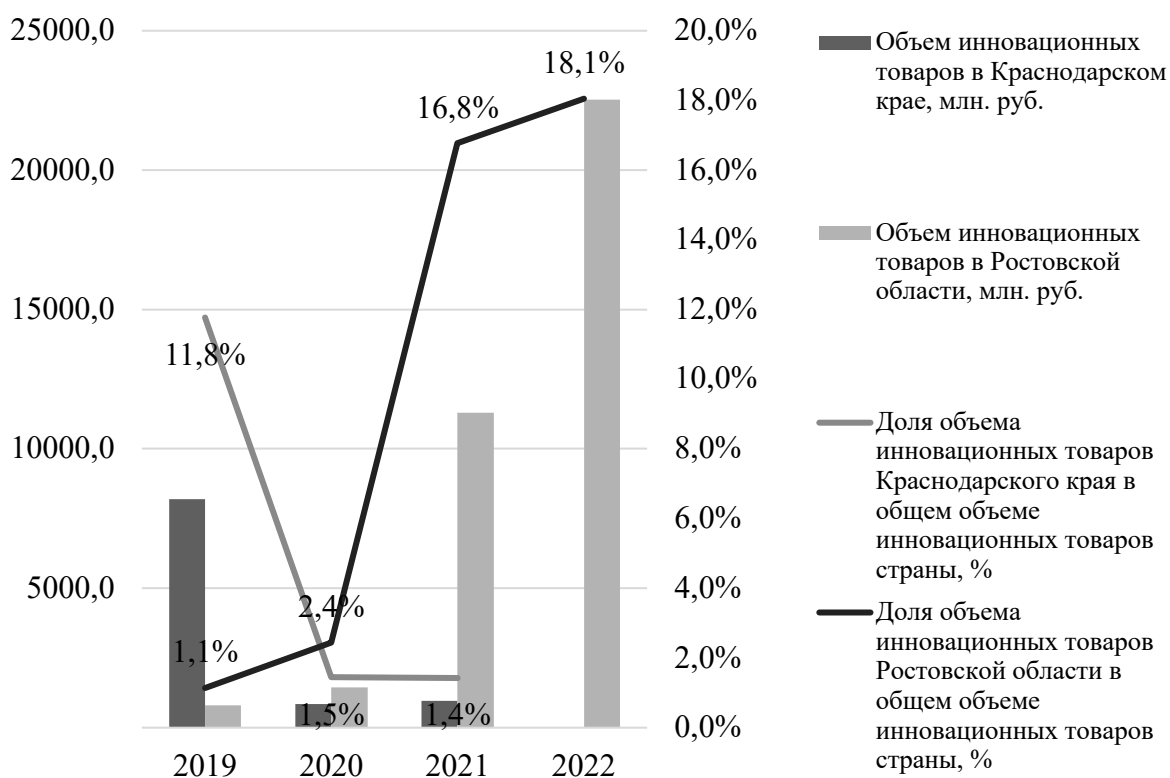

Рис. 2. Динамика инновационных товаров в Краснодарском крае и Ростовской области и их долей в общей структуре инновационных товаров организаций сельского хозяйства за период 2019-2022 гг. [5]

Ростовская область демонстрирует противоположную динамику и за период с 2019 по 2021 гг. имеет стабильно положительный рост, характеризующийся увеличением рассматриваемых показателей на 15,7 %.

Данные за 2022 г. не были использованы при составлении рейтинга, однако, Ростовская область в 2022 г., невзирая на сложную экономико-политическую обстановку, показывала прирост в 99 % по отношению к предыдущему году, а также увеличила долю в структуре объема инновационных товаров страны на 1,3 %.

В агропромышленном комплексе Краснодарского края в 2023 г. на стадии реализации находятся 25 инвестиционно-инновационных проектов на сумму в 50 млрд. руб. Основными векторами проектов являются [4, 14] переработка продукции, произведенной сельскохозяйственными предприятиями, животноводство, садоводство. Реализация проектов по данным направлениям позволит увеличить производственные мощности и количество рабочих мест.

Однако, на данный момент в первоочередном порядке реализуются инвестиционно-инновационные проекты, которые ориентированы на процесс цифровизации сельскохозяйственной отрасли, государство и инвесторы акцентируют внимание на внедрение цифровых технологий в аграрном секторе. Об этом свидетельствует обновленная «Стратегия развития АПК до 2030 г.» [9], включающая цифровизацию сельскохозяйственной отрасли.

Сельскохозяйственными предприятиями делается упор на «Цифровое поле» и «Цифровизацию садов». Здесь предприятия Краснодарского края работают над проектами карты-схемы угодий для сельскохозяйственной деятельности, а также

использованием агродронов и высокотехнологической беспилотной летательной сельскохозяйственной техники. Однако для преодоления проблем цифровой трансформации со стороны санкционного давления, предприятия формируют отделы, отвечающие за инновации и исследования. Цифровая трансформация, согласно мнению специалистов, в таких условиях будет происходить быстрее.

Относительно «Цифровизации садов», то здесь силы направлены на создание системы учёта хранения и движения продукции на всех этапах ее обработки и упаковки. На данный момент у предприятий Краснодарского края имеется возможность практически полного отслеживания продукции от момента сбора до момента отгрузки.

Агропромышленный комплекс Ростовской области по части инвестиционно-инновационных проектов не отстает от Краснодарского края. На данный момент в активной фазе реализации находятся 29 проектов на сумму 160 млрд. руб. [4] различной направленности, включая переработку продукции, произведенной сельскохозяйственными предприятиями, животноводство, селекцию и первичное семеноводство, семь из которых должны завершиться в 2024 г.

В Ростовской области также делается упор на цифровую трансформацию, продвигается использование беспилотных летательных аппаратов, дронов в «умном поле».

Преодоление трудностей процесса цифровизации АПК Ростовская область преодолевает по схожим с Краснодарским краем сценариям – их цели и направления деятельности очень близки, так как они подчинены одному ведомственному проекту «Цифровое сельское хозяйство» [2].

В ближайшем временном периоде в Ростовской области планируется создание «Донского инновационного агротехнопарка» соглашение на данный проект было подписано на международной выставке «Иннопром-2023» 11 ноября 2023 г. Реализация данного проекта оценивается в 2,5 млрд. руб.

Отметим, что проекты, направленные на цифровую трансформацию предприятий АПК, возможно планировать лишь только в краткосрочной перспективе и при условии очевидного экономического эффекта (повышение эффективности и оптимизация процессов).

Агропромышленный комплекс Российской Федерации реализует инвестиционно-инновационные проекты в краткосрочной перспективе до 2030 г. согласно трендам, которые также формируются на основании санкционного давления, тем самым порождая новые точки роста и возможности для отечественного производства [6-9]:

1. Импортозамещение в областях семеноводства и производства сельскохозяйственной техники.

2. Нарращивание мощностей для хранения урожая (альтернативные технологии хранения).

Тем не менее, на сегодняшний день имеют место ряд барьеров, которые снижают темпы инвестиционной и инновационной деятельности.

Первый барьер – административный. Он связан с проблемами нормативно-правового характера, которые формулируются следующим образом:

законодательство в подотраслях сельского хозяйства несовершенно: недостаточно проработанное, однако находится в активной динамике, происходят изменения под современные реалии, устраняются устаревшие части и противоречия;

отсутствует нормативная база для развития ряда новых направлений (например, агробиотехнологии);

имеются ограничения законодательных норм, регламентирующие использование

воздушного пространства (популяризация БПЛА и дронов);
отмечается высокая степень контрольно-надзорной нагрузки;
отсутствует международная кооперация в процессе сертификации и лицензировании;

существуют проблемы судебной практики в сфере патентного права;
процесс регистрации нововведений является трудоемким.

Второй барьер – недостаточный уровень развития взаимоотношений аграрного бизнеса с наукой – связан с такими факторами как:

низкая степень оснащенности научных учреждений;

кадровый голод;

низкая степень популярности аграрных профессий;

сокращение научного потенциала (снижение количества исследователей, высокий процент возрастных научных кадров);

несбалансированные взаимоотношения: бизнес часто испытывает трудности в формулировании понятных научно-технических заданий, в то время как наука представляет свои разработки на языке, который не всегда доступен и понятен для представителей бизнеса.

Третий барьер – трудности в поисках новых источников финансирования инноваций: существующие меры поддержки не направлены прорывные инновационные решения.

Четвертый барьер – международное санкционное давление, о котором не раз упоминалось выше.

Пятый барьер носит психологический характер и, пожалуй, достаточно банален – консерватизм фермеров.

Росстат [5] представил информацию о барьерах роста инновационности сельскохозяйственных предприятий (421 ед.), которые уже внедряют новейшие технологии, из которых значительное влияние оказывают:

1. Затраты на внедрение новейших технологий (127 ед.).
2. Высокая вероятность возможных убытков (127 ед.).
3. Риски стихийных бедствий и эпидемий (117 ед.).
4. Недостаток финансовой поддержки со стороны государства (115 ед.).
5. Возможные риски нарушения постоянства заданного качества (109 ед.).
6. Недостаток собственных денежных средств (103 ед.).
7. Значительная конкуренция на рынке (104 ед.).

Однако, ряд организаций считают, что из перечня, представленного выше, некоторые барьеры оказывают не значительное влияние, а являются основным/решающим фактором роста инновационности сельскохозяйственных организаций:

1. Высокая стоимость инновационных проектов (54 ед.).
2. Отсутствие финансовых ресурсов (51 ед.).
3. Природно-климатические, биологические факторы, препятствующие развитию сельского хозяйства (41 ед.).

Выводы. Для преодоления барьеров роста инновационности сельского хозяйства государству необходимо направлять меры поддержки параллельно по двум векторам: преодоление барьеров конкретных предприятий и отрасли в целом. Государственная поддержка сельского хозяйства Российской Федерации должна быть направлена на достижение восьми целей: обеспечение устойчивой регуляторной среды, создание благоприятной системы налогообложения, кадровое обеспечение и развитие

профессиональных компетенций, снабжение оборотными средствами, стабильный сбыт продукции, доступное кредитование, благоприятная среда.

Перспективы дальнейшего развития темы исследования охватывают широкий спектр вопросов, позволяющих сформировать комплексное представление о текущих тенденциях и перспективах развития сельского хозяйства РФ, а также позволят создать устойчивую и эффективную аграрную систему в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ivanova N.A. Regional innovation development strategy / N.A. Ivanova // Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 6 (131). – С. 490-492.
2. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/> (дата обращения: 05.10.2024).
3. Наука, инновации, технологии в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики России. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 15.09.2024).
4. Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/ministry/departments/departament-ekonomiki-i-gosydarstvennoy-podderzhki-ark/> (дата обращения: 23.09.2024).
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.09.2024).
6. Паспорт Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия с изменениями, утвержденными решением Председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина от 29 декабря 2023 г. № ММ-П11-22247 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/1b6/kl53xwrqkxzembkfiimgvxu32dk7q0z0.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
7. Постановление Правительства РФ от 25.08.2017 N 996 (ред. от 30.09.2023) «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/1e1/qbvh1oqz9rptbwbjxz3qodtfdgn97a14.pdf> (дата обращения: 12.10.2024).
8. Распоряжение от 23 ноября 2023 года №3309-р «Об актуализации стратегического направления в области цифровой трансформации агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/50302/> (дата обращения: 12.10.2024).
9. Распоряжение от 23 ноября 2023 года №3309-р «Об актуализации стратегического направления в области цифровой трансформации агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/50302/> (дата обращения: 01.10.2024).
10. Рейтинг инновационности регионов Российской Федерации в агропромышленном комплексе (АПК) [Электронный ресурс] // Официальный сайт РСХБ в цифре. URL: <https://rshbdigital.ru/agrobit/trands/rejting-innovacziionnosti> (дата обращения: 05.09.2024).
11. Сельское хозяйство в России 2023 [Электронный ресурс] / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – М., 2022. – 55 с. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/46c/3gb0awoe1q4k2amabk3g36tzi9rwfvmf.pdf> (дата обращения: 10.09.2024).
12. Сельское хозяйство в России. 2023: Стат.сб. / Росстат. – М., 2023. – 103 с. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Sel_xoz-vo_2023.pdf (дата обращения: 10.09.2024).
13. Уточненный отчет о ходе реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717, за 2023 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/099/cwxo8776i2atmw5jm08gy8llngoeznzo.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).

14. Официальный сайт Федеральное государственное бюджетное учреждение «Центр Агроаналитики». Краснодарский филиал. [Электронный ресурс]. URL: <https://specagro.ru/partners> (дата обращения: 28.09.2024).

Поступила в редакцию 15.10.2024 г.

ANALYSIS OF TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF INVESTMENT AND INNOVATION ACTIVITIES OF AGRICULTURAL ENTERPRISES OF THE KRASNODAR TERRITORY AND THE ROSTOV REGION

E. N. Strelina, N. D. Talah

This article is devoted to the analysis of trends in the development of investment and innovation activities of agricultural enterprises of the Krasnodar Territory and the Rostov region. In the course of the study, the places of these regions in the rating of innovation of the regions of the Russian Federation were determined. The structure of average innovation costs of agricultural enterprises by type of innovation activity for the period 2019-2022 is presented. During the same period, changes in the volume of innovative goods in the Krasnodar Territory and the Rostov Region and their shares in the structure of the total volume of innovative goods of agricultural enterprises were revealed. Based on the analysis, the barriers that reduce the pace of investment and innovation activities of agricultural enterprises have been identified. The barriers that reduce the pace of investment and innovation activity and the barriers that are the main factors in the growth of innovation of agricultural enterprises are selected, conclusions are drawn about methods of overcoming the obstacles.

Keywords: analysis; trends; barriers to development; rating; innovativeness of regions; investment and innovation activities; agriculture; agricultural enterprises; support measures; industry.

Стрелина Елена Николаевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предприятия
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет, г. Донецк
o.strelina@donnu.ru
+7-949-353-02-15
ORCID 0009-0002-8391-4459

Талах Наталия Дмитриевна

аспирант кафедры экономики предприятия
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк
talah.natalia@yandex.ru
+7-949-313-76-02
ORCID 0009-0007-8006-1434

Strelina Elena

Candidate of Economics, Associate Professor
Donetsk State University, city Donetsk

Talah Natalia

Postgraduate student of the Department of Enterprise Economics
Donetsk State University, city Donetsk

УДК 004.8+330.342

DOI 10.5281/zenodo.14236642

ЦЕЛИ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЭКОНОМИКЕ КИТАЯ

© 2024. Ц. Су

Проблема исследования связана с необходимостью систематизации и обобщения опыта КНР в развитии искусственного интеллекта, изучения методов и инструментов, используемых Китаем для достижения мирового лидерства в области искусственного интеллекта к 2030 г. Целью исследования является выявление характерных особенностей развития и регулирования искусственного интеллекта в КНР, положительно влияющих на конкурентные позиции Китая в мировой экономике и облегчающие достижение мирового лидерства. В статье выявлены и систематизированы краткосрочные и долгосрочные цели развития искусственного интеллекта в КНР, также обоснованы и охарактеризованы приоритетные направления внедрения решений на основе искусственного интеллекта в экономике КНР. Оценена динамика развития рынка решений на основе искусственного интеллекта в КНР, проанализированы сценарии его развития, выявлены особенности регулирования искусственного интеллекта в Китае. Сделаны рекомендации по адаптации опыта КНР в области развития искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Ключевые слова: Китай; искусственный интеллект; международная конкурентоспособность; технологические центры; промышленные парки; экосистема; инновационная зона; государственная поддержка.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросы, связанные с развитием искусственного интеллекта, привлекают внимание большого количества российских и зарубежных исследователей. Е. В. Соломонов, Г. З. Мансуров, А. В. Минбалеев исследуют проблемы дефиниции искусственного интеллекта [5, 7], [12], Е. А. Маслова, Н. А. Самойловская, Л. В. Путькина, В. Ф. Минаков, О. С. Лобанов, Е. О. Соломатин, С. Г. Камолов, А. А. Варос рассматривают практические аспекты применения решений на основе искусственного интеллекта в России и возможные эффекты их внедрения на основе зарубежной практики [4, 6, 9, 11]. Достаточно полно в российских научных публикациях отражены теоретические и правовые аспекты искусственного интеллекта, отраслевые особенности задействования решений на основе искусственного интеллекта в промышленности, здравоохранении, образовании, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, энергетике, туризме, однако в условиях продолжающегося санкционного давления все большее значение приобретает адаптация зарубежного опыта развития искусственного интеллекта к условиям России.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации на период до 2030 года предусматривает достижение устойчивой конкурентоспособности страны на мировом рынке решений на основе ИИ, для чего принят федеральный проект «Искусственный интеллект», включающий пять блоков инструментов (поддержка разработчиков, образовательные проекты, исследовательский блок, улучшение нормативного регулирования, популяризация и развитие сообщества) [8]. Однако Китай демонстрирует более стремительное развитие индустрии искусственного интеллекта, стремится создать наиболее эффективную экосистему искусственного интеллекта в мире и стать ведущей технологической супердержавой [3]. Задействование китайского опыта позволит Российской Федерации сделать мероприятия федерального проекта «Искусственный интеллект» более

результативными, завоевать более прочные конкурентные позиции на мировом рынке решений на основе искусственного интеллекта.

Выделение нерешенной проблемы. В российской научной литературе сохраняется дефицит научных публикаций, отражающих новейшие достижения Китая в развитии искусственного интеллекта, в связи с чем китайский опыт достаточно медленно внедряется в практику Российской Федерации. В то же время систематизация опыта развития индустрии искусственного интеллекта в КНР, выявление проблем, с которыми сталкивается Китай на пути к мировому лидерству в области ИИ-разработок, необходимо для выработки рекомендаций по совершенствованию развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, что, в свою очередь, является залогом успешной цифровой трансформации российской экономики и повышения ее конкурентоспособности. Существует необходимость исследования новейших тенденций и результатов реализации в КНР программных документов, направленных на развитие индустрии искусственного интеллекта.

Цель исследования: выявить особенности развития индустрии искусственного интеллекта в КНР, оценить достигнутые результаты в достижении мирового технологического лидерства Китаем и разработать комплекс рекомендаций по развитию искусственного интеллекта в Российской Федерации на основе китайского опыта.

Постановка проблемы. В настоящее время развитие искусственного интеллекта становится все более значимой составляющей для обеспечения достижения долгосрочных целей социально-экономического развития, стоящих перед Китаем. В течение последнего десятилетия Китай создал условия для ускорения развития цифровой экономики на основе искусственного интеллекта, одновременно усилив свое влияние на эволюцию индустрии искусственного интеллекта в мировой экономике [22]. Однако вплоть до 2015 г., когда начала формироваться целостная политика Китая в области регулирования искусственного интеллекта, потенциал использования решений на основе ИИ в различных отраслях экономики КНР оставался недооцененным. США сохраняли устойчивое лидерство в области внедрения искусственного интеллекта за счет развитой инфраструктуры НИОКР, эффективного сектора высоких технологий, благоприятной для цифровых инноваций среды, привлечения иностранных талантов [25]. Принятие же стратегии «Сделано в Китае 2025» позволило заложить основы для формирования современной конкурентоспособной индустрии искусственного интеллекта в стране. Сектор инновационных цифровых технологий рассматривается как один из десяти ключевых секторов, делающих возможным выход Китая на траекторию устойчивого развития на инновационной основе, а искусственный интеллект, в свою очередь, выступает одной из движущих сил для автоматизации производства [24]. Стратегия содержит мероприятия, связанные с созданием и налаживанием производства интеллектуального производственного оборудования, задействованием искусственного интеллекта во всех производственных процессах, стандартизацией цифровой трансформацией промышленности Китая на основе решений, задействующих искусственный интеллект.

Актуальность исследования. Стратегия «Сделано в Китае 2025» являлась ответом на аналогичные стратегии, принятые Евросоюзом и США, и была призвана обеспечить поддержание и укрепление международной конкурентоспособности страны. Так, в 2013 г. был принят Robot Plan, содержащий ряд конкретных мер по цифровизации промышленности США, а в 2016 г. началась реализация «Национального стратегического плана исследований и разработок в области

искусственного интеллекта» (улучшение инновационной среды, активизация государственно-частного партнерства в области искусственного интеллекта, помощь в решении социальных проблем, связанных с сокращением рабочих мест под влиянием цифровизации) [29]. Стратегия Евросоюза Future and Emerging Technologies, принятая в 2013 г., включает три составляющие: FET Open (стимулирование совместных исследований на базе новых технологий), FET Proactive (создание базы знаний и опыта применения цифровых технологий), флагманские проекты (исследовательские инициативы, призванные ускорить трансформацию европейской экономики на инновационной основе) [21]. Инициатива «Интернет Плюс», реализация которой также была начата в 2015 г., предусматривает стимулирование цифровых инноваций, поддержку ИТ-стартапов, расширение применения возможностей сети Интернет в традиционных отраслях китайской экономики [1, с. 79]. Также инициатива включает меры, направленные на создание новых цифровых платформ, совершенствование инновационной инфраструктуры, устранение «узких мест», препятствующих технологическому развитию отраслей китайской экономики на инновационной основе, подчеркивалась и важность искусственного интеллекта для разработки новых бизнес-моделей [19]. В мае 2016 г. был принят трехлетний план действий КНР в области искусственного интеллекта, согласно которому началось формирование общенациональной экосистемы поддержки ИИ, стимулировалось создание компаний, специализирующихся на решениях в области искусственного интеллекта [2, с. 144]. Однако ключевое значение в определении целей и приоритетных направлений развития искусственного интеллекта в КНР, с нашей точки зрения, играет «План развития искусственного интеллекта нового поколения» (табл. 1).

Таблица 1

Поэтапные цели развития искусственного интеллекта в Китае на период до 2030 г. [13, с. 590]

Период достижения	Цель	Предусмотренные мероприятия	Ожидаемые результаты
К 2020 г.	Синхронизация с мировыми достижениями в области ИИ	Стимулирование фундаментальных исследований, стандартизация процессов цифровой трансформации с применением ИИ, принятие необходимых правовых актов	Масштаб отрасли ИИ достигнет 150 млрд. юаней
К 2025 г.	Создание решений мирового уровня	Встраивание индустрии искусственного интеллекта КНР в мировые цепочки создания стоимости, создание механизмов управления рисками, связанными с ИИ	Китай станет одним из наиболее значимых участников мировой ИИ-индустрии
К 2030 г.	Достижение мирового лидерства в инновационных разработках на основе ИИ	Широкомасштабное использование решений на основе искусственного интеллекта, привлечение зарубежных специалистов в области искусственного интеллекта	Масштаб отрасли ИИ достигнет 1 трлн. юаней, смежных отраслей – 10 трлн. юаней

Цели, связанные с расширением применения искусственного интеллекта в экономике КНР, нашли отражение также в пятилетнем плане на период до 2025 г.: доля цифровой экономики в ВВП КНР вырастет до 10 % против 7,8 % в 2020 г. за счет более активного задействования больших данных, облачных вычислений, искусственного интеллекта, технологий виртуальной и дополненной реальности, блокчейн [26]. Для укрепления своих конкурентных позиций в мировой индустрии искусственного интеллекта Китай последовательно наращивает масштабы финансовой и нефинансовой

поддержки, в т.ч. на региональном уровне. Создаются специальные фонды государственного управления, которые привлекают государственный и частный капитал для финансирования высокорисковых проектов, соответствующих приоритетным направлениям развития КНР. По данным за 2000-2023 гг. в китайские компании, осуществляющие деятельность в сфере искусственного интеллекта, только венчурными фондами, контролируемые правительством, вложено свыше 180 млрд. долл. США, что оказало положительное влияние на стимулирование цифровой трансформации менее развитых провинций КНР (деятельность частных венчурных фондов, финансирующих проекты в сфере искусственного интеллекта, сконцентрирована преимущественно в восточных провинциях). В то же время венчурные фонды, контролируемые правительством КНР, достаточно равномерно распределены по территории страны, что позволяет им поддерживать перспективные стартапы и компании, не привлекающие интереса частных инвесторов. Также, в отличие от частных венчурных фондов, венчурные фонды, находящиеся под контролем правительства КНР, менее требовательны к показателям эффективности проектов в области искусственного интеллекта, однако такие проекты во многих случаях демонстрируют существенно более высокие темпы роста. Инвестирование средств венчурными фондами, контролируемые правительством КНР, часто рассматривается частными инвесторами как позитивный сигнал, что стимулирует приток частных инвестиций в индустрию искусственного интеллекта [25].

Важную роль играет инфраструктура поддержки индустрии искусственного интеллекта в КНР. Так, например, в Пекине действуют специализированные промышленные парки, включающие как исследовательские институты, так и высокотехнологичные компании, стартапы. В экосистеме, созданной Университетом Цинхуа, были созданы и успешно развиваются наиболее известные китайские ИИ-стартапы Zhipu AI, Baichuan AI, Moonshot AI, MiniMax. Стартап Zhipu AI смог привлечь 410 млн. долл. США, а его рыночная стоимость превышает 3 млрд. долл. США, что позволило компании также осуществлять перекрестное инвестирование (инвестировать в другие стартапы, возникшие в экосистеме университета Цинхуа). Китайские стартапы убедительно продемонстрировали свои возможности в создании уникальных ИИ-моделей, способных конкурировать с разработками ведущих высокотехнологичных корпораций Alibaba, Baidu, Tencent. По результатам исследования, проведенного в 2024 г., китайские компании характеризуются наивысшим уровнем применения генеративного искусственного интеллекта в бизнесе (83 %), при этом в США генеративный ИИ применяют 65 % компаний, а среднее значение составляет 54 % [16]. Спрос на решения, основанные на технологии искусственного интеллекта, стимулируется с помощью различных субсидий и ваучеров, при этом задействование искусственного интеллекта рассматривается китайскими предпринимателями как обязательное условие, необходимое для сохранения своей конкурентоспособности на целевых рынках. При этом востребованы как универсальные разработки на основе ИИ, так и узкие специализированные решения, приобретаемые компаниями для улучшения взаимодействия с клиентами, стимулирования их покупательской активности. Все более широко востребованными решения на основе искусственного интеллекта становятся в сфере здравоохранения: медицинская визуализация, электронная медицинская документация, медицинские роботы, виртуальные помощники. Например, стартап Airdoc успешно развивает систему, способную выявлять признаки хронических заболеваний на основе анализа изображения сетчатки глаза, что позволяет уменьшить нагрузку на медицинских

работников [10, с. 342]. В мае 2024 г. был представлен потенциальным заказчикам проект ИИ-больницы, созданный в Университете Цинхуа, который позволит студентам-медикам приобрести практические навыки лечения виртуальных больных, осуществлять моделирование результатов применения различных планов лечения, задействовать возможности обширной базы знаний для сценарного прогнозирования (например, для контроля распространения инфекционных заболеваний в конкретной провинции КНР) [20]. Среднегодовой темп прироста в сегменте решений на основе искусственного интеллекта в области здравоохранения в КНР оценивается в 46,7 %, что обусловлено быстро растущим спросом на цифровые разработки китайских стартапов и крупных компаний, поддержкой правительства, рассматривающего цифровую трансформацию здравоохранения как один из стратегических приоритетов его развития, а также наличие эффективной экосистемы, позволяющей поддерживать и развивать инновационные решения на основе ИИ. Если в 2022 г. объем продаж в сегменте решений на основе ИИ в здравоохранении составил 0,55 млрд. долл. США, то в 2030 г., как ожидается, превысит 11 млрд. долл. США [17]. Остаются высокими и темпы роста китайской индустрии искусственного интеллекта в целом, о чем свидетельствуют данные рисунка 1.

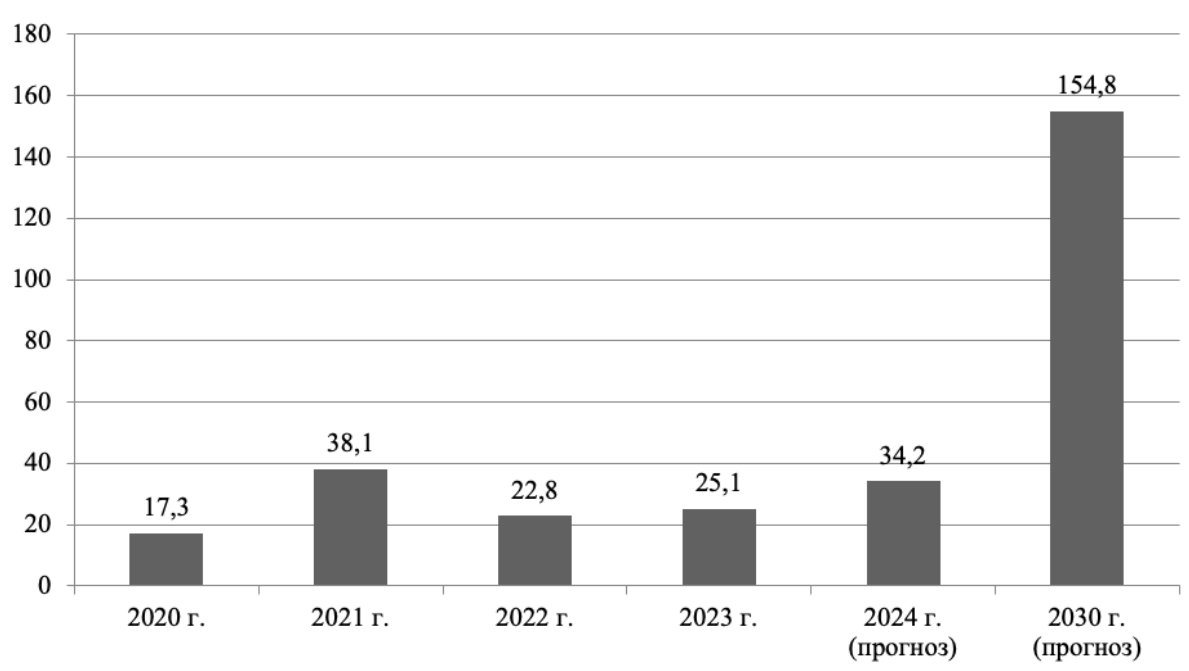

Рис. 1. Объем рынка решений на основе искусственного интеллекта в КНР, млрд. долл. США [14]

Как видно из данных рисунка 1, в 2024 г. объем рынка решений на основе ИИ в КНР достигнет 34,2 млрд. долл. США, при этом китайский рынок станет вторым по величине в мире (в США, как ожидается, объем рынка ИИ в 2024 г. достигнет 50,2 млрд. долл. США). Однако в 2024-2030 гг. Китай сможет поддерживать достаточно высокие темпы роста индустрии искусственного интеллекта (28,6 % в год), опережающими темпами развиваются разработки в области машинного обучения и генеративного ИИ. Усиливается доминирование Китая в исследованиях, связанных с искусственным интеллектом: по данным Австралийского института стратегической политики (ASPI) на долю КНР приходится 33,2 % высокоцитируемых научных

публикаций по рассматриваемой тематике, в то время как на долю США – только 14,4 %, на третьем месте находится Индия (5,4 %) [18].

Следует отметить и достигнутые Китаем результаты в области патентования инновационных решений на основе ИИ: так, по данным на конец 2022 г. Китай зарегистрировал 35,3 тыс. патентов, США – только 12,1 тыс. Лидерство КНР в разработке инновационных решений на основе искусственного интеллекта, что находит выражение в быстром увеличении количества патентов, связано в т.ч. со значительным объемом данных, накопленных в стране и доступных исследователям, также существенное влияние оказывают различия в правилах патентования: в Евросоюзе и США сложнее зарегистрировать инновационное решение, чем в Китае, в результате чего китайские университеты и научно-исследовательские учреждения заняли лидирующие позиции по патентной активности среди академических учреждений мира [28]. Однако по данным за 2023 г. научно-исследовательские институты, расположенные в США, создали 61 новую модель ИИ, европейские институты – 21 модель, а китайские – соответственно только 15, несмотря на лидерство КНР в количестве подаваемых патентных заявок и зарегистрированных патентов. Китай по-прежнему значительно отстает от США в привлечении частных инвестиций в индустрию искусственного интеллекта: если в 2023 г. в США частные инвестиции составили 67,2 млрд. долл. США, то в КНР – 7,76 млрд. долл. США, чего объективно недостаточно для достижения мирового лидерства. По количеству зарегистрированных патентов в области искусственного интеллекта в расчете на 100 тыс. жителей Китай находится только на пятом месте (рисунок 2).

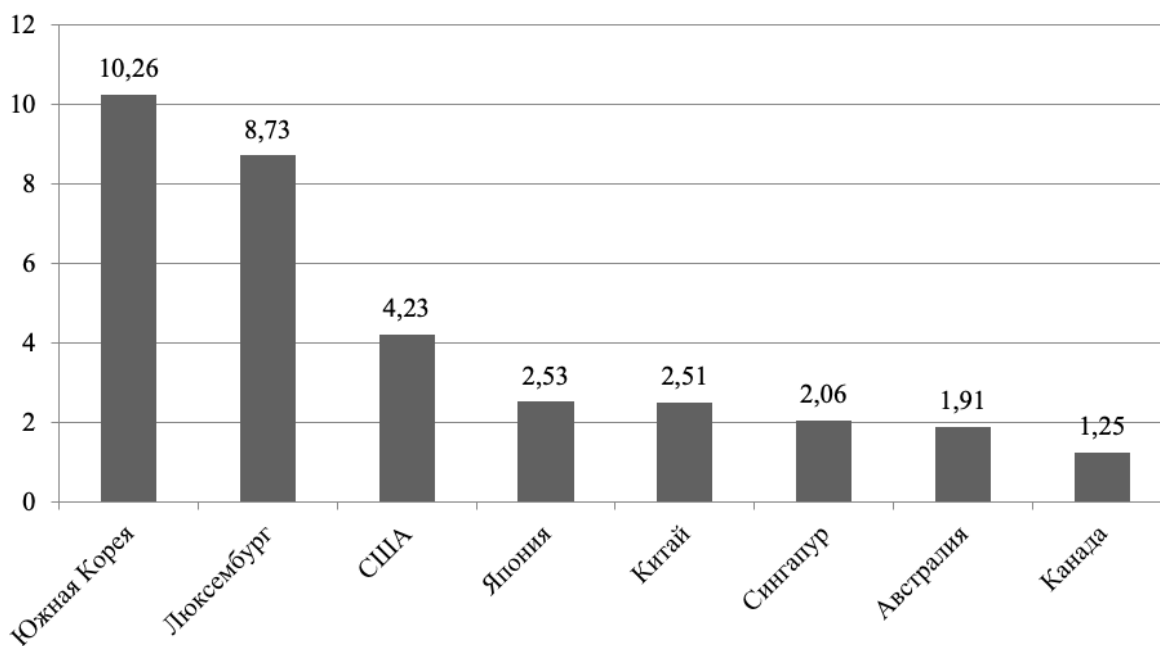

Рис. 2. Патентная активность в области искусственного интеллекта в 2022 г., зарегистрировано патентов на 100 тыс. жителей [15]

Как видно из рисунка 2, наиболее высокой патентной активности в области искусственного интеллекта характеризуется Южная Корея (10,26 патента на 100 тыс. жителей), также значимых результатов достигли Япония, Австралия и Канада. Сохраняется устойчивое лидерство США в создании фундаментальных моделей

искусственного интеллекта: за 2019-2023 гг. в США создано 109 таких моделей, в то время как в Китае – 30. За период 2013-2023 гг. в США было создано 5,5 тыс. новых компаний, специализирующихся на разработках в области искусственного интеллекта, в Китае – менее 1,5 тыс. компаний, в Великобритании – 727 компаний соответственно. Следует признать лидерство Китая во внедрении промышленных роботов: по итогам 2022 г. их количество превысило 290 тыс., что более чем в семь раз превышает показатели США (39,5 тыс. промышленных роботов, использующих искусственный интеллект). В Китае действует свыше 200 производителей «умных роботов», более 100 из которых – стартапы [15], что позволяет предлагать китайским и зарубежным потребителям инновационные высокоэффективные продукты.

Следует отметить, что китайская индустрия искусственного интеллекта преимущественно сконцентрирована в Пекине, Шанхае, Шэньчжэне, однако постепенно наращивается активность разработчиков и в других провинциях КНР. Так, например, в Шанхае созданы и действуют профильные парки искусственного интеллекта, где базируются ведущие высокотехнологичные компании КНР (Alibaba, Huawei, Tencent), пользуется популярностью экспериментальная зона инноваций Minhang Maqiao, где осуществляется тестирование инноваций в области интеллектуального транспорта, робототехники. В Шэньчжэне, в свою очередь, действует три крупных кластера, специализирующихся на разработках в области искусственного интеллекта. Успех Китая в развитии индустрии искусственного интеллекта может быть объяснен действием следующих факторов:

1) масштабная и эффективная политика продвижения искусственного интеллекта при относительно лояльных ограничениях на использование данных в исследованиях;

2) высокая емкость внутреннего рынка Китая, что генерирует значительный платежеспособный спрос на решения, основанные на использовании искусственного интеллекта;

3) наличие развитой цифровой инфраструктуры, готовность различных отраслей экономики КНР к широкомасштабному внедрению решений на основе ИИ [23].

Полученные результаты не позволяют однозначно оценить возможность достижения поставленных Китаем целей в части мирового лидерства. Целесообразно сформулировать два сценария развития событий:

а) оптимистичный сценарий, при реализации которого Китай сможет преодолеть свои слабые стороны, связанные с недостаточным качеством патентов, меньшим количеством создаваемых моделей искусственного интеллекта, и обеспечить широкомасштабное применение решений на основе ИИ собственной разработки во всех отраслях экономики;

б) пессимистичный сценарий, при реализации которого Китай сможет совершить существенный рывок в развитии индустрии искусственного интеллекта и задействовать его потенциал для увеличения вклада в ВВП (к 2030 г., по расчетам экспертов портала Statista, прирост ВВП КНР за счет использования ИИ составит 6,47 %) [14]. Однако лидерство в мировой индустрии искусственного интеллекта сохранят США, также усилят свои конкурентные позиции другие участники (Евросоюз, Сингапур, Австралия, Великобритания, Япония).

Анализ китайского опыта развития индустрии искусственного интеллекта позволяет также сформулировать ряд рекомендаций, актуальных для Российской Федерации:

1) создание промышленных парков, специализирующихся на разработках в области искусственного интеллекта, способно в существенной степени активизировать

развитие индустрии и способствовать становлению ИТ-стартапов;

2) значительным потенциалом для развития индустрии искусственного интеллекта обладают также экосистемы, формируемые вокруг университетов с мощной научно-исследовательской базой. Пример Университета Циндао, в экосистеме которого были созданы стартапы, ставшие впоследствии «единорогами», свидетельствует и о возможности перекрестного финансирования успешными стартапами новых студенческих ИТ-проектов;

3) целесообразно рассмотреть возможность создания специализированных венчурных фондов, инвестирующих в проекты в области искусственного интеллекта в регионах России, испытывающих сложности в поддержании высоких темпов цифровизации.

Китайский опыт убедительно свидетельствует о возможности достижения значимых результатов в развитии индустрии искусственного интеллекта за сравнительно короткий период времени в условиях достаточно жестких ограничений, что особенно актуально для России. Ускорение цифровой трансформации российской экономики на основе решений в области искусственного интеллекта будет способствовать росту ее гибкости, адаптивности, устойчивости к внешним шокам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бисултанова А.А. Китайский опыт цифровой трансформации экономики / А.А. Бисултанова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 6-1. – С. 78–81.
2. Выходец Р.С. Стратегия Китая в области искусственного интеллекта / Р.С. Выходец // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 140–147.
3. Дятлов С.А., Чжоу Вейди. Институты развития экосистем искусственного интеллекта в России и Китае // Известия Санкт-Петербургского экономического университета. – 2023. – № 1. – С. 19–24.
4. Камолов С.Г., Варос А.А., Крибиц А., Алашкевич М.Ю. Доминанты национальных стратегий развития искусственного интеллекта в России, Германии и США // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 2. – С. 85–105.
5. Мансуров Г.З. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11. – С. 286–287.
6. Маслова Е.А., Самойловская Н.А., Сорокова Е.Д., Чеков А.Д. Регулирование искусственного интеллекта в России: эклектика подходов и акторов // Сравнительная политика. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 65–84.
7. Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2022. – Т. 32. – Вып. 6. – С. 1094–1099.
8. Национальная стратегия / Искусственный интеллект Российской Федерации. - URL: ai.gov.ru/national-strategy.
9. Путькина Л.В., Минаков В.Ф., Лобанов О.С. Использование технологий искусственного интеллекта на предприятиях в России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 3, ч. 2. – С. 73–76.
10. Решетникова М.С., Пугачева И.А., Лукина Ю.Д. Тенденции развития технологий искусственного интеллекта в КНР // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 333–350.
11. Соломатин Е.О. Понятие и классификация искусственного интеллекта по праву Европейского союза и России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 4. – С. 224–229.
12. Соломонов Е.В. Понятие и признаки искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2023. – Т. 20. – № 4. – С. 57–65.
13. Струкова П.Э. Искусственный интеллект в Китае: современное состояние отрасли и тенденции развития / П.Э. Струкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2020. – Т. 12. – Вып. 4. – С. 588–606.
14. Artificial Intelligence – China / Statista. - URL: [statista.com/outlook/tmo/artificial-intello](https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intello).
15. Artificial Intelligence Index Report 2024 / Stanford University. URL: aiindex.stanford.edu/wp-

content/uploads/2024/05/HAI_AI-Index-Report-2024.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

16. Baptista E. China leads the world in adoption of generative AI, survey shows / Reuters. - URL: reuters.com/technology/artificial-intelligence/china-leads-world-adoption-generative-ai-survey-shows-2024-07-09 (дата обращения: 08.10.2024).

17. China Artificial Intelligence (AI) in Healthcare Market Analysis / Insights10. - URL: insights10.com/report/china-artificial-intelligence-ai-in-healthcare-market-analysis (дата обращения: 12.10.2024).

18. China dominates AI and advanced analytics research / ComputerWeekly. - URL: computerweekly.com/news/366609796/China-dominates-AI-and-advanced-analytics-research (дата обращения: 10.10.2024).

19. China unveils Internet Plus action plan to fuel growth / The State Council of the People's Republic of China. URL: www.gov.cn/policies/latest_releases/2015/07/04/content_281475140165588.html (дата обращения: 06.10.2024).

20. China's first AI hospital town debuts / Global Times. - URL: globaltimes.cn/page/202405/1313235.shtml (дата обращения: 11.10.2024).

21. Future and Emerging Technologies (FET) / Horizon 2020. URL: sfc.lnl.infn.it/future-and-emerging-technologies-fet (дата обращения: 08.10.2024).

22. Kai S., Xiaoxiao T., Ting W., Fangning Z. The next frontier for AI in China could add \$600 billion to its economy / McKinsey. URL: mckinsey.com/capabilities/quantumblack/our-insights/the-next-frontier-for-ai-in-china-could-add-600-billion-to-its-economy (дата обращения: 11.10.2024).

23. Li D., Tong T., Xiao Y. Is China Emerging as the Global Leader in AI? / Harvard Business Review. - URL: hbr.org/2021/02/is-china-emerging-as-the-global-leader-in-ai (дата обращения: 11.10.2024).

24. Made in China 2025 / State Council. May 8, 2015. - URL: cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0432_made_in_china_2025_EN.pdf (дата обращения: 09.10.2024).

25. Omaar H. How Innovative Is China in AI? / ITIF. - URL: itif.org/publications/2024/08/26/how-innovative-is-china-in-ai (дата обращения: 06.10.2024).

26. The outline of the 14th five-year plan for economic and social development and long-range objectives through the year 2035 of the People's Republic of China / National Development and Reform Commission. - URL: en.ndrc.gov.cn/policies/202203/P020220315511326748336.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

27. Tianyi X. Exploring China's Leading AI Hubs: A Regional Analysis / China Briefing. - URL: china-briefing.com/news/exploring-chinas-leading-ai-hubs-a-regional-analysis (дата обращения: 07.10.2024).

28. WIPO Technology Trends 2019. Artificial Intelligence / WIPO. - URL: wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_1055.pdf (дата обращения: 08.10.2024).

29. Unravelling the US AI Strategy: A Comprehensive Analysis / CESCUBE. URL: cescube.com/vp-unravelling-the-us-ai-strategy-a-comprehensive-analysis (дата обращения: 08.10.2024).

Поступила в редакцию 10.10.2024 г.

GOALS, RESULTS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CHINESE ECONOMY

Q. Su

The problem of the research is connected with the need to systematize and generalize the experience of the PRC in the development of artificial intelligence, also is important studying the methods and tools used by China to achieve world leadership in the field of artificial intelligence by 2030. The purpose of the study is identifying the characteristic features of the development and regulation of artificial intelligence in the PRC that have a positive effect on China's competitive position in the global economy and facilitate the achievement of world leadership. The authors identifies and systematizes short-term and long-term goals for the development of artificial intelligence in the PRC, and also substantiates and characterizes the priority areas for the implementation of solutions based on artificial intelligence in the economy of the PRC. Are also assessed the dynamics of the development of the market for solutions based on artificial intelligence in the PRC, were analyzed scenarios for its development. Have been identified main features of the regulation of artificial intelligence in China, also are made for adapting the experience of the PRC in the field of artificial intelligence development in the Russian Federation.

Key words: China; artificial intelligence; international competitiveness; technology centers; industrial parks; ecosystem; innovation zone; government support.

Су Цян

аспирант кафедры международных экономических отношений

Белорусский государственный университет, г. Минск

johnsy95@163.com

+375-25-541-87-53

ORCID 0000-0002-2888-7155

Su Qiang

PhD student of the Department of International Economic Relations,

Belarusian State University, Minsk

УДК 338.45:330.341:330.322+330.4
DOI 10.5281/zenodo.14284302

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ОТРАСЛИ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТАНКОСТРОЕНИЯ И
ИНСТРУМЕНТАЛОИНДУСТРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

© 2024. М. Ю. Терентьева

В статье исследуются проблемы обеспечения инвестиционной деятельности и реализации инновационной политики относительно экономики индустриальных отраслей высоких технологий. Анализируются прикладные аспекты функционирования станкоинструментальной отрасли, рассматриваемой в качестве индустриально-технологического драйвера экономики России. На основе индексного оценивания и корреляционно-регрессионного прогнозирования уровню продуктивности реализации инновационных проектов в станкостроении и инструменталоиндустрии присвоена средняя категория. Предложены мероприятия по выходу на более высокие рубежи концентрации инновационных производств в отрасли.

Ключевые слова: инвестиции; промышленность; инновации; развитие; анализ; экономика; станкоинструментальная отрасль; эффективность; высокие технологии.

Постановка проблемы. Решение основных задач импортозамещения в национальном хозяйстве Российской Федерации требует обеспечения госконтроля воспроизводства промышленных технологий критического характера и сквозного назначения. Путь обретения экономикой России индустриально-технологического суверенитета сложен в силу отстаивания интересов государства на международной арене и неизбежной борьбы с геополитическими противниками.

Актуальность темы исследования. Для обеспечения экономической безопасности линии разработки жизненно важных индустриальных технологий должны располагаться внутри страны. Реализация инновационных проектов в высокотехнологичных отраслях промышленности возможна при установлении и поддержании паритетных отношений на мировой рынке, достижении индустриально-технологического лидерства посредством активизации инвестирования научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, постановке на широкую коммерческую основу нововнедренческих разработок, что дополнительно актуализирует поднятую проблематику статьи.

Анализ последних исследований и публикаций. Оценке эффективности, механизмам инвестиционной деятельности и реализации инновационной политики в контексте развития экономики высокотехнологичных отраслей индустрии посвящены ряд работ российских и зарубежных учёных.

Как отмечают Р. М. Валиев и М. Н. Рязанов [1], создание и массовое тиражирование хай-тек технологий в отечественной промышленности опираются на современные модели прогнозирования протекающих процессов и механизмы коммерциализации нововнедрений по отношению к профильным секторам экономики. Процедуры формирования перечня промышленных технологий критического характера и сквозного назначения регламентируются нормативно-правовой базой федерального уровня с участием академических НИИ, технических ВУЗов, объединений предпринимателей и др. заинтересованных сторон обеспечения инвестиционно-

инновационной привлекательности экономических проектов, что подчёркнуто А. В. Гончаровым [2].

В исследовании О. О. Смирновой [3], посвящённом поиску комплексных моделей регионального управления, систематизированы институты инвестирования (грантового, венчурного, прямого, заёмного и др.), которые через Инновационный центр «Сколково», Фонд инфраструктурных и образовательных программ, Фонд содействия инновациям, Агентство по технологическому развитию, ВЭБ.РФ и др. структуры финансово стимулируют хозяйствующие субъекты отраслевой экономики, а также компании с различными организационными формами внедрения современного промышленного хай-тека.

Инструменты поддержки, в которых, по мнению С. А. Маковецкого, Р. Н. Лепы и В. В. Трубочанина [4], крайне нуждается промышленность Донецкой Народной Республики, обеспечивают формирование госзаказа на научные исследования и опытно-конструкторские разработки по технологиям критического характера и сквозного назначения. Этот инструментарий отвечает за выделение квот инвестирования в секторные инновационные проекты промышленно-технической модернизации, что Л. И. Тараш и Р. А. Голоднюк [5] относят к мерам господдержки, анализируя приоритетные отрасли индустрии новых регионов России.

С. П. Татарова и Е. С. Коротков [6] определяют в качестве одного из результатов применения поддерживающих инструментов интеллектуальную собственность, полученную отечественными специалистами, надлежаще оформленную и зарегистрированную государством. В свою очередь Н. В. Шемякина и И. Е. Бечвая [7] ставят эффективность инновационного инструментария в зависимость от наличия массовых изобретений, баз данных рационализаторства, патентов и др. профильных атрибутов узаконенного пользования плодами труда учёных и конструкторов высокотехнологичных изделий индустрии. На отраслевые аспекты поднятых проблем обращают внимание Г. В. Самодуров и Д. В. Лахтюков [8], опираясь на факты и статистические материалы по станкостроению и инструменталоиндустрии Российской Федерации.

Кс. Хуанг (X. Huang) и его соавторы по статье [9] исследуют реальную практику госуправления инвестиционно-инновационным развитием экономики высокотехнологичных отраслей промышленности в Китайской Народной Республике. Утверждённые стратегии развития хай-тек индустрий Правительство Китая обеспечивает планами реализации, разработка которых поручается профильным министерствам, ведомствам и бизнес-кругам, механизмы экономического стимулирования которых критически осмыслены З. Ю (Z. Yu) и др. участниками авторского коллектива [10].

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на значимые итоги исследований [1–10] и др. публикаций, ряд вопросов оценивания эффекта от достигнутых экономических результатов в промышленном секторе страны ждут ответа. Имеется потребность в совершенствовании методов, оценивающих эффективность экономической деятельности высокотехнологичных отраслей индустрии.

Исходя из того, что традиционные подходы к экономическому анализу рассматривают отрасль в качестве совокупности предприятий, выпускающих профильную продукцию, выдвигаемая автором гипотеза заключается в следующем:

- представление обо всей отрасли составляет не только на основе усреднённых по предприятиям производственно-хозяйственным показателям;
- в расчёт также необходимо принимать потенциальные возможности реализации

разных сценариев развития экономики высокотехнологичной отрасли промышленности, не последнюю роль в прогнозировании результатов которых играют математические методы моделирования.

Цель исследования состоит в систематизации научно-методических основ и разработке практических рекомендаций по анализу состояния и оценке эффективности инвестиционно-инновационного развития экономики высокотехнологичных отраслей промышленности с апробацией на показателях отечественного станкостроения и инструменталоиндустрии.

Объектом исследования выступает инвестиционная деятельность и инновационная политика, реализуемые в отношении экономики хай-тек отраслей современной индустрии.

Предметом исследования являются теоретико-методические и практические проблемы анализа состояния и оценки эффективности инвестиционно-инновационного развития экономики высокотехнологичных отраслей промышленности.

Инструменты и методология исследования. Исследовательский инструментарий включает метод эконометрического анализа [9] (для определения степени влияния годовых показателей производства изделий станкоинструментальной промышленности на объём выпуска продукции обрабатывающих производств отраслей индустрии Российской Федерации), метод финансово-экономического анализа [1] (для оценки уровней инновационных потенциалов высокотехнологичных отраслей промышленности), метод абсорбирования факторов и категорий [10] (для формирования подготовительных мероприятий по инвестиционно-инновационному развитию экономики высокотехнологичных отраслей промышленности). Статистическая обработка экономических показателей, математические расчёты, построение графиков, рисунков и диаграмм осуществлено с применением офисного приложения «Microsoft Excel».

Использованные материалы. Нормативно-правовую базу исследования составили Указы Президента России, Федеральные Законы, Постановления и Распоряжения Правительства, Приказы и др. документы министерств и ведомств [11–14]. Информационной основой работы являются сведения открытого доступа Федеральной службы государственной статистики, Ассоциации производителей станкоинструментальной продукции «Станкоинструмент», материалы из научных статей и др. источников [1–10, 15–24], собранные, систематизированные и обработанные автором.

Результаты исследования и их обсуждение. Методы [1, 9, 10], позволяющие судить об эффективности экономической деятельности отрасли индустрии при управлении процессами её инвестиционно-инновационного развития, оперируют расчётами и логическими выкладками. Одними из самых важных показателей при формировании общей оценки являются объёмы произведенных изделий в динамике как минимум за последние пять лет. При необходимости учитывается продукция с существенной добавленной стоимостью.

В качестве объекта апробации аналитических процедур, систематизированных автором, выступила отечественная станкоинструментальная отрасль. Этому требуют стратегические планы государства, утверждённые Правительственным Постановлением [13], которое предусматривает ежегодный рост выпуска станкоинструментальных изделий не ниже 5,7% с общим объёмом производства около 80 млрд. руб., 70% отечественных комплектующих в удельном весе локализации

высоких индустриальных технологий, годовой экспорт станков и инструментов на сумму не менее 16,5 млрд. руб., начиная с 2035 года.

При этом отметим, что особенно трудная ситуация сложилась в потреблении станков гражданскими отраслями экономики. На долю российских производителей в 2019 году их приходилось около 18%. Начавшаяся в 2020 году реализация «Стратегии» [13] увеличила этот показатель примерно до 24% к концу 2023 года. В качестве стратегической цели запланирован рост до уровня 40%, намеченный на 2035 год [14].

Станкостроение и инструментальное производство не первый раз испытывают существенные экономические «провалы». Более радикальная ситуация возникала в 1990-е годы, когда отрасль практически перестала существовать, а предприятия останавливали производственные линии и не планировали совершенствовать выпускаемые станки, машины и инструменты.

Исходя из поставленных стратегических задач [13], оценим в количественном и стоимостном измерениях экономическую деятельность хозяйствующих субъектов по всей произведенной продукции станкостроительной и инструментальной подотраслей Российской Федерации. Соответствующие индексы рассчитаны как отношение численного значения текущего года к предыдущему (табл. 1).

Таблица 1

Величины индексов по объёмам выпуска продукции отечественными подотраслями станкостроения и инструментальной индустрии (оценено автором по данным [8, 18])

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Среднее за период
Индекс количественного объёма произведенных изделий станкостроительной подотрасли	1,19	1,05	0,94	1,20	1,73	1,19	1,216
Индекс количественного объёма произведенных изделий инструментальной подотрасли	0,91	0,96	1,14	1,71	0,82	1,00	1,091
Индекс стоимостного объёма произведенных изделий станкостроительной подотрасли	1,04	1,15	1,06	1,26	1,03	1,57	1,185
Индекс стоимостного объёма произведенных изделий инструментальной подотрасли	1,15	1,20	0,96	1,04	1,60	1,37	1,219

Судя по последнему столбцу табл. 1, станкостроительная подотрасль показала среднегодовой рост количества произведенной продукции в размере 21,6%. У инструментальной подотрасли количественная динамика также устойчиво положительная, но с более низкими среднегодовыми темпами в 9,1%. В стоимостном измерении эти характеристики составили 18,5% и 21,9%, соответственно.

Индексы производства станков всех видов, кузнечно-прессового и пр. оборудования по количеству выпущенных изделий (1,216) и стоимости реализованной продукции (1,185) численно близки друг другу. Индексы производства инструментов в количестве выпуска (1,091) и их стоимости (1,219) различаются сильнее.

Сложившаяся ситуация может быть объяснена тем, что станкостроение в большей мере поддерживается государственными инвестиционными программами, нежели инструментальная подотрасль [13, 14].

Правительственные дотации позволяют производителям станков, кузнечно-прессовых машин и др. профильной продукции сдерживать рост цен для российских потребителей. В свою очередь подорожание инструментов обусловлено увеличением себестоимости производства, инфляционными процессами и необходимостью поддержки уровня рентабельности продаж [12].

Мероприятия по управлению перечисленными рисками в значительной степени касаются кузнечно-прессового производства. Влияния показателей этой сферы деятельности на экономику промышленности достаточно высоко (рис. 1).

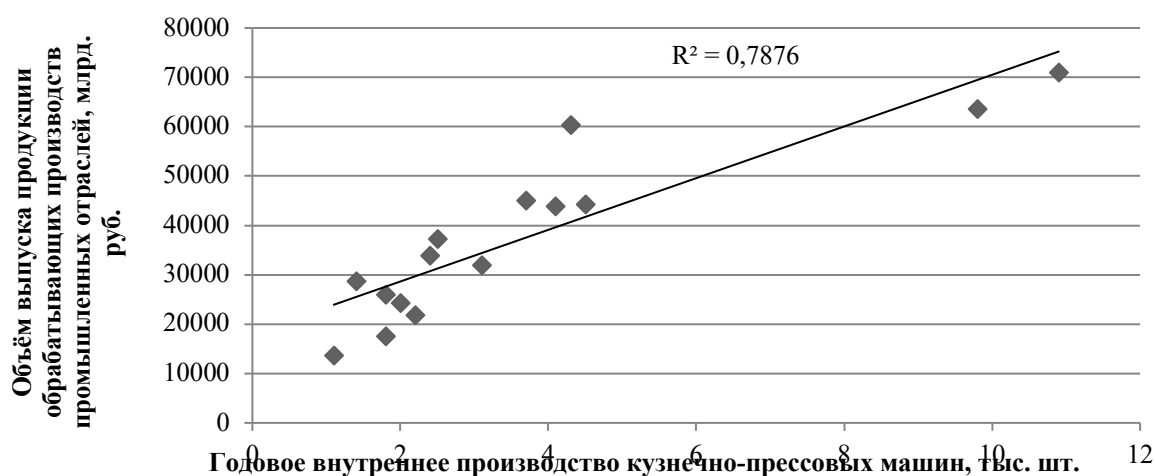

Рис. 1. Корреляция производства кузнечно-прессового оборудования и величины выпуска промышленной продукции за период с 2009 года по 2023 год (сформировано автором по данным [15])

Коэффициент детерминации (рис. 1) означает, что изменения объёма выпуска промышленной продукции в среднем на 78,76% определяются изменением количества произведенных кузнечно-прессовых машин, а оставшиеся 21,24% – др. факторами. При этом имеем уравнение парной регрессии:

$$v = 18173 + 5234 \cdot p. \quad (1)$$

Согласно (1) рост годового производства кузнечно-прессовых машин на 1 тыс. шт. способен в среднем поднять объём выпуска продукции обрабатывающих производств промышленных отраслей экономики России на 5234 млрд. руб.

При этом численность персонала во всей станкоинструментальной отрасли за период с 2017 года по 2023 год выросла с 98,5 тыс. чел. до 105 тыс. чел. Среднее значения индексов использования и движения трудовых ресурсов составили примерно 1,011, т.е. имел место их среднегодовой прирост примерно в 1,1%, что соответствует общим тенденциям рынка занятости в обрабатывающих отраслях промышленности Российской Федерации [20].

Здесь следует обратить внимание не на количество трудоустроенных в станкоинструментальной отрасли, а на уровень их квалификации. В публикуемых

обзорах Г.В. Самодурова и Д.В. Лахтюкова [8] регулярно поднимаются проблемы обеспеченности отрасли кадрами, обусловленные нехваткой людей как таковых. Добавим к этому недостатки в образовательных и профессиональных стандартах ВУЗов, фактическое отсутствие отечественной госсистемы подготовки рабочих и специалистов средних звеньев для станкостроительных и инструментальных производств [23].

Об уровне оплаты труда в отрасли будем судить по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников профильных предприятий и организаций [20]. Во избежание влияния инфляционных процессов расчёты производились в ценах 2016 года, принятого в качестве базового. С 2017 года по 2023 год индекс оплаты труда не опускался ниже единицы, что свидетельствует об опережении уровня инфляции. Усреднённое за период значение индекса составило 1,048, т.е. ежегодный рост реальной заработной платы в отечественной станкоинструментальной отрасли промышленности не превышал 5%.

Выводы и дальнейшая дискуссия. По итогам исследования систематизированы научно-методические основы и предложены практические рекомендации в сфере анализа состояния и оценки эффективности инвестиционно-инновационного развития экономики высокотехнологичных отраслей промышленности с апробацией на показателях отечественного станкостроения и инструментального производства.

При этом **научная новизна** исследуемых проблем состоит в симбиозе методов финансово-экономического анализа, факторно-категориального абсорбирования и вероятностно-регрессионного оценивания. Такая комплексная методика позволяет судить о состоянии инвестиционно-инновационного развития экономики высокотехнологичных отраслей промышленности не только на основе усреднённых по предприятиям производственно-хозяйственным показателям, но и по оценкам потенциала реализации возможных сценариев, что подтвердило непротиворечивость выдвинутой гипотезы.

Наличие кадровых рисков представляет угрозу реализации стратегических планов инвестиционно-инновационного развития экономики высокотехнологичных отраслей промышленности. Нехватка численности сотрудников профильных предприятий может быть компенсирована повышением производительности высокотехнологичного труда за счёт внедрения автоматизации, а также применения современных форм трудовых отношений в виде аутсорсинга, удалённой работы, проектного найма и ряда других. При подготовке руководящего состава научно-технических и инженерных групп разработчиков индустриальных технологий критического характера и сквозного назначения рекомендованы институциональные изменения, расширяющие возможности структурных трансформаций инновационного потенциала отраслевых промышленных компаний.

Анализ показал, что собственных оборотных средств и накопленных инвестиционных ресурсов хозяйствующим субъектам отраслей хай-тек индустрии не хватает. Необходима системная господдержка крупных и средних предприятий этих отраслей промышленности. Помимо высокой степени импортозависимости по ряду комплектующих и материалов, предприятия нуждаются в дотациях на приобретение энергоресурсов в нужных объёмах.

На общем фоне эффективности национальной экономики определён средний уровень продуктивности реализации инновационных проектов в станкоинструментальной отрасли. Выход на более высокие рубежи возможен при устойчивом росте индексов концентрации инновационных производств в отрасли.

Рекомендовано стимулировать увеличение числа ведущих предприятий станкостроения и инструменталоиндустрии с существенной долей в реализации профильной продукции. При этом компании-лидеры должны превосходить остальные хозяйствующие субъекты отрасли не только по объемам производства и реализации продукции, но и по значениям коэффициентов ликвидности, автономии и маневренности собственных средств.

Для последующей **дискуссии** на обсуждение выносятся проект создания Северо-Западного, Приволжского и Уральского региональных технопарков взаимодействия опытно-производственного и научно-конструкторского сегментов станкоинструментальной отрасли. Рекомендуется их сформировать, соответственно, на базе Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Самарского государственного технического университета и Уральского федерального университета. В составе технопарков предполагается участие специализированных НИИ, промышленных предприятий, бизнес-центров, выставочных площадок и вспомогательных структур. Создаваемые технопарки как центры компетенций сыграют роль катализаторов при разработке технологий, обеспечивающих серийность выпуска конкурентоспособной станкоинструментальной продукции предприятиями отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валиев Р.М. Обоснование приоритетных направлений совершенствования механизмов коммерциализации инноваций в современной экономической среде [Текст] / Р.М. Валиев, М.Н. Рязанов // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Том 14. – № 4. – С. 1043-1056. DOI: 10.18334/epp.14.4.120700.
2. Гончаров А.В. Развитие механизма оценки инвестиционной привлекательности инфраструктурно-энергетических проектов в Арктике [Текст] / А.В. Гончаров // Креативная экономика. – 2022. – Том 16. – № 11. – С. 4491-4502. DOI: 10.18334/ce.16.11.116625.
3. Смирнова О.О. Поиск комплексной модели развития Российской Арктики [Текст] / О.О. Смирнова // Экономика и социум: современные модели развития. – 2022. – Том 12. – № 4. – С. 239-250. DOI: 10.18334/ecsoc.12.4.117344.
4. Маковецкий С.А. Оптимизация промышленного производства в Донецкой Народной Республике: ключевые аспекты государственной поддержки [Текст] / С.А. Маковецкий, Р.Н. Лепа, В.В. Трубочанин // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 7 (156). – С. 440-445. DOI: 10.34925/EIP.2023.156.7.073.
5. Тараш Л.И. О мерах государственной поддержки приоритетных отраслей промышленности в Донецкой Народной Республике [Текст] / Л.И. Тараш, Р.А. Голоднюк // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – 2023. – № 1. – С. 160-169. DOI: 10.29025/1994-7720-2023-1-160-169.
6. Татарова С.П. Оценка состояния креативных индустрий и поиск инструментов по совершенствованию их функционирования [Текст] / С.П. Татарова, Е.С. Коротков // Креативная экономика. – 2024. – Том 18. – № 1. – С. 127-144. DOI: 10.18334/ce.18.1.120269.
7. Шемякина Н.В. Совершенствование инструментария оценки эффективности инновационного обеспечения промышленного развития в особых экономических условиях [Текст] / Н.В. Шемякина, И.Е. Бечвая // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 6 (182). – С. 206-213. DOI: 10.24158/tipor.2023.6.26.
8. Самодуров Г.В. Станкоинструментальная отрасль России в 2022 году: цифры и факты [Текст] / Г.В. Самодуров, Д.В. Лахтюхов // Станкоинструмент. – 2023. – № 2 (031). – С. 40-46. DOI: 10.22184/2499-9407.2023.31.2.40.46.
9. Huang X. Determinants of Innovation Ecosystem in Underdeveloped Areas – Take Nanning High-Tech Zone in Western China as an Example [Text] / X. Huang et al. // Journal of Open Innovation Technology Market and Complexity. – 2020. – Vol. 6 (135). – P. 1-15.
10. Yu Z. An evolutionary game analysis on price competition in recycling industry between large and small enterprises of China [Text] / Z. Yu et al. // Waste Management & Research. – 2023. – Vol. 41 (2). – P. 337-349.

11. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542/page/1>. (Дата обращения: 27.10.2024).

12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/147621/>. (Дата обращения: 28.10.2024).

13. Стратегия развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года, утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2020 г. № 2869-р [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства России. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/NyeLKqLhrJrydnGRBm39nHl0hJNOzHzQ.pdf>. (Дата обращения: 29.10.2024).

14. Приказ Минпромторга России от 17.11.2021 № 4526 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года» [Электронный ресурс] / База нормативно-правовых актов Российской Федерации. – Режим доступа: <https://bazanpa.ru/minpromtorg-rossii-prikaz-n4526-ot17112021-h5532177/> (Дата обращения: 29.10.2024).

15. Ежегодные доклады «Социально-экономическое положение России» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>. (Дата обращения: 30.10.2024).

16. Наука, инновации и технологии [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>. (Дата обращения: 30.10.2024).

17. Национальные счета [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>. (Дата обращения: 30.10.2024).

18. Промышленное производство [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial. (Дата обращения: 31.10.2024).

19. Региональная статистика Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики России. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics. (Дата обращения: 22.10.2024).

20. Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries. (Дата обращения: 28.10.2024).

21. Технологическое развитие отраслей экономики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики России. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>. (Дата обращения: 22.10.2024).

22. Эффективность экономики России [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186>. (Дата обращения: 30.10.2024).

23. Итоги деятельности станкоинструментальной отрасли России в 2023 году [Электронный ресурс] // Ассоциация производителей станкоинструментальной продукции «Станкоинструмент». – Режим доступа: <https://stankoinstrument.ru/itogi-1-2023#!/tab/711984043-2>. (Дата обращения: 26.10.2024).

24. Компания Ассоциация «Станкоинструмент» [Электронный ресурс] // Деловая сеть «B2BNET». – Режим доступа: https://bbnt.ru/company/7710306204_assotsiatsiya_stankoinstrument. (Дата обращения: 26.10.2024).

Поступила в редакцию 27.11.2024 г.

**APPLIED ASPECTS OF INVESTMENT AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF
ECONOMY OF HIGH-TECH INDUSTRY (USING EXAMPLE OF MACHINES AND
TOOLS BRANCH OF RUSSIAN FEDERATION)**

M. Yu. Terentyeva

The article examines the problems of ensuring investment activity and implementing innovation policy in relation to the economy of high-tech industrial sectors. The applied aspects of the functioning of the machine-tool industry, considered as an industrial and technological driver of the Russian economy, are analyzed. Based on index assessment and correlation-regression forecasting, the level of productivity of the implementation of innovative projects in machine-tool building and the tool industry is assigned the average category. Measures are proposed to reach higher levels of concentration of innovative production in the industry.

Keywords: investments; industry; innovations; development; analysis; economy; machine-tool branch; efficiency; high technologies.

Терентьева Мария Юлиановна

аспирант

ГБУ «Институт экономических исследований», г. Донецк

terentyeva.mariya@yandex.ru

+7-949-351-94-88

ORCID 0009-0009-2823-2720

Terentyeva Mariya

Postgraduate Student

Economic Research Institute, city Donetsk

УДК 330.341

DOI 10.5281/zenodo.14236687

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2024. М. В. Фомина, В. В. Приходько

В статье проведен теоретический анализ проблемы социально-экономического неравенства и его источников. Научная новизна представленного исследования заключается в попытке исследования неравенства как политэкономической категории, а существенных характеристик этого явления и системы отношений, которые оно олицетворяет, - с позиции политической экономии.

Ключевые слова: неравенство; социально-экономическое неравенство; социальная стратификация; концептуальный подход; бедность.

Постановка проблемы. Исследование сущности и содержания понятия «неравенство» постепенно занимает центральное место в экономических и социологических теориях, хотя сама проблематика была актуальной с момента зарождения экономики как науки. Это связано с, во-первых, усиливающейся поляризацией общества – увеличением разрыва между самыми богатыми и самыми бедными; во-вторых, разительным различием в уровне развития отдельных стран и регионов – «золотой миллиард», «развивающиеся экономики», «станы – изгои»; в-третьих, переходом национального неравенства на глобальный уровень – появляются новые формы неравенства, которые не исследовались ранее, например, технологическое и цифровое; в-четвертых, наложением «классических» форм и типов неравенства на «формирующиеся новые», что требует детального изучения их существенных характеристик и совершенствования методологии их исследования. Несмотря на достаточное количество научных разработок и общественное признание проблемы социально-экономического неравенства в современном мире, единое мнение о его сущности и происхождении, а также о возможных направлениях противодействия его развитию отсутствуют. В качестве примера можно отметить позицию представителей мейнстрима, рассматривающих неравенство как явление вполне нормальное для рыночной экономики, или как стимул для повышения эффективности производства и накопления капитала, причем, по их мнению, борьба с неравенством, в условиях растущей социальной напряженности, может серьезно вредить экономике.

Актуальность исследования. Социально-экономическое неравенство представляет определенный интерес для различных научных направлений и дисциплин, объектом изучения которых является общество и деятельность человека, считаем, что пальма первенства по праву должна быть отдана политической экономии в ее истинно-традиционном понимании, как науке, изучающей социально-экономические отношения людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Научная новизна представленного исследования заключается в попытке исследования неравенства как политэкономической категории, а существенных характеристик этого явления и системы отношений, которые оно олицетворяет, - с позиции политической экономии. С целью аргументации правомерности и возможности принятия такого положения отметим: во-первых, неравенство имеет исторический характер и перманентно развивается, проявляясь все в новых формах, но,

при этом неизменно сопровождает социально-экономическое развитие общества с момента зарождения государственности; во-вторых, в условиях рынка социально-экономическое неравенство формирует в его границах особую подсистему, имеющую свои признаки, характерные черты и закономерности развития; в-третьих, социально-экономическое неравенство, как неотъемлемый атрибут рыночной экономики, может быть всесторонне и глубоко исследовано только на базе политэкономического подхода, в котором основообразующей является взаимосвязь базиса и надстройки, экономики и власти, что позволяет выявить многофакторный и, в определенной мере, объективный характер причин развития этого явления и обосновать способы влияния и противодействия ему; в-четвертых, политэкономический подход позволяет обосновать более конкретное и комплексное содержание определений различных форм и видов неравенства, которые принципиально отличаются от понятий, сориентированных исключительно на социологическую или общественную составляющие, поскольку дает возможность учесть глубинные объективные причины неравенства; в-пятых, при прочих равных условиях, виды и формы неравенства могут формировать определенную систему экономических отношений, существующую в той же реальности, что и признанная. Такой феномен наблюдается в трансформационных экономиках, а раскрыть его можно только с позиции политэкономии; в-шестых, социально-экономическое неравенство синтезирует определенный тип отношений, который формируется на всех социально-экономических уровнях и существенно влияет на воспроизводственные процессы, а это и есть предмет политэкономии.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучению социально-экономического неравенства и отдельных его аспектов посвящены труды многих экономистов и теоретиков начиная с Платона и Аристотеля. Так, проблема социального неравенства населения отражена в работах Н. Макиавелли, А. Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера; общественное неравенство изучали К. Маркс, М. Вебер, П. Бурдьё; социологические концепции неравенства разрабатывали О. Шкаратан, Л. Гордон, М. Рудкевич; глобальное неравенство – Г. Терборн, Д. Стиглиц, Л. Кац.

Цель исследования – обоснование содержания понятия «неравенство» с точки зрения политэкономии, выделение его видов и форм на основе исследования экономических, социологических, глобальных теоретических подходов и концепций.

Результаты исследования. Любое общество можно дифференцировать в зависимости от различных характеристик, признаков и критериев, но какие бы из них не использовались, речь все равно идет о разных видах и формах неравенства. Проблема неравенства выступает одной из центральных тем обсуждения в среде экономистов, потому считаем логичным остановиться на основных экономических теориях и концепции исследования проблемы социально-экономического неравенства и его природы.

Так, Платон пытался установить причины расслоения общества, его деления на бедных и богатых [1, с. 211-217]. Он считал, что государство делится на две части: одна – государство бедных, вторая – государство богатых, причем эти части существуют вместе и противодействуют друг другу. По сути, он первым обратил внимание на классовый характер общества.

Проблематика социального неравенства нашла свое отражение и в трудах Аристотеля [2, с. 345]. В своем труде «Политика» он отмечает, что любое государство состоит из 3 функциональных частей (классов): первая – класс очень богатых; вторая – очень бедных; третья – прослойка между двумя предыдущими или средний класс, который является самым многочисленным и рациональным. Именно эта прослойка

формирует общественное равновесие и гарантирует экономическое развитие государства.

Наиболее четкую характеристику классовому обществу дал К. Маркс. Он первый среди экономических теоретиков выделил противоречие между трудом и капиталом, обосновал, что классовая борьба является источником и движущей силой социально-экономического развития общества. В соответствии с концепцией К. Маркса, само существование классов связано с ролью отдельных индивидов в обществе, а их противодействие объективно, хотя ученый не признавал своего авторства в открытии классового общества [3, с. 787-812].

Одним из классиков экономической теории М. Вебером проведено ряд исследований, касающихся неравенства, его сущности, формам, общественным функциям. Идея Вебера основана на том, что человек является отражением социального бытия (социализированный индивид), т.е. кроме экономической, существует социальная дифференциация, другими словами, кроме владения собственностью и материальными благами, фактором иерархии является положение в обществе (власть, культурная и научная элита) [4, с. 130-153]. Если экономические факторы делят общество на классы, то социальные – на статусные группировки и партии. Все они, по мнению ученого, категории, которые определяют распределение власти в обществе.

Существует большое количество подходов к определению понятия «элита», их условно можно поделить на: властные и меритократические [5, с. 3-11]. С точки зрения властного подхода, понятие «элита» – это совокупность индивидов, обладающих властью в обществе. В соответствии со вторым подходом – элита – совокупность индивидов, обладающих определенными личными качествами: талантами, заслугами и знаниями, вне зависимости от принадлежности к властным структурам. В некоторых исследованиях обозначенные подходы называют соответственно «линией Лассуэла» и «линией Парето».

На основе изучения научных разработок, осуществлявшихся в различные исторические периоды, были выделены основные экономические концептуальные подходы к трактовке неравенства (табл. 1). В основу их деления положен принцип – источник неравенства.

Приведенная в таблице информация позволяет сделать ряд выводов:

1. Каждое из теоретических направлений, исходя из списка представителей, формировалось на различных этапах исторического развития общества. С определенной степенью условности можно выделить следующие подходы: ресурсный, эволюционный, мультифакторный, асимметричный, элитарный, естественный и инновационный.

2. Представители ресурсного, эволюционного и мультифакторного подходов концентрируют свое внимание на доходах и материальном положении отдельного человека в обществе, считают, что с неравенством в такой форме можно бороться посредством госрегулирования и изменения механизмов распределения и перераспределения доходов.

3. Асимметричный и элитарный подходы, в отличие от предыдущих, можно назвать «качественными». В их рамках проблема неравенства распределения результатов труда подменяется исследованием неравенства возможностей реализации личности. В качестве основы для противодействия такой форме неравенства недостаточно применение фискальных методов, главное – создание инклюзивных институтов и социализированной институциональной среды.

4. В рамках, названных нами, естественного и инновационного подходов неравенство воспринимается как природно-когнитивное необходимое свойство общества (генетическое неравенство, неспособность обучаться и применять знания в практической деятельности). Противодействие такой форме неравенства бессмысленно, причем некоторые ученые считают, что наличие такого неравенства в обществе стимулирует его экономическое развитие и стабилизирует социально-моральную среду.

Перечисленные концептуальные подходы к исследованию социально-экономического неравенства не являются единственными. К современным разработкам в этой сфере относятся: «органические концепции» - роль генов в неравенстве; «концепции генетической лотереи» - анализ возможностей отдельного индивида и способов влияния на них; «неравномерности развития» - результаты деятельности и развитие отдельных территорий и т.д.

Таблица 1

Классификация экономических подходов к исследованию социально-экономического неравенства

Источник неравенства	Направление исследования	Возможность противодействия	Представители
Ограниченность экономических ресурсов	Ресурсный подход	Можно бороться посредством госрегулирования и изменения механизмов распределения и перераспределения	Т. Мальтус Д. Рикардо Дж. Стиглиц
Трансформация отношений между трудом и капиталом	Эволюционный подход		К. Маркс С. Кузнец Т. Пикетти
Совокупность внешних и внутренних факторов	Мультифакторный подход		М. Вебер Б. Миланович Э. Аткинсон
Неравный доступ к услугам общественного сектора	Асимметричный подход	Можно бороться посредством создания соответствующих институтов и социализированной институциональной среды	Г.С. Беккер Л. Кац Г. Кларк
Социальное положение	Элитарный подход		Э. Дюркгейм Т. Парсонс
Качество человеческих ресурсов	Естественный подход	Неравенство генетически заложено в обществе и бороться с ним невозможно	Платон Л. фон Мизес П. Сорокин
Эволюция человеческого развития	Инновационный подход		В. Шайдель Э. Уэйд

Примечание. составлено автором

Социологические теории и концепции неравенства в определенной мере дополняют экономические, не смотря на разную трактовку понятий и методологические подходы. Пионером в изучении социальной структуры неравенства считается Питирим Сорокин, разработавший критерии общественной стратификации, которые стали основой многих теорий и концепций социального-экономического неравенства. В их числе: теория стратификационных систем, теория экономического доминирования, концепция бедности, классовая теория, теория двухмерной стратификации, факторная теория, интегративный иерархический подход (табл. 2).

Таблица 2

Теории и концепции исследования социального неравенства (социологический аспект)

Теория	Основные положения	Представители
Теория стратификационных систем	Социальное неравенство может быть обосновано следующими стратификационными системами: физико-генетическая; кастовая; сословная; классовая; социально-профессиональная; культурно-символическая	О.И. Шкаратан
Теория экономического доминирования	Социальное неравенства предопределяется материально-имущественными критериями, которые постепенно станут доминирующими, что приведет к усугублению неравенства и поляризации общества	Л.А. Гордон
Концепция бедности	Кроме поляризации общества – деления на бедных и богатых, происходит расслоение именно бедной его части, при этом выделяют следующие прослойки бедных: «умеренные бедные», «нуждающиеся», «нищие», «пауперизм».	Л.А. Беляева
Классовая теория	Основой социального неравенства является социально-классовая структура общества, при этом критериями исследования являются интеграция и дифференциация.	М.Н. Руткевич
Теория двумерной стратификации	Предлагает исследовать социальную структуру в системе двухмерных координат (по горизонтали отображается численность населения; по вертикали – владение общественными благами)	Т.И. Заславская
Факторная теория	Социальное неравенство изучается посредством исследования факторов, под которыми понимаются объективные особенности, влияющие на положение индивида в социальной структуре	Н.Е. Тихонова
Интегративный иерархический подход	При анализе неравенства учитываются не только объективные (материальные, имущественные, профессиональные и т.д.) критерии, но и субъективные (самоидентификация в обществе)	М.К. Горшков

Примечание. составлено автором

Исследование социологических теорий и концепций неравенства позволяет сделать следующие выводы:

в основе всех социологических концепций лежит выделение критериев стратификации, на основе которых изучается социальная структура общества, определяется положение отдельных слоев общества и устанавливается уровень социального неравенства [6, с. 48 - 52];

теория стратификационных систем выделяет ряд критериев по каждому направлению стратификации, что позволяет выстроить определенную иерархию неравенства. Например, физико-генетическая система стратификации предполагает деление общества по физическим и генетическим критериям: половозрастные характеристики, внешность и физические данные (сила, ловкость, выносливость и т.д.). В данной системе на высшей ступени находятся молодые и сильные, а на низшей – люди преклонного возраста, больные и имеющие физические недостатки [7, с. 3 - 5];

возникновение теории классового доминирования связано с событиями 90-х годов: разрушение социалистических ценностей и формирования «общества потребления», в котором главным статусным критерием является собственность, т.е. основой деления общества становится материально-имущественный критерий [8, с. 53-65];

основой концепции бедности является утверждение, что в условиях рыночной

экономики, в отличие от социалистической, основными факторами расслоения являются уровень дохода и материально-имущественный статус (квартира, дача, машина и т.д.). Причем, происходит постепенный рост именно «бедного» населения, которое необходимо классифицировать для идентификации и определения методов помощи. Во многом данная концепция перекликается с классовой теорией;

в рамках теории двухмерной стратификации, наличие и целесообразность которой обосновывается не до конца сформированной структурой российского общества, предлагается применение специальной методологии, позволяющей дифференцировать индивидов в рамках каждого класса;

факторная теория направлена на выявление причин и факторов, влияющих на положение человека в иерархической структуре общества. При этом выделяются такие группы факторов: первая – системные факторы (непосредственно не связанными с человеком и его деятельностью, например, место проживания, пол, возраст, состояние здоровья); вторая – включает три вида факторов, а именно: факторы социально-профессиональной сферы (образование, квалификация, стаж); факторы социализации (родители, круг общения); социально-психологические факторы (интересы, мотивы, нормы поведения). Выделение этих факторов позволяет построить модель социальной структуры общества с целью выявления перспектив его модернизации и усовершенствования социальной структуры;

интегрированный иерархический подход отличается применением не только объективных критериев неравенства, но и субъективных (материальные, духовные, социокультурные и т.д.), что позволяет не только определить положение населения в социальной структуре общества, но и положение индивида в рамках конкретной социальной группы. Данный подход считаем наиболее прогрессивным.

Глобальные трансформации и накопленные противоречия провоцируют формирование новых объектов и предметов для исследования, что связано с изменением уже привычных понятий и явлений, и форм их проявления. Одним из таких объектов является глобальное социально-экономическое неравенство.

Исследование этого явления предполагает формирование концептуального подхода с целью выявления и обоснования таких аспектов, как: содержательная сторона глобального социально-экономического неравенства; структура взаимоотношений и взаимосвязей отдельных национальных государств в рамках глобальной экономической системы и ее влияние на, с одной стороны, глобальное (внешнее) неравенство, а, с другой стороны, на уровень и состояние национального (внутреннего) неравенства; источники формирования глобального неравенства; существование объективной зависимости между национальным и глобальным неравенством.

Одним из первых сформулировал проблематику глобального неравенства и методологическую базу его исследования Г. Терборн [12, с. 31-62]. Изучение его теоретической концепции позволило выделить и обосновать ряд аксиом, которые могут стать базисом для разработки теории глобального социально-экономического неравенства. Мы их обозначили как: содержательную, причинно-следственную и многовекторную.

Первая аксиома – содержательная: неравенство – это многомерный феномен с динамичными и изменяющимися масштабами, характеризующийся моральной и социальной значимостью.

Вторая – причинно-следственная: достижение равенства и равновесного состояния общества зависит от применяемых механизмов и способов производства и

воспроизводства неравенства.

Третья аксиома – многовекторная – невозможно комплексно исследовать проблему неравенства в рамках одной теоретической парадигмы, необходим междисциплинарный подход [9, с. 15-16].

Исходя из перечисленных аксиом логично предположить, что глобальное неравенство не одномерно, имеет множественные виды и формы проявления. В исследуемой теории выделены такие разновидности неравенства, как: витальное (биологическое), экзистенциальное, ресурсное. Фактически, каждая разновидность представляет собой особое измерение социально-экономического неравенства на глобальном уровне. Итак, витальное (или биологическое) неравенство – форма неравенства, характеризующая качество человеческого существования: продолжительность жизни, здоровье, доступность основных товаров и услуг и т.д.; экзистенциальное неравенство – это форма неравенства, основанная на наличии базовых физических и культурных различий между индивидами, предполагает жесткий подход к делению и четко выстроенную иерархическую систему взаимосвязей (расизм и сексизм, религиозная принадлежность, т.д.); ресурсное неравенство – форма неравенства, формирующаяся в результате наличия или отсутствия, а также распределения природных ресурсов, ископаемых и средств производства в рамках экономической системы [10, с. 7].

Необходимо отметить, что, уровень биологического или витального неравенства зависит от ряда факторов: во-первых, группа природно-естественных факторов – совокупность генетических, наследственных и экологических условий жизнедеятельности индивида; во-вторых, ресурсный фактор – с точки зрения биологического неравенства предполагает ресурсную обеспеченность жизнедеятельности, т.е. доступность основных материальных и нематериальных благ, включая образование и здравоохранение; в-третьих, культурно-этнический фактор – совокупность культурных, религиозных, моральных принципов, влияющих на образ жизни индивида и предопределяющих особенности его поведения. Масштабы проявления биологического неравенства зависят от динамики и степени экзистенциального неравенства. Экзистенциальное неравенство и его масштабы зависят, в первую очередь, от уровня культуры и способности индивида к социализации, его можно рассматривать как естественное (например, разрез глаз или цвет кожи) или культурное, предопределенное религиозными и моральными нарративами. В основе формирования ресурсного неравенства лежат факторы: во-первых, наличие и доступность природных ресурсов и полезных ископаемых; во-вторых, уровень промышленного развития и технологии; в-третьих, интенсивность и производительность труда; в-четвертых, наличие и уровень развития институциональной среды и инфраструктуры. В качестве отдельного фактора целесообразно выделить применяемую в обществе систему распределения и перераспределения экономических ресурсов.

В зависимости от степени взаимодействия и взаимовлияния государств в рамках глобальной экономической системы можно выделить следующие разновидности и модели глобального неравенства:

1. Модель неравенства, сформированная на основе национальных движущих сил и факторов.

2. Глобальная модель неравенства, сложившаяся на основе исторического опыта и национальных особенностей регионов мира.

3. Транзитивная модель неравенства, переходное состояние системы при смене

способа производства или режима.

Таким образом, понятия «глобальное неравенство» и «национальное неравенство» имеют непосредственную связь и являются взаимозависимыми. Так, глобализация предопределяет темпы и возможности развития отдельных национальных экономик за счет формирования единых рынков капиталов, ресурсов, труда, и обеспечения далеко не равного доступа к ним для отдельных государств. Так или иначе, проблема глобального неравенства и возможность его усиления ставят вопрос о формировании механизмов, способных снизить масштабы неравенства и обеспечить устойчивость глобальной экономики.

Исходя из совокупности проведенных исследований считаем, что социально-экономическое неравенство целесообразно классифицировать по таким критериям: сущностному содержанию; экономическим показателям; уровням исследования; уровню глобального неравенства; моделям глобального взаимодействия; уровню допустимости; сферам проявления.

Согласно первому критерию, выделяют две формы социально-экономического неравенства: социальное неравенство и экономическое неравенство.

Социальное неравенство – это категория, отображающая результат общественной стратификации, при которой все индивиды делятся на социальные группы, в соответствии с определенными социальными параметрами и в зависимости от степени удовлетворения материальных, социальных или духовных потребностей. Оно отображает дифференцированную и многоуровневую социальную структуру общества. Основным источником возникновения такого вида неравенства является неравномерное распределение общественных благ и услуг, как материальных (богатство), так и символических (власть, престиж).

Экономическое неравенство – это категория, иллюстрирующая деление общества по уровню присвоения и владения материальными ресурсами, а также по уровню доступа к ним. Фактически, экономическое неравенство является критерием, в соответствии с которым происходит деления общества на «богатых» и «бедных». При этом главными показателями такого вида неравенства является доступность для каждого индивида материальных благ (доходов); морального удовлетворения (власть и влияние); благ нематериального характера (образование и медицинская помощь). Экономическое неравенство отображает систему организационно-экономических и социально-экономических отношений в рамках государства.

Принцип классификации – по экономическим показателям неравенства – позволяет, на основе общепризнанных и широко используемых показателей, классифицировать неравенство следующим образом: бедные (с доходами ниже ПМ), низкообеспеченные (с доходами выше ПМ, но меньше МПБ), среднеобеспеченные (с доходами выше МПБ, но ниже БВД), состоятельные и богатые люди (с доходами выше БВД).

По уровню исследования неравенства предполагает его рассмотрение на индивидуальном, общественном и глобальном уровнях. Индивидуальное неравенство может проявляться в следующих формах: гендерное – неравенство, связанное прежде всего с дискриминацией женщин; расово-этническое – это неравенство по отношению к определенным расам и этносам (цвет кожи, язык, разрез глаз и т.д.); религиозное – это неравенство, формирующееся за счет различий в вероисповедании, особенно остро проявляется в случае крайне экстремистских религиозных течений и т.д. [5, с. 47]. На общественном уровне можно выделить группу специфических неравенств: неравенство профессий, неравенство власти, неравенство в обладании различными видами

капитала, включая символический капитал, неравенство жизненных шансов и гражданских прав людей. Глобальное неравенство целесообразно рассматривать с точки зрения деления мира на «золотой миллиард» и «страны-изгои», критерием такого деления считаем: доступность экономических ресурсов и неравенство в распределении властных и экономических ресурсов. Кроме того, по уровню глобального неравенства оно классифицируется на витальное, экзистенциальное, ресурсное; а по модели глобального взаимодействия – национальное, историческое, транзитивное.

В соответствии с критерием – по уровню допустимости, считаем целесообразным выделение маргинального неравенства, отображающего уровень объективной экономической дифференциации индивидов в обществе, наличие которого стимулирует экономический рост, развитие человеческого и социального капитала. И деструктивного неравенства, отображающего процесс резкого сокращения удельного веса среднего класса за счет его обеднения. Наличие такого неравенства свидетельствует о резкой поляризации социальной структуры общества и отсутствии социальной справедливости, воспроизводство этой формы ведет к стагнации экономического развития.

Критерий классификации неравенства – по сферам проявления, предполагает выделение следующих разновидностей: неравенство по доходам и богатству (в основе деления лежит индекс Джини (КДж) по денежным доходам и ВВП по паритету покупательной способности (ППС)); неравенство в текущем потреблении товаров и услуг (покупательские расходы в среднем на члена домохозяйства в десятой группе - с наиболее высокими, и первой – с наиболее низкими расходами); неравенство в доступе к жилью и инфраструктуре социальной сферы (наличие жилья и его соответствие нормативному состоянию и благоустроенности; доступность медицинской помощи на региональном уровне; отсутствие средств на развитие, т.е. доступность спортивных, культурных и образовательных объектов); пространственное неравенство (разрыв по показателям между отдельными регионами внутри страны: абсолютная монетарная бедность, покупательная способность региональных среднедушевых расходов, децильный коэффициент фондов, региональный душевой ВВП по ППС, ожидаемая продолжительность жизни при рождении); неравенство городского и сельского населения (качество жизни и жилища, доступность медицинской, культурной, образовательной инфраструктуры); отраслевое неравенство (разрыв в уровне среднемесячных номинальных начислений заработной платы (СЗП) по видам экономической деятельности); возрастное неравенство (уровень безработицы по отдельным возрастным группам); цифровое неравенство (степень дифференциации уровня использования компьютерной техники и Интернета); неравенство в сфере интеллектуальных продуктов и технологий (между производителями, покупателями и теми, кто не может себе этого позволить).

Необходимость оценки и анализа различных видов и форм социально-экономического неравенства связана с двумя аспектами: во-первых, позволяет выявить его реальные масштабы и определить рейтинг страны в общемировом мониторинге (мы его условно называем – глобальный подход); во-вторых, может стать основой разработки национальной программы социального развития: повышения денежных доходов населения, снижения бедности и неравенства (соответственно, национальный подход).

Глобальный методологический подход позволяет установить местонахождение конкретной страны в системе международных координат и точнее диагностировать существующие проблемы и их параметры. В основе подхода лежит рейтинговая оценка

страны. Например, методика оценки, используемая ПРООН – «Мониторинг процесса развития человека» (данное исследование проводится в рамках подготовки ежегодного доклада о международном сотрудничестве и состоянии безопасности в мире).

Индекс развития человеческого потенциала, который рассчитывается в рамках мониторинга, включает следующие показатели: ожидаемая продолжительность жизни при рождении; уровень грамотности взрослого населения; совокупный валовый коэффициент поступающих в начальные, средние и высшие учебные заведения; ВВП на душу населения; индекс ожидаемой продолжительности жизни; индекс уровня образования; индекс ВВП. Сравнение данных показателей позволяет поделить мировые страны на: страны с высоким, со средним и низким уровнем развития человеческого потенциала.

При использовании данных, приводимых в международных рейтингах, целесообразно учитывать то, что существуют расхождения между национальными и глобальными оценками. Это связано с тем, что при составлении рядов данных международным статистическим учреждениям нередко приходится применять согласованные на международном уровне стандарты и процедуры унификации для повышения сопоставимости данных по разным странам. В тех случаях, когда расчёты производятся на основе национальных статистических показателей, возникает потребность в корректировке данных. Так, в случае отсутствия определенных данных и сведений о конкретной стране, показатели могут быть рассчитаны на основе внешней информации, поэтому сведения могут базироваться на непроверенной и устаревшей информации. Все эти факторы могут вызывать существенное расхождение между национальными и международными оценками. Поэтому более значимой является оценка социально-экономического неравенства именно на национальном уровне, при этом логично использовать классификацию неравенства по сферам проявления.

Выводы. Исследование сущности и содержания понятия «неравенство» с точки зрения политэкономического подхода позволило сделать следующие выводы:

Во-первых, в основу экономических концептуальных подходов к исследованию социально-экономического неравенства положен принцип – источник неравенства, что позволило их классифицировать на: ресурсный, эволюционный, мультифакторный, асимметричный, элитарный, естественный и инновационный.

В-вторых, исследование социологических теорий и концепций неравенства (теория статификационных систем, теория классового доминирования, концепция бедности, теория двухмерной стратификации, факторная теория, многомерный иерархический подход) позволяет констатировать, что в их основе лежит выделение критериев стратификации, которые направлены на изучение социальной структуры общества, определение положения отдельных слоев общества, с целью установления уровня социального неравенства.

В-третьих, использование глобального концептуального подхода, основанного на содержательной, причинно-следственной, многовекторной аксиомах, позволяет выделить, во-первых, формы глобального неравенства: витальную (биологическую), экзистенциальную и ресурсную; во-вторых, модели глобального неравенства: модель неравенства, сформированная на основе национальных движущих сил и факторов; глобальная модель неравенства, сложившаяся на основе исторического опыта и национальных особенностей регионов мира; транзитивная модель неравенства, переходное состояние системы при смене способа производства или режима.

В-четвертых, социально-экономическое неравенство с целью детализации его исследования и оценки необходимо классифицировать по таким критериям: по

сущностному содержанию; по экономическим показателям; по уровням исследования; по уровню допустимости; по сферам проявления.

В-пятых, необходимость оценивания масштабов социально-экономического неравенства связана с двумя аспектами: во-первых, позволяет выявить его реальные масштабы и определить рейтинг страны в общемировом мониторинге (глобальный подход); во-вторых, может стать основой разработки национальной программы социального развития: повышения денежных доходов населения, снижения бедности и неравенства (национальный подход).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государство. Законы. Политика: пер. с древнегреч. – Москва: Мысль, 1998. – 798 с., 1 портр. – (Из классического наследия).
2. Древнегреческая философия: От Платона до Аристотеля: [сочинения] : пер. с древнегреч. – Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 1999. – 831 с. – (Библиотека античной литературы). – Содерж. авт.: Платон; Аристотель; Эпикур.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Кн.1 : Процесс производства капитала. Предисловие Ф. Энгельса; перевод И.И. Степанова-Скворцова. - Москва: Политиздат, 1969. - 908 с. - Примеч.: с. 787-812. - Указ. имен: с. 813-838. - Указ. лит.: с. 839-882. - Предм. указ.: с. 883-900.
4. Вебер М. Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе [сост. Р. А. Гальцева; пер. и примеч. С. С. Аверинцев и др.]. – М., 1991. – С. 130–153.
5. Заславская Т.И. Социокультурный аспект трансформации российского общества. Социологические исследования. 2001. № 8. С. 3-11
6. Каира Ю.В. Современные социологические подходы и модели изучения трансформации социально-стратификационных процессов. Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2012. № 4. С. 48 – 52
7. Рудкевич М.Н. Социальная поляризация. Социологические исследования. 1992. № 9. С. 3-5
8. Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества. Социологические исследования. 2018. № 6 (410). С. 53 - 65
9. Терборн Г. Начало второго века социологии: времена рефлексивности, пространств идентичности и узлы знания. Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 1. С. 46–49.
10. Therborn G. The Killing Fields of Inequality. Cambridge ; Malden : Polity Press, 2013. - 180 p.
12. Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения. Социологическое обозрение. 2005. Т. 4, № 1. С. 31–62.

Поступила в редакцию 20.10.2024 г.

SOCIAL STRATIFICATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL ECONOMY RESEARCH

M. V. Fomina, V. V. Prikhodko

The article theoretical analyzes the problem of socio-economic inequality and its sources. The scientific novelty of the presented research lies in the attempt to study inequality as a political economic category, and the essential characteristics of this phenomenon and the system of relations that it embodies - from the standpoint of political economy.

Keywords: inequality; socio-economic inequalities; social stratification; conceptual approach; poverty.

Фомина Марина Валерьевна

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского», г. Донецк
miss.profess@mail.ru
+7-949-320-26-37
ORCID 0000-0002-9337-492X

Приходько Виктор Владимирович

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени
Михаила Туган-Барановского», г. Донецк
miss.profess@mail.ru
+7-949-320-26-37
ORCID 0000-0002-9747-7846

Fomina Marina

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic Theory
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-
Baranovsky, Donetsk

Prikhodko Viktor

candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Economic Theory
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-
Baranovsky, Donetsk

УДК 339.92

DOI 10.5281/zenodo.14284054

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ОПЫТ СТРАН БРИКС

© 2024. Л. В. Шабалина, В. В. Шпинёва

В статье проанализированы основные показатели промышленного сотрудничества стран БРИКС. Рассмотрены барьеры интеграции и предложены меры их преодоления, включая усиление научно-технического взаимодействия, модернизацию инфраструктуры и адаптацию промышленной политики к глобальным трендам цифровизации и низкоуглеродной экономики. Предложены направления развития промышленной политики в рамках стран БРИКС, включающие: оценку текущего состояния мировых трендов и определение приоритетных отраслей промышленности; систематизацию национальных интересов и выявление схожих интересов стран-партнеров, привлечение инвестиций и создание механизмов финансирования; формирование общей промышленной политики объединения.

Ключевые слова: международное промышленное сотрудничество; промышленная кооперация; интеграционное объединение; промышленность; инновации; прямые иностранные инвестиции.

Постановка проблемы. Динамика глобальной интеграции отражает трансформационный этап межстранового сотрудничества, характеризующийся все более широким внедрением общих экономических, технологических и политических основ. Международное промышленное сотрудничество (МПС) в рамках интеграционных объединений является важнейшим механизмом укрепления экономической интеграции, содействия передаче технологий и внедрению результатов интеллектуальной деятельности государств-членов. В контексте стран БРИКС промышленная кооперация приобретает особое значение в силу их различных экономических структур, обеспеченности ресурсами и стратегических приоритетов. Несмотря на значительные успехи в реализации совместных инициатив, согласование политики и преодоление структурных диспропорций остаются серьезными проблемами в развитии промышленной синергии в рамках блока. Расширение блока до формата БРИКС+ с включением новых членов, среди которых ОАЭ, Иран, Египет и Эфиопия, открывает новые возможности для промышленного взаимодействия. В данном контексте необходимо распространить успешные модели и практики МПС на новых членов, создавая механизмы для более тесной координации и интеграции их экономик. Передовой опыт Российской Федерации (РФ), особенно в таких сферах экономики, как тяжелая промышленность, энергетика и информационные технологии, должен стать основой для трансфера технологий и наращивания промышленного потенциала всех стран блока.

Актуальность исследования. В условиях вызовов мировой экономики, таких как цифровизация, климатические изменения и геополитическая нестабильность, интеграционные объединения становятся важным инструментом для укрепления промышленного потенциала стран и регионов через эффективное использование ресурсов, создание конкурентных преимуществ и углубление трансфера технологий. Для достижения синергетического эффекта необходимо учитывать особенности каждого участника, включая уровень развития ключевых отраслей, политическую ситуацию и национальные экономические интересы. Учитывая данные обстоятельства, исследование существующей модели сотрудничества стран БРИКС становится

особенно актуальным в связи с расширением блока за счет новых членов, что предоставляет возможность не только укрепить взаимодействие между странами-участниками, но и адаптировать успешный опыт БРИКС для его распространения на присоединившиеся государства. Такой подход позволит создать универсальные механизмы оптимизации межгосударственного взаимодействия в промышленной сфере, способствующие развитию интеграционных процессов и укреплению позиций блока в глобальной экономике.

Анализ последних исследований и публикаций. Обзор современной научной литературы позволил выявить разнообразие подходов к определению термина «международное промышленное сотрудничество» (МПС). Так Сунь Л. [18] определяет МПС как формирование контрактов между субъектами из разных стран для синергии конкурентных преимуществ, при этом Савинов Ю. А. [16] – как производственные связи через программы, договоры и совместные предприятия. Вардомский Л. Б. рассматривает интеграционные процессы как фактор укрепления экономического потенциала стран-участниц, подчеркивая важность институциональных механизмов и экономических факторов [1]. Взгляд на МПС как на процесс трансфера технологий и стимулирования инновационной кооперации представлен в работах Ефимовой Е., где автор определяет сотрудничество как системный процесс, направленный на унификацию стандартов, создание единой производственной базы и интеграцию технологий [5]. Колодова Т. А. и Суворова Л. А. [27] связывают МПС с региональной интеграцией и глобализацией на основе программно-целевого подхода, тогда как в Евразийском экономическом союзе определение трактуется его как интеграция промышленных кластеров для создания конкурентных преимуществ [4].

Вопросы, связанные с промышленной политикой (ПП) в процессе интеграционного взаимодействия рассматривает Камалян А. К. в виде совокупности инструментов стимулирования и координации, ориентированных на гармоничное развитие промышленных комплексов стран-участников с учетом роли наднациональных институтов, также следует отметить, что автор выделяет особенности ПП на наднациональном уровне: общие вектора развития, соответствующие новым мировым трендам; совместные проекты в сфере НИОКР; стимулирующий и систематизированный характер используемых мер; присутствие наднациональных институтов для поддержки промышленности [7]. В трудах Гурского В. Л. ПП является системой принципов и инструментов государственной координации, направленной на долгосрочное развитие промышленного комплекса, включая управление ресурсами и создание конкурентной среды для обеспечения конкурентоспособности продукции на мировых рынках [3].

Мастепанов А. М. акцентирует внимание на двустороннем характере взаимодействия внутри БРИКС, отмечая, что в некоторых случаях двухсторонние отношения оказываются более эффективными, чем многосторонний формат [10]. Анализ российско-китайского сотрудничества в рамках БРИКС представлен в трудах Шортанова Р. А. [23], Шилец Е. С. [22]. Основные аспекты и последствия от расширения БРИКС исследовали Леонова О. Г. [9], Казелко А. [26] и Кокрейн Л. [24].

Целью статьи является проведение анализа и выявление перспектив международного промышленного сотрудничества стран БРИКС.

Результаты исследования. За последние десятилетия развитие МПС претерпело значительные изменения, реализуясь как на двусторонней, так и на многосторонней основе, с возможностью консультативной поддержки и координации со стороны международных организаций, включая экономические и инновационные структуры.

Исследования Купера К. и Масселла Б. подтверждают, что ключевая цель интеграции между развивающимися странами нацелена на поддержку промышленного развития государств-членов [26, с. 462].

В рамках интеграционного взаимодействия страны могут применять различные инструменты промышленного сотрудничества: поддержка взаимовыгодной кооперации в промышленности с целью разработки и производства инновационной, высокотехнологичной продукции; организация совместных программ и проектов с участием стран-участниц на паритетных началах; создание технологических платформ и индустриальных кластеров; а также другие механизмы, способствующие развитию кооперации в промышленной сфере. Первоначально межгосударственное промышленное сотрудничество базировалось на двусторонних соглашениях, направленных преимущественно на снижение торговых барьеров, привлечение инвестиций и обмен технологиями. Например, двусторонние соглашения между РФ и Китаем охватывают несколько важных векторов взаимодействия: расширение торговли через создание совместных торговых платформ и улучшение логистической инфраструктуры; привлечение инвестиций в проекты по развитию инфраструктуры; совместная работа в области высоких технологий и научных исследований; сотрудничество в области экологически чистых технологий и устойчивого развития [12].

По мере расширения значимости промышленного сотрудничества страны начали создавать более крупные региональные объединения для укрепления трансграничного сотрудничества. Одним из примеров является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), которая уделяет приоритетное внимание промышленному сотрудничеству посредством таких инициатив, как Экономическое сообщество АСЕАН, направленных на укрепление промышленного сектора, торговых отношений и развитие инфраструктуры в регионе.

Необходимо отметить, что внутри интеграционной группировки степень тесноты сотрудничества между государствами может варьироваться, отражая различные уровни взаимодействия, которые включают в себя как полное экономическое и политическое интегрирование, так и частичное сотрудничество в отдельных сферах. Данная градация обуславливается различиями в национальных интересах, уровне промышленного развития, политической зрелости и внешнеэкономической ориентации стран-участниц.

В последние годы реализация потенциала производственной кооперации требует учета новых глобальных трендов и факторов, определяющих бизнес-стратегии компаний и государственное регулирование. Среди таких факторов можно выделить цифровизацию экономики и международной торговли, технологическое развитие промышленности и глобальных цепочек добавленной стоимости, а также усиление протекционизма и торговых конфликтов. Для стран-членов группировки актуальной задачей является укрепление кооперационных связей, диверсификация поставщиков и рынков сбыта, чему способствуют меры, направленные на либерализацию торговли и инвестиций, гармонизацию норм регулирования, развитие электронной коммерции, научно-технического и инновационного сотрудничества, а также улучшение инфраструктуры для снижения логистических затрат и стимулирования торговли [14, с. 408].

Согласно мнению Воронкова Л. С., появление международных межправительственных структур, таких как «Группа восьми» и «Группа двадцати», свидетельствует о попытках государств координировать действия вне рамок традиционных многосторонних форумов. Необходимо сказать, что развитие

информационного общества также открывает новые перспективы для неформального многостороннего сотрудничества и расширяет роль неправительственных организаций [2, с 108]. Формирование постоянных международных межправительственных и неправительственных организаций стало результатом интернационализации и существенных изменений на международной арене, что связано с расширением сфер международного сотрудничества, требующих регулирования и управления. Ключевые направления и задачи интеграционных группировок представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные аспекты сотрудничества интеграционных объединений

Интеграционное объединение	Задачи сотрудничества	Приоритетные направления сотрудничества
Европейский союз (ЕС)	-экономическая интеграция; -устойчивое развитие и научно-технический прогресс, -укрепление научно-технологических основ промышленности.	-производственные цепочки в автомобилестроении, химической промышленности, IT; - разработка единых стандартов и норм; - поддержка трансграничных проектов через фонды.
АСЕАН	-создание таможенного союза; -реализация совместных инфраструктурных и промышленных проектов.	- формирование таможенного союза в рамках соглашений о преференциальной торговле; - создание совместных промышленных объектов.
ОПЕК	- производственная кооперация в нефтегазовой промышленности; -совместное регулирование объемов добычи нефти; -инвестиции в нефтепереработку.	- обеспечение энергетической безопасности; - технологические обмены и совместные научно-исследовательские проекты между странами-членами.
ЕАЭС	-ускорение устойчивого промышленного развития через эффективное сотрудничество для создания конкурентоспособной и высокотехнологичной экономики государств-членов.	- создание условий для перехода на инновационный вектор развития промышленности; - поддержка цифровой трансформации промышленных комплексов государств-членов; - развитие механизмов финансирования кооперационных проектов.
ШОС	- содействие сотрудничеству в политической, экономической, научной и культурной сферах; - обеспечение безопасности и стабильности в регионе; - продвижение к созданию справедливого международного порядка.	- стимулирование государственно-частного партнерства для реализации кооперационных инициатив; - повышение квалификации кадров в промышленности; - создание устойчивых цепочек добавленной стоимости для роста взаимной торговли.
БРИКС	-углубление промышленной кооперации между странами для создания высокотехнологичной экономики и стимулирования взаимных инвестиций.	- развитие совместных производств в металлургии, химической промышленности, робототехнике и переработке сельхозсырья; - усиление взаимного инвестирования; - укрепление глобальной безопасности.

Международная промышленная кооперация в рамках интеграционных объединений предоставляет значительные возможности для экономического роста, развития технологий и укрепления позиций на внешних рынках. Однако важно

учитывать сопряженные с этим риски, среди которых можно выделить политическую нестабильность, культурные различия и регуляторные барьеры [11, с. 1216]. Подробная характеристика угроз и преимуществ представлена в табл. 2.

Таблица 2

Риски и преимущества промышленной политики в рамках интеграционных объединений

Преимущества	Сущность	Барьер	Потенциальные пути решения
Технологический прогресс	Обмен технологиями и опытом помогает улучшить производственные процессы и повышать инновационный потенциал.	Различия в законодательстве стран-членов	Гармонизация законодательства через принятие общих нормативных актов или механизмов взаимного признания норм и стандартов, что способствует устранению юридических барьеров для взаимодействия бизнеса внутри группировки.
Экономия от масштаба	Страны могут объединять ресурсы для реализации крупных промышленно-инфраструктурных проектов, что позволит уменьшить затраты на производство и логистику.	Различия в уровне технологического развития	Создание программ технологической совместимости и технологического трансфера между странами-участниками: обмен знаниями, совместные исследования и разработки, а также образовательные программы.
Увеличение объёмов производства и инвестиций	Повышение привлекательности региона для иностранных инвесторов и доступ к новым рынкам.	Ориентация участников на реализацию своих национальных интересов	Стимулирование сотрудничества на основе взаимных выгод и создание механизмов компромиссов, которые учитывают интересы всех сторон.
Диверсификация экономики	Сотрудничество в рамках объединений позволяет расширить производство в новых отраслях.	Слабая диверсификация экономик стран-членов союза	Совместные усилия по стимулированию диверсификации экономик, например, через совместные инвестиции в новые отрасли или программы технологического развития, а также развитие торговых связей внутри интеграционной группировки для укрепления экономической взаимозависимости.

Одним из образцов осуществления МПС является БРИКС, представляющий эффективные механизмы для поддержания и развития кооперации среди стран-членов. В частности, был разработан механизм финансирования промышленного взаимодействия, направленный на модернизацию и техническое переоснащение предприятий, что в свою очередь повышает их конкурентоспособность на мировом уровне. Данный механизм также включает в себя поставки технологического оборудования и комплектующих в рамках кооперационных проектов для развития взаимовыгодных отношений внутри группировки и поддержания стабильности поставок. Дополнительно, в рамках данного объединения активно поддерживается идея формирования промышленных кластеров для создания и развития индустриально-инновационной инфраструктуры на внешних рынках [20, с. 7].

На территории стран БРИКС в настоящее время функционирует более 2,5 тыс. особых экономических зон. На заседании саммита БРИКС было выделена необходимость устанавливать прямые связи между управляющими командами данных зон, работающих в условиях преференциальных и льготных режимов, чтобы обеспечить обмен опытом в вопросах создания логистических хабов, локализации промышленного производства и создания благоприятных глобальных конкурентных условий для привлечения инвестиций [12].

Промышленное и научно-технологическое сотрудничество представляет собой ключевой фактор для стран БРИКС по следующим причинам [6, с. 208]:

1) содействует обмену знаниями, опытом и передовыми технологиями, что стимулирует инновационное развитие и совершенствует национальные отрасли экономики;

2) повышает конкурентоспособность продукции и услуг стран-участниц, укрепляя их позиции на мировых рынках;

3) усиливает активность в вопросах решения мировых вызовов;

4) способствует укреплению дипломатических связей между государствами для формирования базы развития взаимодействия на различных уровнях.

Страны БРИКС могут участвовать в различных формах взаимовыгодного сотрудничества между своими предприятиями, включая заключение производственных соглашений и развитие межстранового сотрудничества; содействие научному партнерству в проведении фундаментальных исследований; сотрудничество в научно-технических инициативах, включая исследования и разработки; продвижение лицензионных соглашений для облегчения обмена технологиями и знаниями; создание совместных предприятий для осуществления значительных производственных и исследовательских работ; ведение переговоров по торговым соглашениям, направленным на улучшение условий торговли и расширение рыночных возможностей; и осуществление взаимных инвестиций в научные и инновационные проекты для усиления конкурентоспособности и роста экономического роста в рамках блока.

Однако важнейший элемент успешной интеграции – это понимание отраслевой специализации каждой из стран-участниц, так как она определяет промышленный профиль государств и стратегии для совместной работы. В табл.3 представлен анализ отраслевой структуры экономик стран БРИКС за последние пять лет, демонстрирующий значительные различия в развитии первичного, вторичного и третичного секторов экономики. Во всех странах преобладает сфера услуг, однако её доля варьируется, например, в РФ и Китае она остается стабильной, тогда как в Бразилии происходит снижение. Сфера промышленного производства иллюстрирует различные тенденции роста. Так, в Бразилии она активно развивается, в то время как в РФ и Китае наблюдается замедление, что связано с переходом этих стран к более устойчивым моделям экономики, включая акцент на низкоуглеродные технологии. В Бразилии и Южной Африке наблюдается наибольший рост доли сельского хозяйства, что свидетельствует о большем акценте на аграрный сектор, в то время как в Индии и РФ данная сфера теряет свою значимость.

Таблица 3

Отраслевая структура экономик стран БРИКС, % ВВП

Россия						
Сектор экономики	2019	2020	2021	2022	2023	Средний темп роста, %
Сфера услуг	60,3	62,6	60,6	60,4	62,6	103,8
Промышленность	35,8	33	35	35,4	33,7	94,1
Сельское хозяйство	3,9	4,4	4,4	4,2	3,7	94,9
Бразилия						
Сектор экономики	2019	2020	2021	2022	2023	Средний темп роста, %
Сфера услуг	73,3	70,9	66,5	67	67,4	92,0
Промышленность	21,8	22,5	25,8	26,3	25,5	117,0
Сельское хозяйство	4,9	7,1	7,7	6,7	7,1	144,9
Китай						
Сектор экономики	2019	2020	2021	2022	2023	Средний темп роста, %
Сфера услуг	54,3	54,5	53,5	53,4	54,6	100,6
Промышленность	38,6	37,8	39,3	39,3	28,3	73,3
Сельское хозяйство	7,1	7,7	7,2	7,3	7,1	100,0
Индия						
Сектор экономики	2019	2020	2021	2022	2023	Средний темп роста, %
Сфера услуг	54,8	52,3	52,2	54,2	54,7	99,8
Промышленность	25	25,6	26,8	25,6	25,7	102,8
Сельское хозяйство	20,3	22,1	21	20,2	19,6	96,6
Южная Африка						
Сектор экономики	2019	2020	2021	2022	2023	Средний темп роста, %
Сфера услуг	71,6	71,4	69,6	69,3	69,7	97,3
Промышленность	20,1	18,8	19,1	19,6	20,4	101,5
Сельское хозяйство	8,4	9,8	11,3	11,2	10	119,0

Составлено авторами по [21]

Согласно исследованию Растопчиной Ю. Л., экспортная специализация стран БРИКС включает следующие группы товаров: Китай – «Машины и транспортное оборудование», Индия – «Еда и химические вещества», РФ – «Минеральное топливо», Бразилия и ЮАР – «Сырьевая продукция» [15, с. 10]. Данные сравнительные преимущества стран подчеркивают необходимость выработки сбалансированных стратегий стран БРИКС для реализации максимального синергетического эффекта от взаимного партнерства, учитывающих как внутренние особенности, так и глобальные экономические тренды.

Оценка показателей динамики развития промышленности стран БРИКС в период с 2019 по 2023 г., свидетельствует о неравномерной динамике изменения индексов промышленного производства (рис. 1), которые включают в себя добывающую и обрабатывающую промышленность, энергетику, а также водоснабжение. В странах БРИКС в 2023 г. индекс промышленного производства составил 101,6%, тогда как в мире – 99,8%. Следует отметить, что в 2021 г. наблюдался пик объемов промышленного производства, при этом рост индекса данного показателя за наблюдаемый период был зафиксирован в Индии и РФ (6,75% и 0,67% соответственно) (рис. 1).

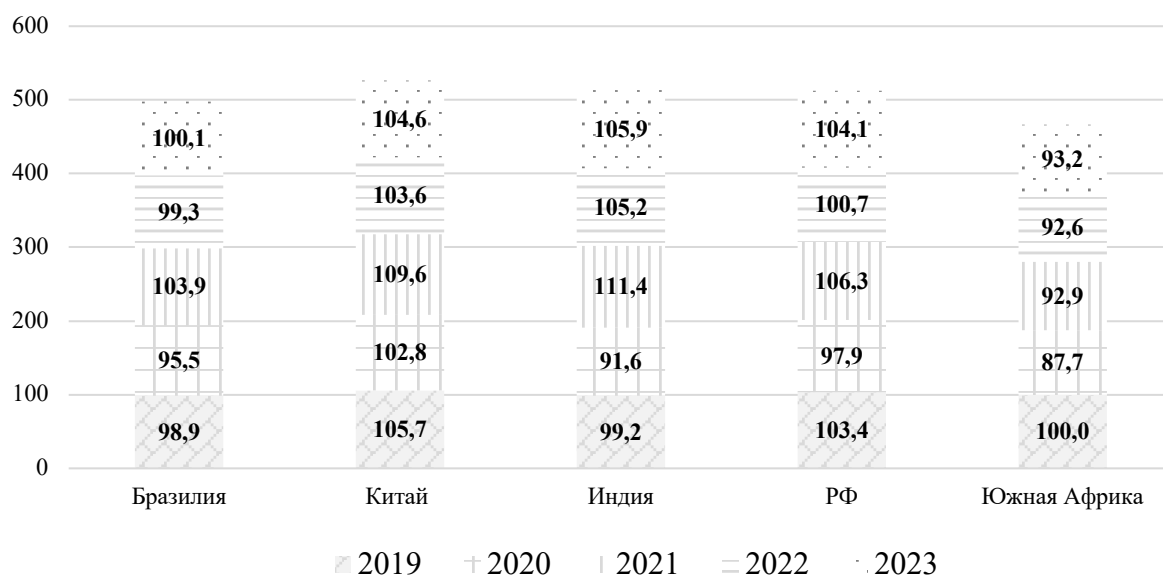

Рис. 1. Индекс промышленного производства стран БРИКС, % (составлено авторами по [21])

Анализ рисунка2 свидетельствует, что за исследуемый период Китай лидировал по показателю доли добавленной стоимости в промышленности от ВВП, составив в среднем 38,5%. При этом наблюдается незначительное снижение показателя в РФ, однако такая динамика обусловлена зарубежными экономическими санкциями. Например, если сравнить в 2023 г. показатель доли добавленной стоимости промышленности в ВВП в США который составил в среднем 26,3%, то в странах БРИКС – 28,2%.

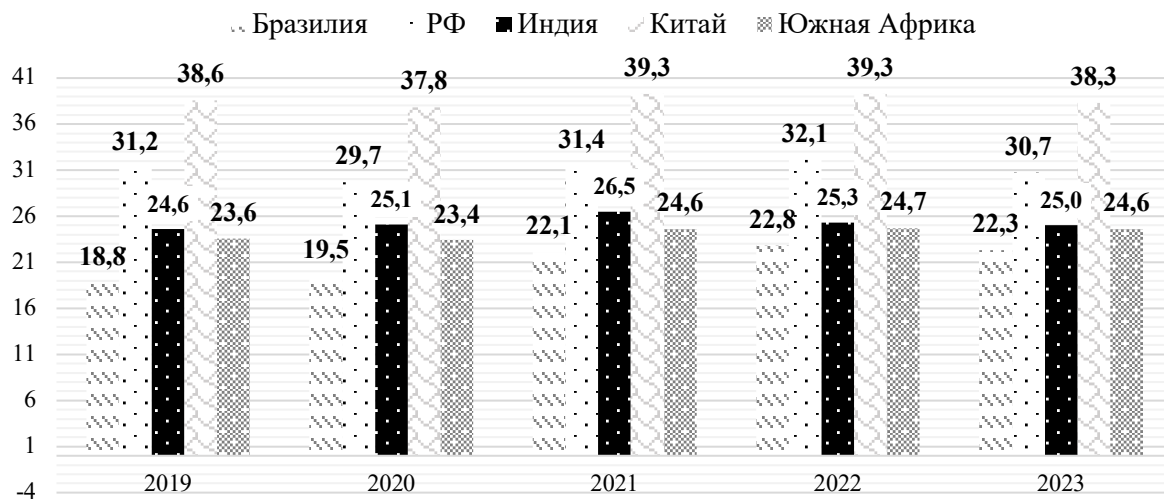

Рис. 2. Добавленная стоимость в промышленности, % от ВВП (составлено авторами по [30])

Промышленное сотрудничество играет важную роль в укреплении взаимодействия стран БРИКС, содействуя их коллективному прогрессу и достижению общих целей. Однако Ибрагимов Р.С. выделяет определенные сложности, влияющие на его эффективность: неравномерное развитие научно-технологических мощностей стран-участниц, что вызывает дисбаланс в партнерстве и осложняет обмен знаниями и опытом; отсутствие единой стратегии и механизмов координации взаимодействия

между членами объединения; недостаточное финансирование научно-исследовательской деятельности, что ослабляет позиции стран БРИКС в глобальном технологическом ландшафте [6, с. 210]. Для преодоления данных вызовов необходимо разработать общую концепцию финансирования совместных научно-технологических и промышленных инициатив, внедрить механизмы согласования интересов и приоритетов, а также улучшить координацию и обмен опытом между научным сообществом.

Степень восприятия глобальных научно-технологических и инновационных трендов различными странами оценивается Глобальным инновационным индексом. В 2023 г. Китай значительно укрепил свои позиции, заняв 12-е место в общем рейтинге и первое среди стран БРИКС, с высокими показателями в области инфраструктуры (27-е место) и научных результатов (6-е место). Индия, хоть и уступает Китаю, но при этом достигла 40-го места в мировом рейтинге, по сравнению с 81-м в 2015 г., что свидетельствует о прогрессе в инфраструктуре (84-е место) и творческих результатах (49-е место). Бразилия (49-е место) и ЮАР (59-е место) также показывают рост показателя, особенно в области научных результатов, однако заметен разрыв со странами-лидерами [29].

По мнению Тебекина А. В., страны БРИКС представляют интерес с двух ключевых аспектов [19, с. 225]: во-первых, они активно стремятся к инновационному развитию, что подтверждается значительными вложениями в НИОКР (табл. 4), а во-вторых, для эффективной реализации научных проектов в рамках интеграционного объединения необходимо активизировать деятельность Национальных координационных институтов БРИКС.

Таблица 4

Доля затрат на НИОКР в ВВП в странах БРИКС, %

Страны	2019	2020	2021	2022	2023	Средний темп роста, %
Бразилия	1,2	1,2	1,2	1,1	1,2	95,9
Китай	2,1	2,4	2,4	2,6	2,6	124,5
Россия	1,0	1,1	1,0	0,9	1,0	96,2
Индия	0,7	0,6	0,8	0,6	0,7	98,5
Южная Африка	0,6	0,7	0,8	0,9	0,6	98,4

Составлено авторами по [28]

Анализ табл.4 свидетельствует, что доля расходов на НИОКР в ВВП Китая существенно превосходит аналогичные показатели других стран БРИКС, а в денежном эквиваленте общие расходы составили 0,5 трлн долл., что связано с инвестированием в квантовые технологии, биомедицину и цифровые технологии, при этом в 2023 г. было выдано более 920 тыс. патентов (годовой прирост составил +15%) [28]. Однако стоит отметить, что недостаток финансирования НИОКР и разрыв между исследованиями и их практическим применением, низкий уровень инновационной инфраструктуры представляют собой сдерживающую силу в экономике, ориентированной на инновации.

Необходимо сказать, что страны БРИКС становятся все более привлекательными для иностранных инвесторов (табл. 5).

Таблица 5

Динамика прямых иностранных инвестиций в страны БРИКС, млрд долл.

Страны	2019	2020	2021	2022	2023	Средний темп роста, %
Бразилия	65,4	28,3	50,7	73,4	65,9	100,8
Китай	102,2	73,7	134,7	109,7	112,7	110,3
Россия	32,1	10,4	38,7	-15,2	8,3	25,9
Индия	50,6	64,1	44,8	49,4	28,2	55,7
Южная Африка	5,1	3,1	40,2	9,2	5,3	103,9

Составлено авторами по [28]

В 2016-2022 гг. в рамках Нового банка развития (НБР) было оценено более 120 проектов, однако количество реализованных составило 31,9%. Если рассмотреть в страновом разрезе, то можно отметить дифференциацию в долях проектов: Индия – 26%, Бразилия – 24%, Китай – 24%, Россия – 16%, ЮАР – 10%. В 2023 г. НБР выделил 30 млрд долл. на проекты устойчивого развития и инфраструктуры в странах БРИКС [12]. Для преодоления этих проблем необходимо активизировать роль Банка Развития и институциональных инвесторов в партнерстве между странами и стимулировать инвестиции в инфраструктуру, включая науку и технологии. Несмотря на некоторые сложности, такие как валютные риски и недоверие национальных банков, Новый банк развития БРИКС способствует экономическому взаимодействию между странами, предлагая кредиты в национальных валютах, что снижает издержки.

Страны БРИКС обладают потенциалом для снижения рисков, связанных с санкционной политикой, как на уровне отдельных государств, так и в рамках всего экономического блока, что способствует повышению устойчивости их национальных экономик к внешним шокам. Несмотря на значительные объемы прямых иностранных инвестиций, привлекаемые Китаем, и умеренные успехи других стран блока, их общий инвестиционный климат остается менее конкурентоспособным: по показателю легкости ведения бизнеса РФ занимает 28-е место, Китай – 31-е, Индия – 64-е, ЮАР – 84-е, а Бразилия – 124-е из 190 стран [29]. Общий приток прямых иностранных инвестиций в 2023 г. в страны БРИКС составил 220,4 млрд долл., что на 13,7% меньше, чем в 2019 г., тогда как общемировой приток за данный период снизился на 2% до 1,3 трлн долл. [28].

Присоединение новых стран к интеграционному объединению стран БРИКС, многие из которых уже являются участниками таких важных политических и экономических объединений, как ОПЕК, Панарабская зона свободной торговли, МЕРКОСУР, Совет сотрудничества стран Персидского залива, Африканская континентальная зона свободной торговли и АСЕАН, имеет множество значимых последствий: дополнительные экономические возможности и политическое влияние. Участие в этих объединениях позволит странам БРИКС не только проникнуть на новые рынки, но и укрепить свои экономические и политические позиции. Как отмечают эксперты, включение новых стран-членов увеличит совокупный ВВП до 37,4% от мирового ВВП, что значительно превосходит совокупный ВВП Группы Семи равный 29,3% [8, с.78].

Учитывая мировые практики развития промышленности и применения мер государственной поддержки в рамках интеграционных объединений, а также независимость стран в проведении национальной промышленной политики, возможный подход к дальнейшему развитию промышленной политики БРИКС и её переходу от «координированно» к «согласованной», предполагающей гармонизацию

правового регулирования может быть отражен следующим образом (рис.3). Опыт Европейского союза свидетельствует, что ПП должна базироваться на взаимодополняющих проектах и инициативах, включающих инвестиционную и энергетическую политику, создание общих рынков, цифровизацию и усиление регуляторной среды, что способствует стимулированию частных инвестиций в технологическое развитие и цифровизацию бизнеса.

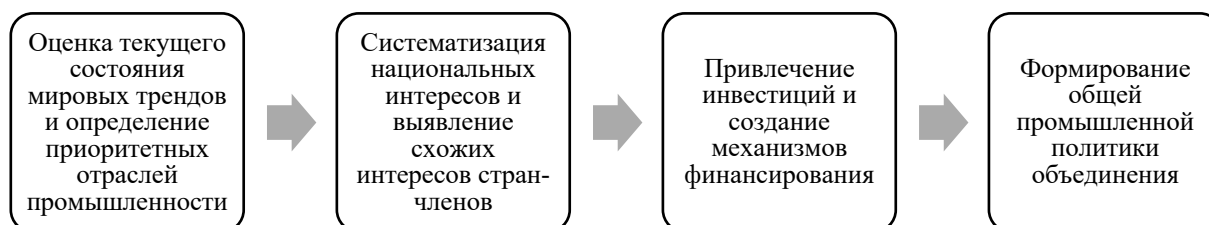

Рис. 3. Направления развития промышленной политики в рамках БРИКС

Современные глобальные тенденции развития промышленности включают переход к низкоуглеродной экономике и развитию «зеленых» отраслей, а также ускоренную цифровую трансформацию производства. Выявленные ключевые интересы для стран БРИКС в сфере промышленности можно представить следующим образом: содействие продвижению товаров стран БРИКС на внешние рынки; стимулирование инновационной деятельности частного сектора; повышение инвестиционной привлекательности группировки; развитие малого и среднего бизнеса (МСП) в странах БРИКС. Например, в странах ОЭСР доля МСП превышает 90% предприятий и генерирует до 70% рабочих мест, в то время как ВВП развитых стран доля МСП достигает 60%, в РФ более 20% [13, с.35]. Таким образом, МСП способствует инновациям и освоению новых рынков, стимулируя промышленный рост в международном объединении. На основе этих интересов, ПП стран БРИКС может быть ориентирована на укрепление внутреннего сотрудничества, усиление технологической базы и развитие совместных инициатив, направленных на достижение долгосрочного экономического роста.

Выводы. Выявлено, что международное промышленное сотрудничество в рамках интеграционных объединений играет ключевую роль в экономическом взаимодействии стран, поддержке технологического прогресса и стимулировании взаимных инвестиций. Барьеры промышленной политики в рамках интеграционного объединения требуют дальнейшей работы по устранению законодательных и регуляторных барьеров, улучшению финансовой поддержки, а также повышению координации между научно-исследовательскими и производственными структурами стран БРИКС. Для успешной реализации потенциала промышленного сотрудничества БРИКС необходимо активизировать научно-техническое и инвестиционное сотрудничество, улучшить инфраструктурные проекты и продолжить работу над созданием единого промышленного пространства, что усилит позиции стран на глобальных рынках и обеспечит устойчивый экономический рост.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вардомский Л. Б. Евразийское экономическое сообщество: особенности и проблемы развития/ Л. Б. Вардомский, Е. М. Кузьмина, А. В. Шурубович //Проблемы прогнозирования. – 2005. – №. 6. – С. 116-132.

2. Воронков, Л. С. Международные организации: основные причины их возникновения и развития / Л. С. Воронков // Вестник МГИМО Университета. – 2015. – №. 4 (43). – С. 102-110.
3. Гурский, В. Л. Концептуально-методологические основы развития механизма формирования согласованной промышленной политики интеграционного объединения / В. Л. Гурский // Сацьяльна-эканамічны і прававыя даследаванні. – 2017. – Т. 2. – С. 152-171.
4. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176> (Дата обращения: 02.11.2024).
5. Ефимова, Е. Международный трансфер технологий и механизмы его регулирования / Е. Ефимова // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 57. – С. 34-37.
6. Ибрагимова, Р.С. Развитие научно-технологического и промышленного сотрудничества как основа технологического и экономического лидерства стран БРИКС/ Р. С. Ибрагимова // БОЛЬШАЯ ЕВРАЗИЯ. – 2024. – С. 208-212.
7. Камалян, А.К. Промышленная политика Евразийского экономического союза / А.К. Камалян, Л.В.Цыбульник // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – №. 11. – С. 28-40.
8. Кашуро, И. А. Научно-технологическое сотрудничество стран БРИКС на современном этапе/ З. Е. Ступенькова, И. А. Кашуро // Вестник Московского университета. – 2024. – №. 3. – С. 74-84.
9. Леонова, О. Г. Расширение БРИКС и его геополитические последствия/ О. Г. Леонова // Россия и современный мир. – 2024. – №. 2 (123). – С. 55-71.
10. Мастепанов, А.М. Энергетическое сотрудничество стран БРИКС: история и перспективы / А.М. Мастепанов // Энергетическая политика. – 2024. – С. 1-15.
11. Назарова, Р., Перспективное развитие промышленной кооперации между странами / Р. Назарова, Ж. Жаргай // Зеленая экономика и развитие. – 2023. – Т.1. – С. 1212-1217
12. Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. - URL: <http://kremlin.ru/supplement/1643> (Дата обращения: 02.11.2024).
13. Пенькова, К. В. Актуальные проблемы кредитования малого и среднего бизнеса и пути их решения / К. В. Пенькова, В. А. Тимохина // Актуальные вопросы современной экономики. – 2018. – № 1. – С. 35-38.
14. Пономарева, О. В. Перспективы промышленной кооперации стран БРИКС в рамках новых трендов развития ГЦДС / О. В. Пономарева // Международная экономика. – 2021. – №. 6. – С. 408-425.
15. Растопчина, Ю.Л. Промышленное развитие и сравнительный обзор специализаций стран БРИКС / Ю.Л. Растопчина, Е.И. Ковалева, А.Д. Жуковский // Международная торговля и торговая политика. – 2024. – Т. 10. – С.1-17.
16. Савинов, Ю. А. Развитие промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – №. 5. – С. 54-78.
17. Соловьёва, Ю. В. Трансферт технологий стран БРИКС: проблемы и перспективы / Ю. В. Соловьёва // Экономический журнал. – 2015. – №. 4 (40). – С. 85-96.
18. Сунь, Л. Эволюция сущности международного промышленного сотрудничества / Л. Сунь, Е. С. Матерова // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2023. – № 8(226). – С. 26-34.
19. Тебекин, А. В. Глобальные тренды научно-технологического и инновационного развития и их восприятие странами БРИКС / А. В. Тебекин // Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС. – 2023. – С. 224-226.
20. Тепловодский, М. Н. Особенности промышленной политики стран БРИКС / М. Н. Тепловодский // Вестник МГИМО-Университета. – 2024. – С. 1–12.
21. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. - URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication-2024.pdf> (дата обращения 02.11.2024)
22. Шилец, Е. С. Роль Российской Федерации в энергетической безопасности стран БРИКС / Е. С. Шилец, А. Н. Бойко, О. В. Клочкова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2020. – №. 3(78). – С. 122-129.
23. Шортанов, Р.А. Перспективы привлечения инвестиций в российский топливно-энергетический комплекс из стран БРИКС / Р.А. Шортанов // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 6. – С. 75 - 79.
24. Cochrane, L. Shifting global dynamics: an empirical analysis of BRICS+ expansion and its economic, trade, and military implications in the context of the G7/ L. Cochrane, E. Zaidan // Cogent Social Sciences. – 2024. – Т. 10. – №. 1. – С. 233-253.
25. Cooper, C. A. Toward a general theory of customs union for developing countries / C. A. Cooper, B. F. Massell // The Journal of Political Economy. – 1965. – №. 5. – P. 461-476.

26. Kazelko, A. Expansion of BRICS: Implications for global energy markets/ Kazelko. A., Semeghini. U. // BRICS Journal of Economics. – 2024. – №. 5(1). – С. 53–67.

27. Kodolova, T. A. Industrial cooperation in mechanical engineering as a tool of innovative orientation of economic development / T. Kodolova, L.A. Suvorova // Advances in Economics, Business and Management Research. – 2020. – P. 457–461.

28. UNCTAD [Электронный ресурс] URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf (дата обращения 02.11.2024)

29. WIPO [Электронный ресурс] URL: <https://www.wipo.int> (дата обращения 02.11.2024).

30. World Bank Group [Электронный ресурс] URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения 02.11.2024)

Поступила в редакцию 02.11.2024 г.

INTERNATIONAL INDUSTRIAL COOPERATION: THE EXPERIENCE OF THE BRICS COUNTRIES

L. V. Shabalina, V. V. Spineva

The article analyzes the main indicators of industrial cooperation between the BRICS countries. Barriers to integration are considered and measures to overcome them are proposed, including strengthening scientific and technical cooperation, modernization of infrastructure and adaptation of industrial policy to global trends in digitalization and low-carbon economy. The directions of industrial policy development within the framework of the BRICS countries are proposed, including: assessment of the current state of global trends and identification of priority industries; systematization of national interests and identification of similar interests of partner countries, attraction of investments and creation of financing mechanisms; formation of a common industrial policy of the association.

Keywords: international industrial cooperation; industrial cooperation; integration association; industry; innovation; foreign direct investment.

Шабалина Людмила Валериевна

кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом планирования социально-экономического развития территориальных систем

ГБУ «Институт экономических систем», г. Донецк

luda_2270@mail.ru

+7-949-309-93-61

ORCID 0000-0002-3621-6466

Шпинёва Виктория Вячеславовна

магистрант кафедры международная экономика

ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк

victoria223453@gmail.com

+7-949-332-01-78

Shabalina Lyudmila

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Planning of Socio-Economic Development of Territorial Systems

SRI «Institute of Economic Systems», Donetsk

Spineva Victoria

Master's student of the Department of International Economics

Donetsk National Technical University, Donetsk

УДК 332.146.2: 330.341
DOI 10.5281/zenodo.14283963

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ШОКОВ

© 2024. Г. А. Шавкун, А. А. Черноволова

С каждым днем цифровые технологии все глубже проникают в экономику государства, оказывая на нее разнонаправленное влияние. С одной стороны, положительное, выражающееся в ускорении и оптимизации бизнес-процессов, росте производительности труда, снижении издержек и т.д., а с другой – несет в себе угрозу роста структурной безработицы, которая способна вызвать сокращение ряда секторов экономики. Сегодня в России происходит радикальная цифровая трансформация и успех реализации федеральных программ предопределяется региональным уровнем готовности к цифровизации, где сконцентрирован центр внутренних сил. В работе проанализированы проблемы и перспективы развития цифровизации в России, сделана попытка сформировать новый инструментарий оценки ее уровня в региональном разрезе, а также предложена модель цифрового развития и стратегия регионального цифрового партнерства.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, регион, методика, критерий, региональное партнерство, цифровая трансформация, государственно-частное партнерство, стратегия.

Постановка проблемы. На сегодняшний день цифровые технологии открывают новые возможности, проникая в экономику государства и делая ее более конкурентоспособной, поэтому особое значение приобретает контроль и стимулирование этих процессов. Положительные эффекты от внедрения и тиражирования цифровых технологий состоят в ускорении и оптимизации бизнес-процессов, росте производительности труда и операционной эффективности, снижении издержек, повышении качества продукции, возможности их кастомизации и пр. На основе цифровых технологий и платформ создаются новые, более конкурентоспособные бизнес-модели и развиваются целые сегменты экономики, что безусловно стимулирует экономический рост.

Основной целью стратегического продвижения России в условиях враждебной риторики западных стран является достижение технологической независимости. Для этого государство должно поддерживать гармоничный баланс развития в контексте цифровых преобразований, чего можно достичь путем постоянного мониторинга уровня цифровизации. Следует подчеркнуть, что уровень цифровизации государства в значительной мере определяется разницей в уровне цифровизации между его регионами. В частности, результативность федеральных проектов зависит от того, насколько регионы готовы к переходу на цифровые технологии. При этом именно на региональном уровне происходит координация усилий внутри страны.

Анализ последних исследований и публикаций. Первое обсуждение цифровой экономики датировано серединой 90-х годов XX века, после того как Д. Тапскотт и Н. Негропonte опубликовали свои труды в 1994 и в 1995 годах соответственно. Д. Тапскотт фокусировался на возможностях, открывающихся с развитием интернета, а Н. Негропonte – на процессах преобразования аналоговой информации в цифровую и цифровизации индустрии медиа. Степень разработанности темы впоследствии была расширена множеством авторов, и на сегодняшний день она остается широко

обсуждаемой в научных кругах. Она привлекает внимание таких исследователей, как Т. Ф. Кузнецова [12], Т. А. Герасимова, Н. В. Москвитина [6], С. С. Хомякова [17] и др. [2, 4, 7] Острый академический интерес подчеркивает важность затрагиваемой в данном исследовании проблемы и необходимости ее дальнейшей разработки.

Выделение нерешенной проблемы. В условиях беспрецедентного санкционного давления цифровая трансформация (ЦТ) может стать катализатором роста конкурентоспособности Российской Федерации, что порождает необходимость рассмотрения и усовершенствования теоретико-методологических зон данной проблемы, а также определения перспектив бифуркации региональной цифровизации с позиции аккумуляции внутренних сил для развития государства.

Цель исследования заключается в разработке на основе анализа проблем цифровой трансформации и перспектив цифровизации экономики России механизма цифровых преобразований в разрезе региональных партнерств.

Результаты исследования. В научной литературе интерпретация термина «цифровизация» многообразна (табл. 1), что позволяет квалифицировать его как разностороннее явление, способное быть объектом рассмотрения с различных сторон.

Таблица 1

Определение термина «цифровизация»

Авторы	Определение
Кузнецова Т. Ф. [12]	преобразование отдельных предприятий или экономической отрасли в новые модели процессов, которые основаны на использовании информационных технологий;
Герасимова Т. А. Москвитина Н. В. [6]	процесс, включающий внедрение и использование инновационных технологий, а также принципы цифровой экономики в контексте социально-экономической жизни общества, сопровождающейся абсолютной автоматизацией, роботизацией и внедрением искусственного интеллекта;
Хомякова С. С. [17]	процесс, нацеленный на изменение процессов при активном внедрении цифровых технологий в социальной, экономической, медицинской и иных сферах жизни общества;
Загребин В. В. Серова Е. А. [7]	новая социальная реальность, которая несет в себе постепенное вытеснение всех аналоговых объектов, систем и процессов в экономике, культуре и обыденной жизни индивида;
Ананьин В. И. [2]	система взаимосвязанных методов и способов сбора, хранения, накопления, поиска, обработки информации на основе применения средств вычислительной техники.

Анализ исследований показал, что строго очерченное определение отсутствует, поскольку корневой смысл понятия «цифровизация» смежен с различными процессами и обстоятельствами. По этой причине разные авторы выделяют равноправные между собой понятийные категории, что делает их в комплексе полноценными смысловыми конструкциями.

Процесс цифровизации экономики, как механизм внедрения цифровых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в экономическую систему, предопределяет будущее её состояние – цифровую экономику (ЦЭ), и вовлекает в свою орбиту практически все значимые элементы современного мира. ЦЭ является своего рода магистральным технологическим и социально-экономическим трендом в последние годы. Ее сущность основывается на конвергенции цифровых технологий таких, как искусственный интеллект (ИИ), интернет вещей и межмашинное взаимодействие, облачные вычисления, робототехника, цифровое проектирование, цифровые двойники и др.

По данным Минцифры России, наибольшая доля внутренних затрат организаций на ЦТ по видам деятельности характерна для: телекоммуникаций (25,7%), ИТ (23,3%), финансового сектора (7,7%), профессиональной и научно-технической деятельности (2,8%), ритейла (1,8%) и обрабатывающей промышленности (1,4%) [8].

Подобным преобразованиям предшествовал ряд специфических событий. Одним из триггеров для ускоренного процесса цифровизации стала пандемия COVID-19. Изменения бесповоротно модифицировали структуру экономических процессов во всем мире и в России, в частности. Кризис задал безальтернативный вектор сокращения, сжатия и потери позиций, что требовало новых быстрых реакций и пересмотр существующей модели бизнеса.

Введенные против России экономические санкции, включающие ограничения на поставки высокотехнологичной продукции и временное прекращение деятельности на российском рынке множества иностранных компаний, ставят под угрозу развитие триады сквозных технологий, лежащих в основе ЦТ, – искусственного интеллекта, интернета вещей и сетей связи пятого поколения (5G). В частности, для развития искусственного интеллекта необходимы вычислительные мощности – суперкомпьютеры, при создании которых используются графические ускорители NVIDIA, Intel, AMD. Эти компании заявили о приостановке поставок в Россию [18]. Однако, согласно указу Президента России от 21.07.2020 г., ЦТ является одной из национальных целей до 2030 г. [15]. В табл. 2 представлены показатели ЦТ России по состоянию на 2023 г.

Таблица 2

Показатели ЦТ российской экономики в 2023 году [3]

Индикатор	План	Факт
Уровень достижения цифровой зрелости, %	64,2	74,7
Доля массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, %	85	100,0
Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету, %	85	86,4
Вложения в отечественные ИТ-решения, %	181,0	209,2

Фактический показатель достижения цифровой зрелости 2023 г. превышает плановый на 10,5 п.п., что указывает на опережающую динамику развития. Доля массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, составила 100%, а доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к Интернету, выросла на 1,4 п.п.

Еще с 2014 г. правительство страны инициировало программы по импортозамещению и к настоящему времени уже появились некоторые наработки, которые не уступают западным прототипам, альтернативы: для операционных систем Windows и Linux – Astra Linux, AlterOS, Alt Linux, POCA Linux; для пакета программ Microsoft Office – AlterOffice [16].

Учитывая вышеизложенное, отметим, что муниципальные и региональные органы власти находятся в общей вертикали, поэтому реализуют те же программы, что и федеральные. На уровне каждого субъекта принята программа цифровизации, ключевая задача которой встроиться в общефедеральную информационную структуру, организовать аналогичную систему обработки информации и протоколы взаимодействия между ведомствами и субъектами. Таким образом, крайне важно на региональном уровне поддерживать реализацию федеральных инициатив и соответствующие приоритеты, включая направленные на устранение коррупции, развитие честной конкуренции через блокчейн технологии и правовую основу.

Анализ подходов к оценке уровня цифровизации в государстве позволил сделать вывод о их разнообразии и неоднородности, а также выделить ключевые критерии (табл. 3), которым должна соответствовать методика и предложить свое видение данного процесса.

Таблица 3

Сравнение соответствия методик оценки уровня цифровизации требованиям*

Методика	Критерий					
	Доступность данных	Ясность	Объективность	Валидность	Полнота	Достоверность
Индекс «Цифровая Россия» (Сколково)	+/-	-	+	+	+/-	+
Индекс цифровизации отраслей экономики и социальной сферы (НИУ ВШЭ)	-	-	+/-	+	+/-	+
Расчет интегрального показателя оценки уровня развития цифровой инфраструктуры региона (А. В. Козлов)	+/-	+	-	+/-	+/-	+/-
Оценка цифровых экосистем регионов (В. В. Степанова, А. В. Уханова, А. В. Григоришин и Д. Б. Яхяев)	-	-	+	+	+	+/-
Индекс I-DESI (С. Н. Бобылев, В. С. Тикунов, О. Ю. Черешня)	-	-	+/-	+/-	+/-	+/-

*составлено авторами по данным: [4, 10, 11, 13, 14].

Предлагаемая методика выстраивается вокруг центральных понятий, через которые выражается сущность цифровизации. В целях оптимизации круг влияющих факторов был сужен до трех основных индикаторов: цифровое участие (digital participation – DP), цифровое потребление (digital consumption – DC), цифровые навыки (digital skills – DS), которые не являются ортодоксальными, они могут выражаться через ряд смежных категорий, включающихся в смысловой аппарат данных блоков. Для большей полноты и детализации исследования, рекомендуется расширять перечень параметров. В данной исследовании были отобраны основные факторы, в которых цифровое участие выражается через количество занятых в ИТ-секторе, потребление – через фактические расходы региона на ИКТ, навыки – через долю домохозяйств, имеющих доступ к интернету.

Поскольку ключевая преследуемая цель разрабатываемой методики – адаптивность, то основное звено математического аппарата выстраивается вокруг усредненных значений. В этой связи, испытываемая выборка может претерпевать аномалии или «выбросы» из общей совокупности, которые искажают результаты средних, т.е. следует проверить выборку на аномальность посредством создания диаграммы рассеяния, приведенной на рисунке 1. Для того чтобы убедиться в верности визуальной перцепции, был задействован метод отбраковки посредством средней квадратической погрешности S (или эмпирический стандарт), используя следующую формулу [1]:

$$S = \left(\sum_{i=1}^N \frac{(y_i - y_{\text{ср}})^2}{N-1} \right)^{0,5}, \quad (1)$$

где y_i – значение переменной, $i=1 \dots N$;
 $y_{\text{ср}}$ – среднее значение переменной y ;
 N – текущий номер измерений.

Далее, определялась абсолютная величина разности между значением Y и средним значением \bar{Y} по формуле:

$$y_{\text{ср}} = \frac{(y_1 + y_2 + \dots + y_N)}{N} = \frac{1}{N} * \sum_{i=1}^N y_i \quad (2)$$

Полученное значение разделили на эмпирический стандарт. В данном случае подобными выбросами оказались г. Москва, Московская область и Санкт-Петербург которые были исключены и по умолчанию считались лидерами (рис. 1).

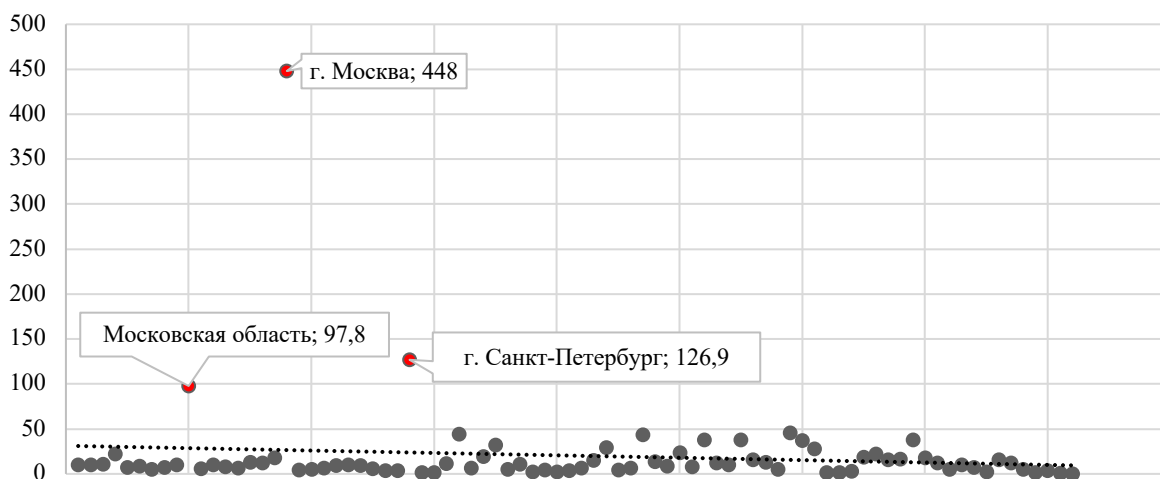

Рис. 1. Диаграмма рассеяния

Краткий алгоритм расчета уровня региональной цифровизации представлен на рисунке 2.

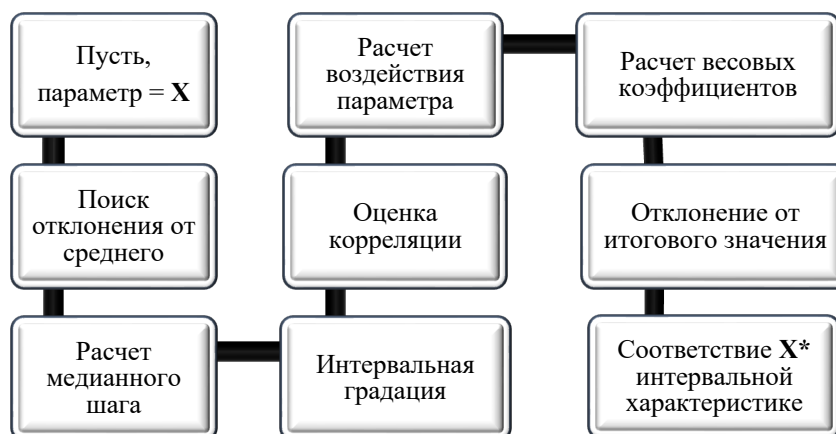

Рис. 2. Алгоритм расчета оценки уровня цифровизации (авторская разработка)

Анализируемый параметр представлялся как X , далее определялось абсолютное отклонение от среднего, экстремумы отклонений, медианный шаг, присваивался балл. Верность построения системы присвоения баллов была оценена через коэффициент корреляции. Было определено параметрическое воздействие на формирование итогового балла в региональном разрезе. Описанный алгоритм за счет гибкости

вычислительных действий и учета индивидуальности выборки формирует соблюдение таких требований к методике, как простота и объективность.

Фрагмент расчета для индикатора цифрового участия представлен в табл. 4. Аналогичным образом, согласно алгоритму, были рассчитаны остальные индикаторы и в конечном счете сформирована итоговая таблица с региональным распределением уровня цифровизации.

Таблица 4

Фрагмент расчета DP-параметра*

№ п/п	Субъект	Фактические расходы на ИКТ, млн. руб.	Абсолютное отклонение	Балл
1	Чукотский автономный округ	0,5	-11,986076	1
2	Еврейская автономная область	1	-11,486076	1
3	Республика Алтай	1,3	-11,186076	1
4	Республика Тыва	1,4	-11,086076	1
5	Магаданская область	1,6	-10,886076	1
6	Республика Адыгея	1,9	-10,586076	1
7	Республика Калмыкия	1,9	-10,586076	1
8	Республика Ингушетия	2,1	-10,386076	1
9	Карачаево-Черкесская Республика	2,2	-10,286076	1
10	Камчатский край	2,2	-10,286076	1
11	Республика Хакасия	3,3	-9,1860759	1
12	Новгородская область	3,4	-9,0860759	1
13	Республика Северная Осетия-Алания	3,4	-9,0860759	1
14	Псковская область	3,6	-8,8860759	1
15	Сахалинская область	3,8	-8,6860759	1
...
79	Свердловская область	45,8	33,3139241	3
Всего		986,4	0	118
Среднее значение		12,48	0	1,49
Максимальное значение отклонения		33,31392405		
Минимальное значение отклонения		-11,98607595		
Медианный шаг		10,66392405		

*авторская разработка.

На основании проведенного анализа были выделены регионы-лидеры по уровню развитости цифровых процессов, в первую тройку которых вошли: Приморский край, Краснодарский край, Республика Татарстан. Центральная проблема цифрового развития Российской Федерации заключается в отсутствии определенности стратегического развития некоторых регионов с учетом цифровой трансформации (ЦТ). Вызывает трудности неравномерный региональный процесс реализации Программы развития цифровой экономики России, что формирует разрыв в уровнях цифрового развития регионов. Поэтому, требуется ряд решений, обеспечивающих индивидуальную плавность перевода региональной экономики в цифровую плоскость с учетом цифровой готовности конкретного региона. Среди основных проблем развития ЦЭ РФ эксперты Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) также выделяют: низкий уровень цифровой грамотности (4% населения имеют начальный уровень); недостаточный уровень навыков по цифровой безопасности населения; замедление роста цифровых компетенций, объясняя последние переориентацией в другие сферы жизни [9].

К числу проблем также относится вопрос безопасности данных (ИБ). Так, аналитики компании «СерчИнформ» в отчетах по изучению уровня информационной безопасности в

компаниях РФ, отмечают, что в 2023 г. с инцидентами ИБ столкнулись 69% компаний, для обеспечения должной защиты 39% ИТ-компаний увеличивают бюджет на ИБ, но больше половины бюджет не меняли. Недостаточная система безопасности способствует увеличению экономических преступлений, поэтому введение ЦЭ должно идти параллельно с подготовленной системой безопасности [5].

Помимо вышеуказанных проблемных зон, маршрут к цифровым преобразованиям преграждают санкции. В 2022 г. во всех сегментах российского рынка цифровых технологий произошли сдвиги. Вследствие ограничений на ИКТ-импорт и ухода западных вендоров с российского рынка сократилось предложение, возникли риски падения внутреннего спроса, сжатия ИТ-бюджетов организаций и затрат населения. Сформировались предпосылки для ухудшения качества ЦТ. Позитивным фактором представляется ожидаемая активизация российских разработок цифровых решений и импортозамещающего производства в сфере ИКТ.

Для решения рассмотренных проблем, были синтезированы возможные мероприятия, призванные минимизировать силу воздействия негативных факторов, представленные в таблице 5.

Таблица 5

Проблемы цифровизации РФ и пути решения*

Проблема	Решение
Региональная дифференциация	- региональные партнерства; - предоставление права регионам на издание актов, упрощающих те или иные решения в рамках национальной стратегии; - измерение индекса цифровой готовности регионов.
Низкий уровень цифровой грамотности	- формирование образовательных ресурсов в области цифровой грамотности и ИТ; - расширение сети Центров общественного доступа; - проведение мероприятий, направленных на повышение знаний и умений населения по безопасному и эффективному использованию ЦТ; - профессиональная переподготовка кадров.
Информационная безопасность	- администрирование со стороны государства; - развитие систем защиты информации; - защита серверов от кибер-атак; - продвижение биометрических технологий защиты. - использование электронных цифровых подписей.
Санкционное давление	- государственная поддержка отечественного инновационного бизнеса; - льготные условия работы промышленных кластеров; - импортозамещение; - переориентация сотрудничества на другие страны.

*авторская разработка.

Значимость региональной цифровой готовности предопределяет успех реализации федеральных программ, что является предпосылкой предположения о том, что на региональном уровне сконцентрирован центр внутренних сил для решения проблем ЦТ.

Россия активно стимулирует цифровые процессы, правительственными органами выделяется широкий спектр мероприятий, приближающих государство к высокому показателю цифровизации и позволяющих оптимизировать ряд процессов. В этой связи, видится целесообразным моделирование новой типовой формы стратегии, отражающей аспекты, лежащие в основе реализации ЦТ, акцентирующей внимание на отдельных вопросах и открывающей новый горизонт взаимодействий (рис. 3). Предлагаемая модель цифрового развития России выстраивается вокруг ключевых «спаек» цифровых взаимодействий. Государство, выступающее в лице публичного партнера,

взаимодействует с субъектом хозяйствования (частным партнером) в разрезе цифровизации по двум параллелям. Синхронно, вводится понятие «связка», представляющая комбинацию участников модели и описывающая характер их взаимодействия. Связка «государство – субъект хозяйствования» выражается в таких способах цифрового взаимодействия: выход в сектор общественных услуг; реализация инновационных проектов; автоматизация производства, сокращение издержек; разделение риска и затрат с публичным партнером.

Связка «субъект хозяйствования – государство» происходит через такие способы коммуникации: заимствование кадров, техники и технологии из частного сектора; разделение затрат и рисков с частным партнером; возможность цифровой технологии обеспечения информацией; развитие автоматизированных информационных систем в целях улучшения качества потоков информации. Указанные параллели пролегают через региональную ось, которая выражается в муниципально-частном партнерстве. В рамках регионального взаимодействия выделяются следующие цифровые маршруты: развитие региональных концепций цифровизации, цифровых стратегических партнерств, формирование цифровой экосистемы, программы цифрового развития, развитие внутренних центров цифровых компетенций.

Рис. 3. Модель цифрового развития РФ (авторская разработка)

В разрезе цифровых маршрутов выделяются региональные цифровые партнерства. Их смысл заключается в обеспечении высокой перекликаемости внедрения цифровых технологий между регионами, создании так называемых «цифровых мостов», а также в поиске путей взаимодействия посредством совместной реализации цифровых проектов и формирования идеи кураторства. Контрастность статусов регионов вводит их в новый формат отношений «регионов-спутников». В рамках исследуемой темы была разработана стратегия цифровизации, основанная на региональном партнерстве (рис. 4).

Алгоритм цифрового сотрудничества начинается с поиска цифрового партнера по критерию противоположного уровня цифровизации. Сформированная во втором разделе методика оценки уровня цифровизации регионов России позволила выделить ключевые «регионы-лидеры» и менее развитые регионы. Данная дихотомия может запустить рычаг

цифрового партнерства, в котором оба участника будут иметь свои выгоды. Для региона-лидера: обмен информацией, возможность наращивания цифровой мощности, осуществление НИОКР, координация усилий. Для региона-аутсайдера преимущества: доступ к новым технологиям, распределение рисков, цифровое развитие, внедрение инноваций.

В рамках запуска цикла цифровой интеграции определяются приоритетные направления и пути сотрудничества. Последние находятся в зоне кластеров цифрового партнерства, представляющие собой направления потенциальных проектов. Далее определяются целевые показатели, устанавливаются сроки и назначаются ответственные лица. При реализации стратегии необходимо обеспечивать контроль за ходом осуществления и в завершении оценить результаты путем сопоставления их с целевыми значениями. Далее делается вывод, относительно достижения/недостижения цели. Если цели достигнуты, оба региона довольствуются общим прогрессом и цикл можно возобновлять, если нет – анализ причин и пересмотр путей взаимодействия.

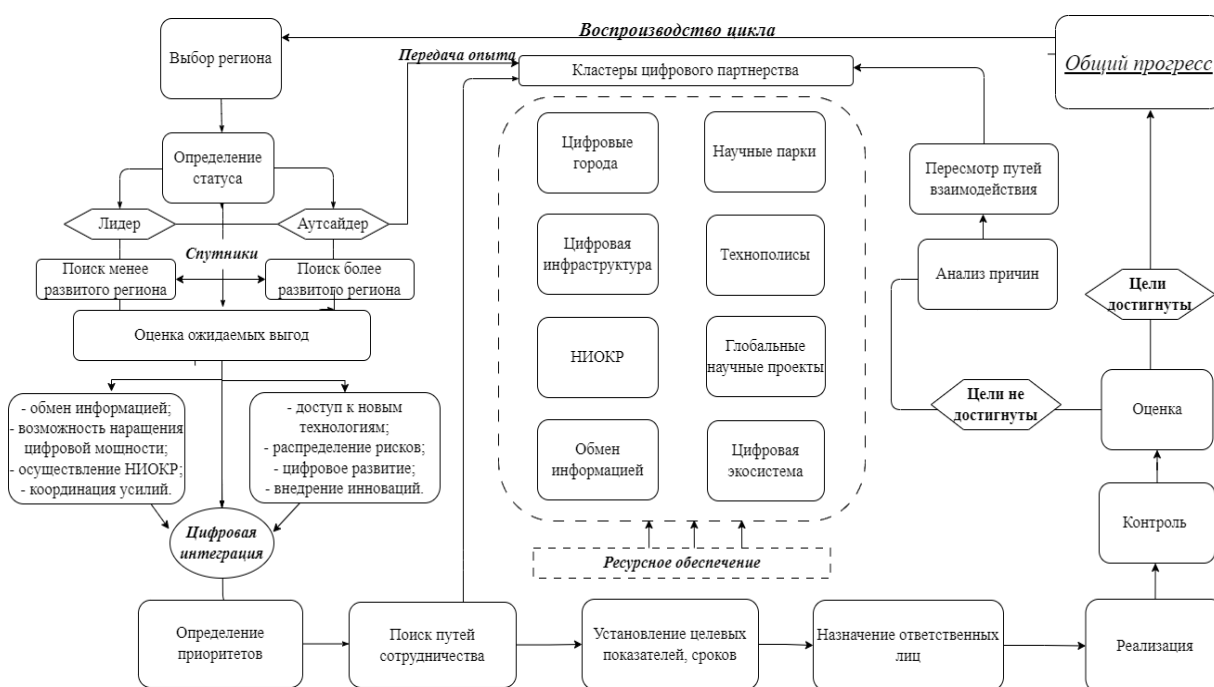

Рис. 4. Стратегия регионального цифрового партнерства (авторская разработка)

Выводы. Обобщение исследований макроэкономических эффектов цифровизации позволяет утверждать, что данный процесс способен оказывать как положительное, так и отрицательное влияние, причем первое превалирует и заключается в ускорении и оптимизации бизнес-процессов, повышении эффективности труда, снижении затрат и т.д. Подчеркнем, что на сегодняшний день ЦЭ из стратегического приоритета для государств превращается в реальность для бизнеса, муниципалитетов и населения.

Отсутствие в научном поле алгоритма расчета, который полностью соответствовал бы требованиям, выдвигаемым к методикам оценки уровня цифровизации в государстве, послужило основанием для представления авторского видения данного вопроса и выделение регионов-лидеров по уровню развитости цифровых процессов посредством предложенной методики.

Созданные модель цифрового развития РФ и стратегия регионального цифрового партнерства направлены на формирование новых вершин и возможностей цифровизации, успешные результаты которых представляется возможным имплантировать в стратегии менее развитых в области цифровизации регионах. Это также позволит сгладить региональную неоднородность цифровизации. В условиях беспрецедентного санкционного давления региональная цифровизация будет способствовать аккумуляции внутренних сил для развития России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Алехнович А.Н. Обработка результатов опытов (справочное пособие) / А.Н. Алехнович. – Челябинск: ЧФПЭИпк, 2013. – 76 с.
- 2.Ананьин В.И. Реальное время управления предприятием в условиях цифровизации / В.И. Ананьин // Бизнес-информатика. – 2019. – №13. – С.7-17.
- 3.Белая книга цифровой экономики 2023 [Электронный ресурс] / В.Ю. Сырцева, А.А. Забавина, В.С. Залюбовин, и др. – Москва: Минцифры, 2024. – URL: https://files.data-economy.ru/Docs/White_Paper_2023.pdf (дата обращения: 10.11.2024).
- 4.Бобылев С.Н. Уровень развития цифровой экономики в регионах России / С.Н. Бобылев, В.С. Тикунов, О.Ю. Черешня // Вестник Московского университета. – 2018. – №5. – С. 27-35.
- 5.В каждой пятой российской ИТ-компании сотрудники плохо знают основы ИБ [Электронный ресурс] / Официальный сайт ГК «РосБизнесКонсалтинг». – URL: <https://companies.rbc.ru/news/54hkjYwi5m/v-kazhdoj-pyatoj-rossijskoj-it-kompanii-sotrudniki-ploho-znayut-osnovy-ib/?ysclid=lsnf8u2o6224793199> (дата обращения: 30.10.2024).
- 6.Герасимова Т.А. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» / Т.А. Герасимова, Н.В. Москвитина / Социальная реальность виртуального пространства: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: ИГУ, 2019. – С. 310-315.
- 7.Загребин В.В. Процесс цифровизации в условиях глобальной неопределённости / В.В. Загребин, Е.А. Серова // Возможности и угрозы цифрового общества: материалы конференции / под ред.: А.В. Соколова, А. А. Фролова. – Ярославль: Изд-во ООО «Цифровая типография», 2020. – 243 с. – С. 79-84.
- 8.Затраты на развитие цифровой экономики в 2023 году. Экспресс-выпуск [Электронный ресурс] / Официальный сайт ВШЭ. Институт статистических исследований и экономики знаний. – URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/984374133.pdf?ysclid=m3vl6wdtbc2471266> (дата обращения: 20.11.2024).
- 9.Индекс цифровой грамотности-2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций [Электронный ресурс] / Официальный сайт аналитического центра НАФИ. – URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti> (дата обращения: 20.11.2024).
- 10.Индекс цифровизации отраслей экономики и социальной сферы [Электронный ресурс] / Официальный сайт ВШЭ. Институт статистических исследований и экономики знаний. – URL: <https://issek.hse.ru/news/783750202.html?ysclid=lskj9vc0lo946436682> (дата обращения: 20.10.2024).
- 11.Козлов А.В. Метод определения уровня развития цифровой инфраструктуры региона с применением аппарата нечетких множеств на примере Мурманской области / А.В. Козлов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2020. – № 1(67). – С. 106-117.
- 12.Кузнецова Т.Ф. Цифровизация как культурная ценность и цифровые технологии / Т.Ф. Кузнецова // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. –№5. – С. 3-13.
- 13.Методология расчета индекса «Цифровая Россия» субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – URL: <https://eee-region.ru/articletop/regionalnaya-ekonomika/regionalnaya-ekonomicheskaya-politika/metodologiya-rascheta-indekса-tsifrovaya-rossiya-subyektov-rossijskoj-federatsii/?ysclid=lsko Byzwfn775038113> (дата обращения: 20.10.2024).
- 14.Степанова В.В. Оценка цифровых экосистем регионов России / В.В. Степанова, А.В. Уханова, А.В. Григоришин, Д.Б. Яхьяев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2019. – №2. – С. 73-89.

15. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] / Официальный сайт справочно-правовой системы «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/74404210/?ysclid=lski24g8yy583556071> (дата обращения: 01.11.2024).

16. Хватов А.А. Влияние санкций на развитие информационных технологий в России [Электронный ресурс] / А.А. Хватов, А.Ю. Деревянкин // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – №1. – URL: <https://esj.today/PDF/60FAVN123.pdf?ysclid=ismjhjl8ak266708806> (дата обращения: 20.10.2024).

17. Хомякова С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне / С.С. Хомякова // Молодой ученый. – 2019. – № 41(279). – С. 9-12.

18. Эксперты оценили угрозу санкций для цифровой трансформации России [Электронный ресурс] / Официальный сайт ГК «РосБизнесКонсалтинг». – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/04/2022/62681d139a7947266b64cd9e?ysclid=ls7dstgemp169838015 (дата обращения: 20.10.2024).

Поступила в редакцию 26.11.2024 г.

THE DIGITAL ECONOMY AS A FACTOR IN ENSURING RUSSIA'S ECONOMIC RECOVERY IN THE FACE OF EXTERNAL SHOCKS

G. A. Shavkun, A. A. Chernovolova

Every day, digital technologies penetrate deeper into the economy of the state, exerting a multidirectional influence on it. On the one hand, it is positive, expressed in accelerating and optimizing business processes, increasing labor productivity, reducing costs, etc., and on the other hand, it carries the threat of an increase in structural unemployment, which can cause a reduction in a number of sectors of the economy. Today, a radical digital transformation is taking place in Russia and the success of the implementation of federal programs is predetermined by the regional level of readiness for digitalization, where the center of internal forces is concentrated. The paper analyzes the problems and prospects of digitalization development in Russia, attempts to form a new toolkit for assessing its level in the regional context, and also proposes a model of digital development and a strategy for regional digital partnership.

Keywords: digitalization, digital economy, region, methodology, criterion, regional partnership, digital transformation, public-private partnership, strategy.

Шавкун Галина Афанасьевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международной экономики
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк
Galina.Shavkun@mail.ru
+7-949-460-78-24
ORCID 0000-0002-0401-7163

Черноволова Анжелика Андреевна

специалист по бухгалтерскому учету (аутсорсинг), г. Донецк
anz-hell@mail.ru
+7-949-491-96-11

Shavkun Galina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Donetsk National Technical University, city Donetsk

Chernovolova Angelica

Accounting specialist (outsourcing), city Donetsk

УДК 339.9:334.012
DOI 10.5281/zenodo.14236720

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

© 2024. Н. В. Юрова, А. В. Орлова

Статья раскрывает теоретические основы международного женского предпринимательства, его сущность, субъекты, уровни. Международное женское предпринимательство представлено в системе международных экономических отношений. Отдельное внимание уделено поддержке интернационализации женского предпринимательства и возникновению на его основе нового явления – международного женского предпринимательства. Показана роль международного женского предпринимательства в устойчивом развитии мировой экономики. Доказана необходимость поддержки интернационализации женского предпринимательства на национальном и международном уровне.

Ключевые слова: мировая экономика; устойчивое развитие; женское предпринимательство; международное предпринимательство; международное женское предпринимательство.

Постановка проблемы. В современной мировой экономике, характеризующейся стремлением ее участников к обеспечению устойчивого развития, складываются отношения в новых областях, отличающихся охватом всех его фундаментальных измерений (социальное измерение, экологическое измерение, экономическое измерение). Обусловленная процессами глобализации и международного разделения труда интернационализация предпринимательства и рост глобального интереса к достижению гендерного равенства способствовали выходу женского предпринимательства на международный уровень. Вопросы участия женщин в предпринимательстве перестают быть сугубо национальными и проявляются на глобальном уровне, все чаще женское предпринимательство рассматривается как новая точка роста мировой экономики. В этом контексте международные экономические отношения становятся важной средой развития женщин-предпринимателей. Признание негативного влияния гендерного разрыва в предпринимательстве на развитие экономики, в том числе, мировой, повлекло включение вопросов поддержки женского предпринимательства в деятельность многих организаций и ассоциаций различного уровня и масштаба (ООН, МТЦ, МФК, МОТ и др.). Решая актуальные задачи, среди которых доступ к капиталу, знаниям, бизнес-сетям, они нацелены на поддержку расширения женского предпринимательства за пределы национальных границ – его интернационализацию.

Среди современных тенденций развития мировой экономики правомерно назвать также ее регионализацию и усиление многополярности, что выражается в углублении экономических связей внутри организаций интеграционного или международного характера (например, ЕАЭС, ШОС) и укреплении экономических блоков развивающихся стран (например, БРИКС). Создаются благоприятные условия для развития международной торговли внутри межгосударственных объединений. Вместе с этим, для современной мировой экономики характерны кризисные и деструктивные явления, например, стагнация и санкционное давление на отдельные страны, что формирует барьеры для развития международной торговли. Это особенно актуально для экономик Республики Беларусь и Российской Федерации и ставит во главу угла укрепление межгосударственных связей между нашими странами, в том числе,

экономических, способных противостоять возникающим угрозам и нивелировать недоступность ряда зарубежных рынков. Это создает предпосылки для использования возможностей экономического сотрудничества в рамках межгосударственных союзов, членами которых являются Республика Беларусь и Российская Федерация, в принципиально новых областях, к которым относится женское предпринимательство.

В последнее десятилетие женское предпринимательство стало важной частью глобального бизнеса. По данным Глобального мониторинга предпринимательства около 400 млн. женщин по всему миру вовлечены в предпринимательство, и с каждым годом предпринимательская активность женщин увеличивается [1]. Причем, пятая часть из них нацелена в своей деятельности на международные рынки.

В настоящее время женское предпринимательство имеет значительный потенциал в целях развития как национальной, так и мировой экономики. Создание условий для его роста и развития становится одной из приоритетных региональных и глобальных задач, что требует понимания происходящих процессов участия женщин в предпринимательстве.

Анализ последних достижений и публикаций. Теоретические аспекты женского предпринимательства рассматриваются в работах как зарубежных авторов, так и исследователей на постсоветском пространстве. И если более ранние исследования обращали внимание, в основном, на выявление особенностей женщин-предпринимателей (Э. Б. Шварц, Дж. Шрейер, Р. Д. Хизрич, М. Фей, Л. Уильямс, С. Картер, С. Марлоу, Л. Грязновой, Е. Б. Амбарновой, А. Семенчук, Л. Скворцовой, А. Е. Чириковой), то современные исследования все чаще затрагивают вопросы роли участия женщин в предпринимательстве в устойчивом развитии на национальном, региональном и глобальном уровне (М. Радович-Маркович, К. Браш, В. Гонсалес-Санчес, И. Фетч, К. Джексон, Дж. Вейнс, Дж. Констанца, Дж. Хрунд, М. Анжела, А. Гулвира [и др.], А. Васим, К. Браш. С. Купер). В частности, в работах М. Саджад, Н. Калим, М. Ирфанчани поднимаются вопросы влияния женского предпринимательства на мировую экономику.

Вопросы международного предпринимательства нашли отражение в работах таких авторов, как П. Макдугалл, Б. Овиатт, И. Тети, С. Захра, В. О. Кожина, М. Н. Поддубная, П. Димитратос, А. Зукчелла, Дж. Маньяни. Основной фокус исследований международного предпринимательства сосредоточен на различных аспектах интернационализации предпринимательского поведения.

Вместе с этим, несмотря на рост исследовательского интереса и количества публикаций, в научной литературе женское предпринимательство и международное предпринимательство рассматриваются в отрыве друг от друга. Это ограничивает понимание процессов участия женщин в предпринимательстве на международном уровне и не позволяет сформировать комплексное представление о его актуальном состоянии.

Целью статьи является развитие теоретических основ международного женского предпринимательства, его сущности и характера складывающихся в системе современных международных экономических отношений.

Результаты исследования. Появление проблематики женского предпринимательства в научных изысканиях связано с развитием гендерных исследований, получивших свое основное развитие в 1960-1970-х гг. и давших толчок институционализации гендерной экономики. Первые научные работы, затрагивающие изучение женского предпринимательства, датируются концом 1970-х гг. В частности, исследования Э. Шварц и Дж. Шрейер впервые продемонстрировали, что участие

женщин в предпринимательстве имеет особенности в сравнение с мужчинами. В качестве таковых авторы обозначили характерно женские барьеры для ведения бизнеса (доступ к капиталу, бизнес-образование) [2, 3]. По сути, это дало импульс развитию дальнейших исследований женского предпринимательства, которые расширили представление о специфических барьерах для женщин в процессе формирования и реализации их предпринимательских намерений, развития их предпринимательской деятельности (С. Панда, С. Картер, С. Марлоу, П. Арениус, А. Ковалайнен, С. Мунтян, С. Озказанс-Пан, О. О. Коробова, О. В. Бессчетовна [и др.]) [4-9].

В основе современных исследований женского предпринимательства лежат общепринятые теории предпринимательства (институциональная теория, теория рисков, теория инноваций, теория менеджмента) и компоненты предпринимательства (индивид, предпринимательские намерения, нахождение и использование ресурсов, идентификация рыночных возможностей, прибыль, инновации, риск и др.). Женское предпринимательство рассматривается как экономическая деятельность с учетом гендерной переменной, которая выступает методологической надстройкой и организующим принципом исследований, а также дополняет социальный аспект в рассматриваемое проблемное поле. Современные исследования расширили аналитические рамки женского предпринимательства и включили в его проблемное поле не только фактически осуществляемую предпринимательскую деятельность женщинами, что было характерно для более ранних работ, но и выявили сложные взаимосвязи между предпринимательским поведением женщин и их положением в обществе, между участием женщин в предпринимательстве и устойчивым глобальным развитием [10].

Вместе с этим, в исследовательской литературе не сложился единый подход к раскрытию содержания женского предпринимательства. Авторы, в большинстве своем, отталкиваются от общих концепций предпринимательства. Центральное место в исследованиях занимает женщина-предприниматель или предприятие (бизнес), принадлежащее (ий) женщинам.

Исследования международного предпринимательства сформировались на стыке таких областей знаний, как международный бизнес и предпринимательство. Первые исследования, датированные концом 1980-х гг., поставили под сомнение эволюционный процесс интернационализации бизнеса и обратили внимание на способность малого бизнеса к ранней интернационализации. Так, одно из первых определений международного предпринимательства, предложенное П. Макдугаллом, раскрывает его как «развитие новых международных предприятий или стартапов, которые с самого начала занимаются международным бизнесом, тем самым рассматривая свою операционную сферу как международную с начальных стадий работы фирмы» [11]. С одной стороны, это привело к сосредоточению на изучении интернационализации недавно созданных предприятий, а, с другой, – к ограничению изучения более крупных компаний, которые, несомненно, также являются источником предпринимательского поведения. Современные исследования международного предпринимательства расширили границы данной проблематики, что позволило включить в проблемное поле не только новые и малые фирмы, но и крупные и устоявшиеся компании.

В исследовательской литературе нет единого общепринятого определения международного предпринимательства. Научная проблематика международного предпринимательства развивалась на протяжении последних лет и включала в себя все новые идеи, отражающие его характерные черты: интернационализация бизнеса

(В. О. Кожина, М. Н. Поддубная, П. Макдугалл, С. Стайлз, Б. Овиатт) [11-15]; динамизм, который относится к деятельности, процессу или поведению (В. О. Кожина, М. Н. Поддубная, П. Димитратос, А. Зукчелла, Дж. Маньяни) [12, 13, 16, 17]; создание стоимости (П. Макдугалл, Б. Овиатт, И. Тети, С. Захра) [14, 18, 19].

Следует подчеркнуть, что создание стоимости в современных исследованиях международного предпринимательства рассматривается не только в точки зрения ее важности для стратегического успеха бизнеса, но и с позиции распределения между различными заинтересованными сторонами. В частности, определенное, предложенное С. Захра [и др.], расширяет концепцию создания стоимости в сторону измерения глобальной действительности через социальный и экологический аспекты: «международное предпринимательство – это признание, формирование, оценка и использование возможностей за пределами национальных границ для реализации новых предприятий, моделей и решений для создания стоимости, включая финансовую, социальную и экологическую» [19].

Очевидно, что рассмотренные исследования внесли значительный вклад в понимание современных аспектов предпринимательства как с точки зрения его гендерных особенностей, так и интернационализации. Однако, имеющиеся теории не отражают все актуальные процессы мировой экономики, происходящие на пересечении женского предпринимательства и международного предпринимательства. Это требует уточнения и раскрытия содержания таких новых международных явлений, как международное женское предпринимательство, что позволит, с одной стороны, развить процесс теоретизации научных изысканий в этой области, с другой, – разрешит дилемму в интеллектуальном поиске инструментария для адекватного прочтения усложнившейся современной социально-экономической реальности.

В настоящее время в мировой экономике наблюдается усиление роли женского предпринимательства, что подтверждается следующим:

вопросы женского предпринимательства становятся более глобальными и распространяются между различными странами, регионами и рассматриваются сквозь призму развития мировой экономики;

участие женщин в предпринимательстве становится одной из приоритетных сфер интересов в деятельности международных организаций, в том числе, экономических, региональных организаций и ассоциаций, страновых организаций и органов управления;

наблюдается активизация, усложнение и развитие взаимодействия между международными, региональными организациями и ассоциациями, страновыми организациями и органами управления и женщинами-предпринимателями с целью облегчения их доступа на международные рынки;

формируются устойчивые связи между международными, региональными организациями и ассоциациями, страновыми организациями и органами управления, транснациональными корпорациями, международными банками в области реализации специальных мер, способствующих доступу женщин-предпринимателей на международные рынки и последующему развитию их международного бизнеса;

между женщинами-предпринимателями и зарубежными бизнес-партнерами формируются взаимовыгодные долгосрочные отношения по поводу использования возможностей, которые лежат за пределами внутренних рынков с целью получения конкурентного преимущества.

Изложенное выше свидетельствует о том, что в настоящее время сформированы предпосылки для предпринимательского поведения женщин, ориентированного на

открытие, реализацию, оценку и использование возможностей за пределами национальных границ для создания стоимости и получения конкурентного преимущества. Женщины-предприниматели становятся полноправными участниками экономических отношений на международном рынке – происходит интернационализация женского предпринимательства, что в дальнейшем позволяет говорить о международном женском предпринимательстве.

Для раскрытия содержания международного женского предпринимательства рассмотрим современные аспекты участия женщин в предпринимательстве на международном уровне.

Для современного этапа развития мировой экономики характерно усиление экономических связей между странами посредством создания и функционирования международных экономических организаций. Их деятельность направлена на упрощение реализации международных экономических отношений и позволяет решать актуальные вопросы в различных сферах интересов стран-участниц. Регионализация и укрепление экономических блоков развивающихся стран создают дополнительные возможности для предпринимательской деятельности в рамках новых межгосударственных объединений, в том числе с участием женщин. Открытость экономик позволяет поддерживать реализацию предпринимательского потенциала для обеспечения устойчивости как национальных экономик, так и интеграционных и межгосударственных объединений. Вместе с этим, вызовы последних десятилетий актуализируют в мировом масштабе поиск новых возможностей обеспечения устойчивого развития, среди которых достижение гендерного равенства и его взаимосвязь с экономическим развитием, что в свою очередь обусловило появление международных экономических отношений в области женского предпринимательства.

В настоящее время для многих стран, межгосударственных объединений, международных организаций вопрос участия женщин в предпринимательстве, особенно, в части необходимости его поддержки перестает быть дискуссионным, а становится вопросом поиска наиболее эффективных мер и инструментов формирования благоприятной среды для женского предпринимательства на уровне стран и, особенно, и для его выхода за национальные границы. Так, например, в Казанской декларации саммита БРИКС-2024 «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» отмечена как важность «расширения прав и свобод женщин и их полноценного участия во всех сферах жизни общества ..., что имеет основополагающее значение для развития ... мира», так и необходимость укрепления дальнейшего международного сотрудничества в области женского предпринимательства [20].

В глобальном масштабе значимую роль в формировании благоприятной глобальной бизнес-среды для женского предпринимательства играют международные инициативы (создание и функционирование международных организаций, реализация специальных мер действующими организациями различного уровня и масштаба). И, если международные неправительственные организации значительно раньше обратили внимание на потенциал женского предпринимательства в мировой экономике, в частности, в развитии международной торговли, то правительственные организации активно реализуют инициативы в данной области последние 25 лет (рис. 1). Это правомерно связать с периодами принятия ряда знаковых международных документов таких, как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Пекинская декларация и Пекинская платформа действий, Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Рис. 1. Основные международные инициативы в области интернационализации женского предпринимательства (составлено авторами на основе [21, 22])

Обобщение международных инициатив в области интернационализации женского предпринимательства позволяет сделать следующие выводы:

1. Наблюдается рост активности и заинтересованности международных правительственных и неправительственных организаций и ассоциаций, в частности, экономических (МФК, G20, МТЦ) в решении вопросов интернационализации женского предпринимательства. При этом организующим принципом их деятельности в рассматриваемой сфере выступает признание негативного влияния гендерного неравенства на включенность женщин в предпринимательство. Как следствие, международные инициативы направлены на преодоление гендерно обусловленных барьеров для женщин-предпринимателей.

2. Международные инициативы в области интернационализации женского предпринимательства охватывают вопросы доступа женщин-предпринимателей на международные рынки, например, через развитие экспортных возможностей, включение в глобальные цепочки создания стоимости.

Одной из старейших международных организаций в области женского предпринимательства является Международная федерация женщин-предпринимателей и женщин-профессионалов. Она была создана в 1930 г. с целью развития экономических возможностей женщин, в частности, экспортных возможностей их бизнеса [23]. На данный момент имеет филиалы в 95 странах мира, а также – консультативный статус при ООН через ЭКОСОС с 1947 года, при Совете Европы – с 1977 г., при Организации американских государств – с 2009 года.

Организация женщин в международной торговле, созданная 1989 г. с целью содействия развитию международной торговли и продвижению женщин в бизнесе,

предоставляет своим членам возможности в области развития бизнес-сетей, образования [24]. Региональные отделения расположены в Северной, Южной и Центральной Америке, Африке, Азии и Европе.

Международный торговый центр реализует с 2015 г. такие инициативы, как глобальная платформа по поиску поставщиков из числа женщин и программа She Trades [25]. Глобальная платформа создана в целях увеличения объема закупок у женщин-предпринимателей из развивающихся стран. Ее участниками являются представители из 48 стран. Программа She Trades реализуется в целях расширения участия женщин-предпринимателей в глобальных цепочках создания стоимости и международной торговле.

В 2020 г. в рамках БРИКС инициирован Женский деловой альянс, представляющий собой глобальную платформу для продвижения женского бизнеса как среди стран-участниц, так и за их пределами. Деятельность Женского делового альянса направлена на увеличение вклада женщин в экономику стран БРИКС и затрагивает вопросы развития бизнес-навыков женщин-предпринимателей, расширение женских бизнес-сетей, углубление В2В-сотрудничества между женщинами-предпринимателями, включение женского бизнеса в глобальные цепочки создания стоимости [22]. С 2024 г. проводится форум женского предпринимательства БРИКС.

Стоит подчеркнуть, что все чаще и на уровне стран женское предпринимательство также рассматривается во взаимосвязи с развитием внешней торговли. Так, основной целью реализации программы Канадской службы комиссара по торговле «Женщины-предприниматели в международной торговле» выступает поддержка интернационализации бизнеса канадских женщин-предпринимателей [26]. Деятельность Ирландского Агентства по развитию предпринимательства направлена на рост ирландских предприятий, принадлежащих женщинам, на мировых рынках [27].

3. В рамках реализации международных инициатив в области интернационализации женского предпринимательства международные организации и ассоциации сотрудничают как между собой, с региональными и национальными организациями и органами управления, так и другими заинтересованными участниками мировой экономики, в частности, с международными корпорациями и банками.

Например, ООН-женщины, Женщины-предприниматели на международном рынке сотрудничают с Женским форумом в рамках реализации программы «Daring Circle Women4Business», МТЦ и МФК сотрудничают с национальными органами управления и международными неправительственными организациями, в частности, с Международной федерацией женщин-предпринимателей и женщин-профессионалов, Организацией женщин в международной торговле. Глобальный саммит женщин, Всемирная ассоциация женщин-предпринимателей сотрудничают с Национальной ассоциацией женщин-владельцев бизнеса США, с организацией «Женщины-предприниматели Канады».

Следует отметить в данном контексте и деятельность многих транснациональных корпораций, международных банков. Так, корпорации Unilever, Coca-Cola, Microsoft, Mastercard, DHL, Exxon Mobile сотрудничают с большинством рассмотренных международных неправительственных организаций. Активно сотрудничают с представителями неправительственных международных организаций такие компании, как Export-Import Bank of the U.S.P&G, BNP Paribas, Johnson & Johnson, L'Oréal, IBM, HP, Mercedes-Benz, Oracle, American Express. Европейский банк реконструкции и развития с 2014 г. реализует программу «Женщины в бизнесе» через национальные банки-партнеры в целях развития экономического потенциала женщин-

предпринимателей в странах с переходной рыночной экономикой. Азиатский банк развития участвует в проектах поддержки участия женщин в предпринимательстве в Азиатском регионе.

4. Международные инициативы в области интернационализации женского предпринимательства направлены на формирование и поддержание долгосрочных связей между женщинами-предпринимателями и бизнес-партнерами из других стран. Это позволяет женщинам-предпринимателям на практике осуществлять не разовые внешнеэкономические операции, а реализовывать стратегическую модель бизнеса, нацеленную на внешние рынки. Как правительственные, так и неправительственные организации оказывают комплексную поддержку женщинам-предпринимателям в таких областях проявления гендерно обусловленных барьеров, как образование, информация, сети, финансы с целью стимулирования их внешнеэкономической деятельности и создания предпосылок для дальнейшей интернационализации их бизнеса.

Изложенное выше позволяет говорить о том, что в широком смысле международное женское предпринимательство представляет собой сложное социально-экономическое явление участия женщин-предпринимателей в международном бизнесе.

В узком смысле определим международное женское предпринимательство как совокупность отношений между женщинами-предпринимателями и зарубежными партнерами по поводу ведения бизнеса за пределами национальных рынков с целью получения дополнительных конкурентных преимуществ, и взаимодействия с международными, региональными, национальными организациями и ассоциациями для получения поддержки развития интернационализации женского предпринимательства и получения устойчивого положительного социально-экономического эффекта на мировом рынке.

К предпосылкам появления и развития отношений в рамках международного женского предпринимательства правомерно отнести, с одной стороны, процессы глобализации и международного разделения труда, которые способствуют получению таких выгод для женщин-предпринимателей, как расширение рынков сбыта продукции, сокращение издержек, доступ к иностранному капиталу и технологиям, с другой, – поиск новых точек роста мировой экономики, что обусловило активизацию мирового сообщества в направлении реализации специальных мер содействия интернационализации женского предпринимательства.

В качестве участников отношений в рамках международного женского предпринимательства выступают: женщины-предприниматели, зарубежные партнеры (покупатели, продавцы), международные организации и ассоциации (правительственные и неправительственные), региональные, национальные организации, ассоциации и органы управления, транснациональные корпорации, международные банки.

О характере отношений в рамках международного женского предпринимательства правомерно говорить со следующих позиций:

1) взаимодействие между международными, региональными организациями и ассоциациями, национальными организациями и органами управления и женщинами-предпринимателями реализуется на постоянной основе, подразумевает меры содействия, что свидетельствует о складывающихся отношениях поддержки;

2) отношения между международными, региональными организациями и ассоциациями, национальными организациями и органами управления, с одной стороны, и транснациональными корпорациями и международными банками, с другой,

имеют характер партнерства в решении актуальных вопросов интернационализации женского предпринимательства;

3) отношения между женщинами-предпринимателями и зарубежными бизнес-партнерами (продавцами, покупателями) складываются на основе использования возможностей, которые лежат за пределами внутренних рынков с целью получения дополнительных конкурентных преимуществ, и имеют деловой (экономический) характер.

Как было отмечено выше, интернационализация женского предпринимательства рассматривается мировым сообществом с точки зрения потенциала устойчивого развития мировой экономики. Международные, региональные и национальные организации, ассоциации и органы управления реализуют меры информационного, образовательного, финансового, сетевого характера (табл. 1), направленные на преодоление барьеров для женщин-предпринимателей с целью содействия их доступу на международные рынки и интернационализации их бизнеса.

Таблица 1

		Инструменты поддержки интернационализации женского предпринимательства		
		Организации, ассоциации		
		Международного уровня	Регионального уровня	Национального уровня
Области поддержки	Информация	Рекламные кампании, конференции, вебинары, веб-порталы, отчеты.	Семинары, конференции, консультирование, вебинары, веб-порталы, отчеты.	Рекламные кампании, семинары, конференции, консультирование, вебинары, веб-порталы, отчеты.
	Образования	Семинары, курсы, тренинги, бизнес-лагеря, наставничество, веб-порталы, интерактивные веб-семинары, онлайн-курсы, виртуальное учебное пространство	Семинары, курсы, тренинги, бизнес-лагеря, наставничество, веб-порталы, интерактивные веб-семинары, онлайн-курсы, виртуальное учебное пространство	Семинары, курсы, тренинги, бизнес-лагеря, наставничество, веб-порталы, интерактивные веб-семинары, онлайн-курсы, виртуальное учебное пространство
	Финансы	Целевое кредитование, поручительство, гранты, финансирование экспорта, инвестиции в акционерный капитал, гарантирование кредитов, льготное кредитование	Целевое кредитование, поручительство, гранты, бизнес-ангелы, финансирование экспорта, инвестиции в акционерный капитал, гарантирование кредитов, льготное кредитование	Целевое кредитование, поручительство, гранты, бизнес-ангелы, финансирование экспорта, инвестиции в акционерный капитал, гарантирование кредитов, льготное кредитование
	Сети	Торговые миссии, веб-порталы, доступ к партнерской сети	Веб-порталы, доступ к партнерской сети	Веб-порталы, доступ к партнерской сети

Следует отметить, что организации и ассоциации различных уровней осуществляют поддержку интернационализации женского предпринимательства посредством схожих инструментов, большинство из которых к тому же охватывает одновременно несколько областей поддержки. Например, создание веб-портала позволяет женщинам-предпринимателям одновременно расширять зарубежные деловые связи, получая доступ к партнерской сети, развивать бизнес-навыки ведения бизнеса за рубежом посредством онлайн-курсов и наставничества, получать актуальную информацию о мероприятиях и возможностях организации. Это позволяет

говорить о комплексном подходе к поддержке интернационализации женского предпринимательства.

Поддержка интернационализации женского предпринимательства посредством представленных инструментов охватывает различные модели интернационализации бизнеса, среди которых: интернет-магазин, непрямой экспорт, производственная точка, лицензирование и франчайзинг, прямой экспорт, инвестиции в акции. Это предоставляет возможности женщинам-предпринимателям получать выгоды от ведения бизнеса на зарубежных рынках и формирует предпосылки для дальнейшего его развития.

В качестве форм международного женского предпринимательства выступают: формы с закреплением юридического статуса в стране размещения (создание предприятия с иностранными инвестициями или приобретение доли местного предприятия); формы, предусматривающие закрепление налогового статуса, но без создания юридических лиц (представительства и филиалы иностранных юридических лиц); формы, основанные на договорных отношениях (без создания предприятия и закрепления налогового статуса).

В свою очередь, сохраняющийся гендерный разрыв в предпринимательстве представляет собой, с одной стороны, маркер влияния гендерного неравенства на предпринимательство [28], а с другой, – его правомерно рассматривать как потенциал для устойчивого роста и развития. По данным Глобального мониторинга предпринимательства в глобальном масштабе сохраняется гендерный разрыв на всех стадиях предпринимательства (рис. 2).

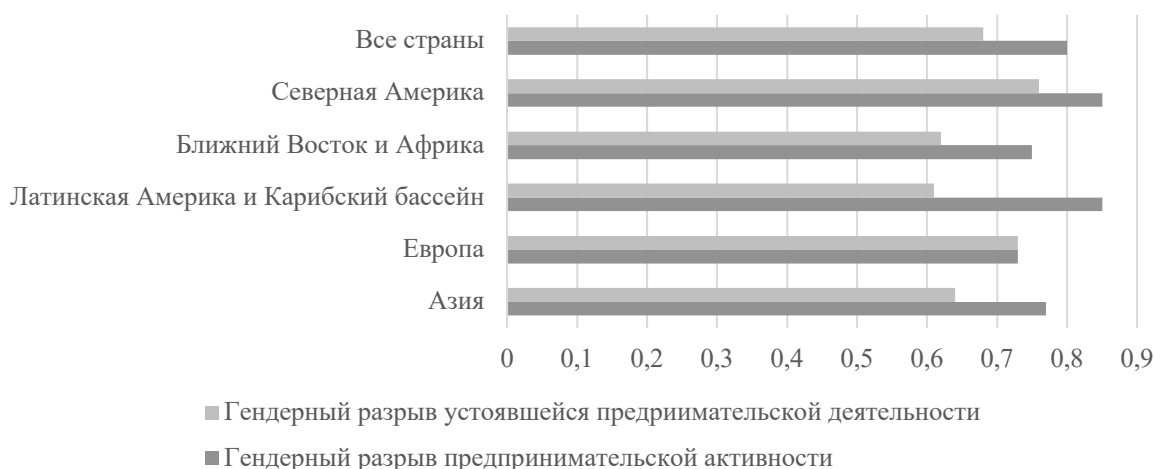

Рис. 2. Гендерный разрыв в предпринимательстве в 2022 г.

В последнее время вопросы участия женщин в предпринимательстве все чаще рассматриваются в контексте развития мировой экономики. Так, по оценкам аналитиков международной The Boston Consulting Group вовлечение в предпринимательство женщин наравне с мужчинами может дать глобальному ВВП прирост примерно на 3-6 %, а мировой экономике – дополнительно от 2,5 до 5 трлн. долл. США [29].

Для современных прикладных научных исследований характерно включение проблематики женского предпринимательства в экономический дискурс как с точки зрения выявления его роли в развитии национальной экономики (А. Гулвира [и др.], А. Васим, К. Браш. С. Купер) [30-32], так и мировой. Многие ученые, например,

М. Саджад [и др.] определяют женское предпринимательство как мощный драйвер развития современной мировой экономики, отмечая одновременно наличие негативного эффекта от гендерного разрыва в предпринимательстве [33].

Уровень интернационализации предпринимательства (процент ранних предпринимателей, имеющих международных клиентов), который в глобальном масштабе демонстрирует незначительную гендерную разбежку, а в странах с высоким уровнем дохода – гендерный паритет (таблица 2), а также наличие гендерного разрыва в предпринимательстве подтверждают правомерность тезиса о потенциале участия женщин в предпринимательстве в развитии мировой экономики. Это, в свою очередь, позволяет говорить о важной роли международного женского предпринимательства для глобального развития.

Таблица 2

Уровень интернационализации предпринимательства в 2022 г.

	Уровень интернационализации предпринимательства среди женщин	Уровень интернационализации предпринимательства среди мужчин	Гендерный разрыв интернационализации предпринимательства
<i>ВСЕ СТРАНЫ</i>	19,6	22,4	0,88
Страны с низким уровнем дохода	10,7	13,2	0,81
Страны со средним уровнем дохода	12,7	16	0,79
Страны с высоким уровнем дохода	33,2	32,8	1,01

Современная международная бизнес-среда, характеризующееся такими тенденциями, как интернационализация деловых отношений с участием женщин и укрепление долгосрочного сотрудничества, развитие международных институтов, призванных поддерживать предпринимательские процессы во всем мире, а также активное применение современных информационных технологий в предпринимательской деятельности [12, 13, 34], несомненно открывает возможности для использования потенциала женщин-предпринимателей в устойчивом развитии мировой экономики.

Выводы. В настоящее время участие женщин в предпринимательстве представляет собой глобальный интерес. Активизация мирового сообщества в поиске новых точек роста устойчивого развития актуализировали развитие международных экономических отношений в новых областях. Глобализация экономики и международное разделение труда, с одной стороны, и идеи гендерного равенства, с другой, позволили сформироваться экономическим отношениям в области международного женского предпринимательства.

Международное женское предпринимательство представляет собой новую область знаний на пересечении женского и международного предпринимательства. Предложенный подход к раскрытию содержания международного женского предпринимательства отражает ключевые концепции, сложившиеся в экономической науке и затрагивающие участие женщин в предпринимательстве и интернационализацию предпринимательства. Помимо этого, авторский подход отражает современное состояние участия женщин в предпринимательстве в глобальном масштабе, в частности, показана роль международных, региональных, национальных организаций и ассоциаций в содействии развитию интернационализации женского

предпринимательства. Это позволило получить комплексное представление об экономических отношениях, складывающихся в рамках международного женского предпринимательства.

Участие Республики Беларусь в таких объединениях, как Союзное государство, ЕАЭС, БРИКС, ШОС, формирует предпосылки для использования потенциала международного женского предпринимательства в устойчивом развитии национальной экономики. Вместе с этим, разработка механизмов, направленных на активизацию интернационализации женского предпринимательства, должна учитывать не только зарубежный опыт, но и ключевые национальные интересы. Это, в свою очередь, требует проведения дальнейших исследований для нахождения баланса интересов между экономической и социальной сферой, в частности, например, определение взаимосвязи семейной политики и экономической политики стимулирования предпринимательской инициативы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 GEM 2021/2022 Women's Entrepreneurship Report. From Crisis to Opportunity [Электронный ресурс] / Официальный сайт Глобального мониторинга предпринимательства. – URL: <https://www.gemconsortium.org/report/gem-202122-womens-entrepreneurship-report-from-crisis-to-opportunity> (дата обращения: 25.09.2024).
- 2 Schwartz E. Entrepreneurship: A new female frontier. *Journal of Contemporary Business*. 1976; 5: 47-76.
- 3 Schrier JW. The female entrepreneur: A pilot study. Milwaukee, WI: The Center for Venture Management. 1975: 34p.
- 4 Panda S. Constraints faced by women entrepreneurs in developing countries: review and ranking / S. Panda // *Gender in Management: An International Journal*. – 2018. – 33(4). – P. 315-331. DOI: 10.1108/GM-01-2017-0003.
- 5 Marlow S., Carter C. If you don't ask you don't get! Women, self employment and finance. Article. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/251547389_If_you_don't_ask_you_don't_get_Women_self_employment_and_finance (date of access: 16.08.2023).
- 6 Arenius P., Kovalainen A. Similarities and Differences Across the Factors Associated with Women's Self-employment Preference in the Nordic Countries / P. Arenius, A. Kovalainen // *International Small Business Journal*. – 2006. – 1. – P.31-57 DOI: 10.1177/0266242606059778.
- 7 Muntean C.S., Ozkazanc-Pan S.C. A gender integrative conceptualization of entrepreneurship / C.S. Muntean, S.C. Ozkazanc-Pan // *New England Journal of Entrepreneurship*. – 2015. – 18(1). – P. 27-40 DOI:10.1108/NEJE-18-01-2015-B002.
- 8 Коробова О.О. Социально-экономические факторы развития женского предпринимательства / О.О. Коробова // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. – 2020. – 2(62). – С.30-39.
- 9 Бессчетнова О.В. Женское предпринимательство в России: pro et contra? / О.В. Бессчетнова, М.М. Крекова, Е.Л. Арзамасова // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2020. – 10 (12). DOI: 10.18334/epp.10.12.111499.
- 10 Юрова Н.В., Орлова А.В. Женское предпринимательство как фактор устойчивого развития мировой экономики / Н.В. Юрова, А.В. Орлова // *Устойчивое развитие национальных экономик, регионов, территориально-производственных комплексов, предприятий в условиях глобализации: коллективная монография (по материалам III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции) / под общей ред. Е.С. Шилец. Донецк: ДонГУ, 2023. – С. 65-76.*
- 11 McDougall P.P. International versus domestic entrepreneurship: new venture strategic behavior and industry structure / P.P. McDougall // *Journal of Business Venturing*. – 1989. – 4 (6). – P. 387-400.
- 12 Кожина В.О. Предпринимательство: международный аспект / В.О. Кожина, Н.А. Завалько // *Инновации и инвестиции*. – 2017. – №12. – С.101-103.
- 13 Поддубная М.Н. Современные тенденции развития международного предпринимательства / М.Н. Поддубная, Д.В. Сахарова // *Экономика и бизнес: теория и практика*. – 2023. – 5(99). DOI: 10.24412/2411-0450-2023-5-3-6-11.
- 14 Oviatt B.M. The internationalization of entrepreneurship / B.M. Oviatt, P.P. McDougall // *Journal of*

International Business Studies. – 2005. – 36 (1). – PP. 2-8.

15 Styles C. Opportunities for marketing researchers in international entrepreneurship', / C. Styles, R.G. Seymour // International Marketing Review. – 2006. – 23 (2). – P. 126-145.

16 Dimitratos P. Theoretical foundations of an international entrepreneurial culture / P. Dimitratos, E. Plakoyiannaki // Journal of International Entrepreneurship. – 2003. – 1(2). – P. 187-215.

17 Zucchella, A. International Entrepreneurship : Theoretical Foundations and Practices / A. Zucchella, G. Magnani, 2016. 2nd ed., Palgrave Macmillan UK, London, UK.

18 Teti E. Competitive strategies and value creation: a twofold perspective analysis', / E.Teti, F. Perrini, L. Tirapelle // Journal of Management Development. – 2014. – 33(10). – P. 949-976.

19 Zahra S.A. On the frontiers: the implications of social entrepreneurship for international entrepreneurship / S.A. Zahra, L.R. Newey, Y Li // Entrepreneurship Theory and Practice. – 2014. – 38(1). – P. 137-158.

20 Казанская декларация саммита БРИКС-2024 «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3L_Eh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 04.11.2024)

21 Орлова, А.В. Женское предпринимательство в зарубежных странах: генезис и основные тренды / А.В. Орлова, под науч. ред. Б. В. Сорвинова. – Минск: Право и экономика, 2021. – 258 с.

22 Женский деловой альянс БРИКС [Электронный ресурс] / Официальный сайт Женского делового альянса БРИКС. URL: <https://bricswomen.com/ru/about/> (дата обращения: 04.11.2024).

23 About BPW [Электронный ресурс] / Официальный сайт Международной федерации женщин-предпринимателей и женщин-профессионалов – URL: <https://www.bpw-international.org/about-bpw/> (дата обращения: 03.10.2024)

24 OWIT's history [Электронный ресурс] / Официальный сайт Организации женщин в международной торговле. URL: <https://owit.org/owits-history/> (дата обращения: 15.10.2024).

25 About the initiative [Электронный ресурс] / Официальный сайт Международного торгового центра. URL: <https://www.shetrades.com/about-the-initiative/> (дата обращения: 15.10.2024).

26 Business Women in International Trade [Электронный ресурс] / Официальный сайт Канадской службы комиссара по торговле. URL: <https://www.tradecommissioner.gc.ca/businesswomen-femmesaffaires/index.aspx?lang=eng> (дата обращения: 15.10.2024).

27 Helping Irish Companies to Achieve Global Success [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.enterprise-ireland.com/en/About-Us/> (дата обращения: 18.10.2024).

28 GEM (Global Entrepreneurship Monitor). Global Entrepreneurship Monitor 2022/23 Women's Entrepreneurship Report. 2023. 124 p.

29 Want to Boost the Global Economy by \$5 Trillion? Support Women as Entrepreneurs [Electronic resource]. URL: <https://www.bcg.com/publications/2019/boost-global-economy-5-trillion-dollar-support-women-entrepreneurs> (date of access: 16.08.2023).

30 Gulvira A. The impact of female entrepreneurship on economic growth in developing and developed economies. / A. Gulvira, M. Ainash, M. Sagynysh, A. Meiramgul, K. Aliya // Economics - innovative and economics research journal. – 2024. – 12(2). – P.145-162. DOI: 10.2478/eoik-2024-0016.

31 Waseem A. Female entrepreneurship and economic growth: an institutional theory analysis. / A. Waseem // Pakistan journal of gender studies. – 2019. – 16. – P.15-36. DOI:10.46568/pjgs.v16i1.113

32 Brush C.G. Female entrepreneurship and economic development: an international perspective. / C.G. Brush, S.Y. Cooper // Entrepreneurship and Regional Development. – 2012. – 24 (1/2). – P.1-6.

33 Sajjad M. Worldwide Role of Women Entrepreneurs in Economic Development. / M. Sajjad, N. Kaleem, M.I. Chani, M. Ahmed // Asia Pacific Journal of Innovation and Entrepreneurship. – 2020. – 14 (2). – P. 151-160. DOI: 10.1108/APJIE-06-2019-0041

34 Рябинин Е.В. Современные тенденции развития международного предпринимательства / Е.В. Рябинин // Экономика, статистика и информатика. – 2015. – 3. – С. 119-124.

Поступила в редакцию 01.11.2024 г.

INTERNATIONAL WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP: THEORETICAL FOUNDATIONS

N. V. Yurova, A. V. Orlova

The article reveals the theoretical foundations of international women's entrepreneurship, its essence, subjects, levels. International women's entrepreneurship is presented in the system of international economic relations. Special attention is paid to supporting the internationalization of women's entrepreneurship and the emergence of a new phenomenon on its basis - international women's entrepreneurship. The role of international women's entrepreneurship in the sustainable development of the world economy is shown. The need to support the internationalization of women's entrepreneurship at the national and international levels is proven.

Keywords: global economy; sustainable development; women's entrepreneurship; international entrepreneurship; international women's entrepreneurship.

Юрова Наталья Вячеславовна

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
yurova@bsu.by
+3-7517-209-57-36
ORCID 0000-0002-7714-231X

Орлова Алина Владимировна

аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
alinavl@yandex.ru
+3-754-453-154-15
ORCID 0009-0007-3405-2633

Yurova Natalia

PhD (economics), Associate Professor
Belarus State University, city Minsk

Orlova Alina

postgraduate student
Belarus State University, city Minsk

П Р А В О

УДК 35.07(470+571)

DOI 10.5281/zenodo.14236734

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА
И ДРУГИХ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ**

© 2024. *Р. Р. Шульга, О. А. Цопа*

Статья посвящена исследованию особенностей правосубъектности государства и других публично-правовых образований в контексте российского законодательства. Особое внимание уделяется анализу концепции, содержания и особенностей правосубъектности, а также типам публично-правовых образований, участвующих в правоотношениях. Рассматриваются процедуры и случаи участия публично-правовых образований в правоотношениях, а также особенности их имущественной ответственности. В статье также обсуждается баланс между публичными и частными интересами, что позволяет выявить ключевые аспекты взаимодействия государства и граждан в правовом поле. На основе анализа нормативно-правовых актов и судебной практики авторы предлагают рекомендации по совершенствованию законодательства с целью обеспечения более эффективного баланса интересов.

Ключевые слова: правосубъектность, публично-правовые образования, российское законодательство, имущественная ответственность, баланс интересов, публичные интересы, частные интересы, правоотношения.

Постановка проблемы в общем виде. Вопрос участия государства и иных публичных правовых образований в правоотношениях является важной и многогранной проблемой [4, с. 205]. Публичные правовые образования, включая Российскую Федерацию, её регионы и местные органы власти, а также физических и юридических лиц, выступают участниками имущественного оборота. Это участие обусловлено необходимостью выполнения возложенных на них функций: экономических, социально-культурных, обеспечения безопасности и защиты населения.

Особенности статуса публичных правовых образований, обладающих государственной властью и в некоторых случаях, являющихся политическими суверенами, определяют специфику их участия в гражданских правоотношениях. С одной стороны, публично-правовые образования должны соблюдать интересы участников имущественного оборота, являющихся юридически равными собственниками имущества и состоящих в частноправовых отношениях друг с другом. С другой стороны, правовая способность государства и иных публичных правовых образований носит специальный характер, что связано с их обязанностью действовать в общественных, а не частных интересах.

На практике участие публичных правовых образований в гражданских правоотношениях сопряжено с рядом сложностей и недостатков, связанных с их правовой квалификацией, соотношением юридической личности публично-правовых образований и их органов, а также особенностями имущественной ответственности. В отечественной науке эти аспекты изучены недостаточно, что приводит к отсутствию

единого подхода к определению правосубъектности публично-правовых образований и их места среди субъектов гражданского права.

Актуальность исследования. Исследование особенностей правосубъектности государства и других публично-правовых образований в российском законодательстве, а также поддержание равновесия между государственными и частными интересами, является актуальной и необходимой задачей. Это позволит более эффективно регулировать имущественные отношения с участием публично-правовых образований и обеспечивать защиту прав и интересов всех участников гражданского оборота.

Анализ последних исследований и публикаций. Специфика оснований наступления гражданско-правовой ответственности государства, предопределенная его публично-правовым статусом, особенно проявляется в установлении норм о государственной ответственности за действия её органов и должностных лиц (ст. 16 ГК РФ). Вопросы правовой природы ответственности и особенности ответственности государства за властные акты широко обсуждались в литературе последних лет, привлекая внимание как опытных, так и начинающих ученых и практиков.

Одними из наиболее значимых работ в этой области являются исследования А. Л. Маковского [10, с. 67-122], Н. И. Лазаревского [8, с. 307-309], В. В. и Л. В. Бойцовых [5, с. 12], Д. А. Липинского [9, с. 27-37], Н. О. Полуичика [12, с. 68-71], И. А. Алексеева [2, с. 90-99], Е. А. Суханова [16, с. 15], О. Н. Алдошина [1, с. 15-24], О. Ускова [18, с. 27-36] и С. Рухтина [13, с. 50-52]. Эти авторы внесли существенный вклад в понимание правовой природы ответственности государства, условий и особенностей её наступления, а также в анализ понятия возмещения вреда и отношений между чиновниками, государством и гражданами. Разнообразие точек зрения и подходов, предложенных в этих публикациях, способствует более глубокому пониманию проблемы и формированию целостного представления о государстве как особом субъекте частноправовых отношений.

Современные ученые, такие как Р. П. Абдулвагапова, А. И. Бибииков, О. Ю. Боярова, В. Г. Голубцов, О. А. Камалов, А. С. Левчук, Е. В. Моисеева и Д. В. Пятков, продолжают развивать теории, связанные с гражданско-правовой ответственностью публично-правовых образований. Они исследуют различные аспекты правосубъектности этих образований, их участие в правовых отношениях, а также особенности их правового статуса.

Выделение нерешённой проблемы. Исследованию проблем правового регулирования отношений с участием публичных правовых образований традиционно уделяется недостаточно внимания в отечественной науке. Большинство авторов ограничиваются анализом нормативного материала и теоретических воззрений, что зачастую приводит к моделированию уже известных решений. Однако отдельные аспекты проблемы все же получили свое развитие благодаря работам, посвященным правосубъектности публично-правовых образований.

Существует разногласие в вопросе о месте публично-правовых образований в классификации субъектов гражданского права. Одни исследователи считают, что государство [1, с. 15-24] обладает общей правоспособностью, другие же рассматривают её как специальную. Эти точки зрения подкреплены весомыми аргументами, что свидетельствует о многогранности и сложности данной проблемы.

Методологическая основа исследований в этой области включает в себя общенаучные и частноправовые методы познания, такие как историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-правовой. Эти методы позволяют исследовать эволюцию правоотношений, процесс развития законодательства и оценить

эффективность средств гражданско-правового регулирования.

Комплексный характер исследования обуславливает необходимость привлечения трудов представителей смежных отраслей знаний, таких как конституционное, административное и муниципальное право. Несмотря на отсутствие единой точки зрения по вопросу правосубъектности государства, комплексный анализ позволяет формировать более полное и объективное представление о роли публичных правовых образований в гражданских отношениях и их роли в имущественных отношениях.

Целью данной статьи является характеристика правосубъектности государства и других публично-правовых образований в российском законодательстве, а также анализ баланса публичных и частных интересов в этих отношениях. Исследование обусловлено недостаточным уровнем научной разработанности данной проблемы.

Результаты исследования. Помимо физических и юридических лиц, государство и другие участники гражданско-правовых отношений являются публичные правовые образования. Для решения публичных или социальных задач им зачастую необходимо участвовать в имущественных отношениях. При этом необходимо учитывать особенности статуса таких субъектов, обладающих государственной властью, а в некоторых случаях, являющихся политическими суверенами, которые самостоятельно определяют правовой порядок, в том числе случаи и границы непосредственного участия в гражданских правоотношениях. С другой стороны, важно полностью соблюдать интересы [3, с. 98-129] участников имущественного оборота как юридически равноправных собственников (или других законных владельцев) имущества, которые находятся между собой в частных, а не публичных правовых отношениях. Указанные обстоятельства обуславливают характеристики участия публичных правовых образований в гражданских (имущественных) отношениях.

К публично-правовым образованиям, участвующим в гражданских правоотношениях, участвуют, прежде всего, государственные органы и, во вторую очередь, местные органы власти. Характерные черты национальной государственной и социально-экономической структуры приводят к тому, что государство выступает не как единый субъект гражданских правоотношений, напротив, отличает большое количество участников. К ним относятся: Российская Федерация (федеративное государство) в целом, а также её отдельные субъекты – республики, округа, области и города федерального подчинения, автономные области, автономные округа, являющиеся государственными образованиями (ст. 73 Конституции РФ). Что касается городских и сельских поселений и иных муниципальных образований, то они осуществляют роль местного самоуправления (ст. 131 Конституции РФ) и, следовательно, не могут рассматриваться как государственные образования. Органы местного самоуправления не являются частью системы государственных органов. Однако не вызывает сомнений, что они обладают определенными полномочиями, т. е. функциями публичной власти, которыми они наделены законом (ст. 132 Конституции РФ). Таким образом, и муниципальные, и государственные образования включаются в единое понятие публично-правовых образований.

Правовой статус государства определяется его политической властью и суверенитетом, которые позволяют регулировать различные отношения [6, с. 32-37], включая имущественные. Государство устанавливает обязательные правила поведения и порядок разрешения споров для всех участников, а также определяет свою гражданскую правосубъектность. Участвуя в имущественных отношениях, оно должно соблюдать собственные правила и не использовать полномочия для изменения норм в своих интересах [7, с. 91-99] или навязывания воли контрагентам, иначе рыночный

оборот не сможет функционировать нормально, а частноправовая структура будет уничтожена.

Государство и другие публично-правовые субъекты участвуют в гражданско-правовых отношениях наравне с гражданами и юридическими лицами (п. 1 ст. 124 ГК), без права использовать свои полномочия в отношении других участников. За нарушение гражданских прав или неисполнение обязательств к ним могут применяться стандартные меры имущественной ответственности, поскольку они не обладают судебным иммунитетом. Их участие в гражданском обороте вытекает из общих принципов гражданского права. Любые попытки использовать свои полномочия для получения односторонних преимуществ или ограничения прав других участников оборота считаются противоправными.

Российское законодательство рассматривает государство и публично-правовые образования как уникальные юридические лица (*sui generis*), существующие наряду с юридическими лицами и гражданами. Правила об участии в имущественном обороте юридических лиц применяются к их гражданско-правовому статусу, если иное не вытекает из закона или статуса этих лиц (п. 2 ст. 124 ГК). Правила о создании, реорганизации, ликвидации и банкротстве юридических лиц не применимы к публично-правовым образованиям, тогда как сделки в области гражданского права с их участием подчиняются правилам о сделках с юридическими лицами. Пункт 2 ст. 124 ГК означает, что участие в гражданских правоотношениях юридических лиц включает и публично-правовые образования.

Государство и другие публично-правовые образования, как субъекты гражданского права, имеют гражданскую правоспособность и дееспособность. При определении их сущности и содержания нужно учитывать, что эти субъекты, в отличие от юридических лиц, не предназначены для участия в гражданских правоотношениях, которые имеют вспомогательный характер по отношению к их основной деятельности. Поэтому можно согласиться с тем, что гражданская правоспособность государства (и других публично-правовых образований) может быть достаточно обширной, обычно является специализированной, а не универсальной. Эти субъекты могут обладать только теми гражданскими правами и обязанностями, которые соответствуют целям их деятельности и общественным интересам.

Государство и другие публично-правовые образования получают гражданские права и создают гражданские обязанности, то есть реализуют свою правоспособность через свои органы (государственные органы или органы местного самоуправления), работающие в пределах своей компетенции, определенной нормативными актами, регуливающими статус этих органов (пункты 1 и 2 статьи 125 Гражданского кодекса). Однако в результате их деятельности участниками гражданских правоотношений становятся сами публично-правовые образования в целом, а не их органы. Действия органов власти, выполняемые в пределах их полномочий, являются действиями самих публично-правовых образований [11, с. 499].

Стоит отметить противоречивый характер понимания отдельных терминов «баланс», «частные интересы», «публичные интересы». При рассмотрении последнего нужно учитывать из того, что он понимается как совокупность юридически защищенных, усредненных личных и групповых интересов, имеющих официальное признание и поддержка со стороны государственной власти. Без публичных интересов невозможна реализация частных интересов, обеспечение стабильного функционирования государства, развитие общества и его отдельных групп и слоев. Содержание этого понятия включает объективные публичные интересы, на

существование которых демократическое государство должно реагировать, фиксируя их в правовой форме и тем самым превращая в публичный интерес. Выделяют несколько его форм: публичный, государственный и национальный. В юридической науке идет дискуссия, в рамках которой существует несколько мнений о разграничении публичных и государственных интересов, а также о возможности признания государства носителем собственных интересов. Таким образом, для ответа на этот вопрос учёные в основном подразделяются на две группы, каждая из которых занимает прямо противоположную позицию:

государство не имеет собственных интересов, так как оно принадлежит и персонифицируется через другие социальные субъекты (общество, социальные группы, индивиды и т. д.);

государство имеет собственные интересы.

Следует отметить, что вторая позиция представляется более верной. Это объясняется тем, что публичные и государственные интересы в ряде случаев не совпадают. При этом государство может игнорировать личные и публичные интересы, а может инициировать их координацию для поддержания необходимого равновесия интересов личности, общества и государства в настоящие моменты времени. Это вызывает необходимость теоретического решения вопроса о соотношении и балансе частных и публичных интересов [14, с. 125-135], о чем неоднократно обсуждалось в юридической литературе, и решения всегда были неоднозначными. Например, в советский период существование частного права отрицалось вообще, поскольку считалось, что разделение интересов на частные и публичные является результатом разделения труда и развития его производительности. Результатом такой политики стала стагнация экономического развития и, в конечном итоге, распад государства. Переход к рыночным отношениям выявил совершенно противоположную тенденцию. Обеспечить их эффективность можно было только путем освобождения от тотального государственного контроля и постепенного перехода к саморегулированию [15, с. 26-45]. Однако и в этом случае политики "переборщили", поскольку осуществляемые реформы подорвали престиж публичного права и вызвали экономический кризис, что отразилось на уровне жизни населения и, в результате, возникновении социальной напряженности. Указанные исторические факты доказывают необходимость достижения баланса между частными и публичными интересами в процессе правового регулирования. В противном случае государство, общество и личность вновь подвергнутся самым тяжелым последствиям.

На наш взгляд, в настоящее время наблюдается постепенное внедрение публичных интересов в частное право и, наоборот, частных интересов – в публичное право [17, с. 496]. Это обусловлено событиями, произошедшими в последние несколько лет: распространением пандемии коронавируса COVID-19, сложной внешнеполитической обстановкой, с одной стороны, и утверждением о необходимости разработки гибкой системы правового регулирования, которая является важным условием для создания цифровой экономики в России, с другой стороны. Это, в свою очередь, влечет за собой возникновение сложных правоотношений, которые выражают сотрудничество, равенство нормативных норм частного и публичного права при сохранении соответствующих методов правового регулирования, необходимых для регулирования конкретных правоотношений. Например, можно рассмотреть процесс становления правового регулирования корпоративных отношений в Российской Федерации. С советского периода происходило постепенное снижение императивности в их регулировании и предоставление большей дискреции. При этом оговаривается, что

эта дискреция должна быть ограниченной, поскольку свобода действий участников корпоративных отношений не следует делать неограниченной. Аргументируется, что следует ориентироваться на принцип добросовестности участников этих отношений (т.е. тем участникам, поведение которых недобросовестно, не предоставляется защита), а также на некоторые исходные положения (например, баланс интересов участников корпоративных отношений). Этот пример подтверждает распространённый тезис о том, что «чистого» разделения отраслей публичного и частного права не существует, а также подчёркивает общеобязательность диспозитивных норм, поскольку они закреплены в нормах законодательства [19, с. 41-43].

В юридических исследованиях утверждается, что устойчивой тенденцией в последнее время является социализация частного права, подразумевающая усиление влияния публичного права на частноправовые сферы жизни. Таким образом, ранее провозглашавшиеся принципы свободы и равенства участников гражданских отношений заменяются концепциями, обосновывающими ограничения и запреты, вводимые для решения насущных проблем, необходимых для дальнейшего развития общества. Например, тенденцией государственной поддержки в последнее время стало социальное предпринимательство, направленное на решение социальных проблем, которые стоят перед обществом в целом и его отдельными членами (например, обеспечение занятости социально уязвимых групп, производство товаров или предоставление услуг, поддержка наименее защищённых слоёв общества и т. д.). Другими словами, развитие частного права должно учитывать изменения в экономических отношениях. Ранее, при разработке гражданско-правовых норм основным принципом была декларируемая свобода участников гражданских правоотношений. Однако в настоящее время, под воздействием изменений в социальной и экономической сферах, акцент смещается на принцип необходимого вмешательства государства в частноправовые сферы отношения. Это означает, что государство вступает в гражданский оборот в новом качестве, и такая ситуация не всегда воспринимается как оправданная и безобидная.

В настоящее время актуальна вопрос ужесточения ограничений экономических прав граждан с целью обеспечения безопасности государства и общества. Хотя это конституционно разрешено (ст. 55 Конституции РФ), часто обсуждается чрезмерное вмешательство государства, подавляющее самостоятельность экономических субъектов. Приоритет публичных интересов перед частными в текущих условиях обоснован. Ограничения уменьшают варианты юридически дозволенного поведения, устанавливая пределы, но не доходя до полного запрета, чтобы предотвратить беспорядок и организовать экономическую деятельность в новых условиях.

Принцип приоритета и охраны прав, свобод и законных интересов человека и гражданина можно использовать для создания равновесия между частным и публичным правом. Например, эффективным является сочетание частноправовых и публично-правовых методов защиты. Юрисдикционные формы урегулирования конфликтов сложны и длительны, поэтому государство развивает неюрисдикционные инструменты, например, возможность подачи коллективных исков и претензионный порядок в спорах о защите прав потребителей. Однако эта тенденция может ограничить возможности гражданам обращаться в суд для защиты своих прав. Поэтому неюрисдикционные инструменты должны быть доступными, эффективными и без излишних формальностей.

Выводы. Баланс интересов между частным и публичным правом необходим для установления границ их регулирования. Он динамичен и обеспечивается через

закрепление прав и обязанностей участников правоотношений, отражая иерархию интересов в обществе. Государство определяет отношение к реализации прав и свобод граждан, особенно когда это касается государственной безопасности. Соразмерность баланса интересов заключается в разумном соотношении их значимости и затрат на их обеспечение, избегая чрезмерных ограничений или привилегий. В результате должно быть достигнуто состояние согласованности интересов, при котором ни один из них не отвергается, а все признаются и гарантируются. Правосубъектность государства и других публично-правовых образований в российском законодательстве должна учитывать этот баланс, обеспечивая законность и устойчивость взаимодействия государственных, публичных и частных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алдошин О.Н. Ответственность государств по обязательствам во внутреннем гражданском обороте // Журн. рос. права. 2001. № 1. С. 15-24.
2. Алексеев И.А. Муниципально-правовая ответственность как комплексный институт юридической ответственности // Государство и право. 2006. № 7. С. 90–99.
3. Альхименко В.В., Гришковец А.А., Салищева Н.Г. Общественный интерес в административном праве // Работы Института государства и права РАН. 2011. № 4. С. 98-129.
4. Андреев Ю.Н. Роль государства в гражданских правоотношениях. СПб. 2005. С. 205.
5. Бойцова Л.В. Ответственность государства за убытки, нанесённые гражданам в области правосудия: происхождение, суть, тенденции развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 33.
6. Гордеев П.А. Корпоративные отношения: переход от публичного к частному. Проблемы взаимодействия публичного и частного права: материалы 2 Междунар. науч.-практ. конф. отв. за вып. Г.З. Мансуров, А.В. Головизнин. Екатеринбург, 2018. С. 32-37.
7. Кряжков А.В. Общественный интерес: определение, виды и меры защиты. Государство и право. 1999. № 10. С. 91-99.
8. Лазаревский Н.И. Ответственность за убытки, нанесённые действиями должностных лиц. СПб., 1905. С. 307-309.
9. Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 27-37.
10. Маковский А.Л. Гражданская ответственность государства за действия властных органов. Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998. С. 67–122.
11. Мальцев Г.В. Понимание права. М., 1999. 499 с.
12. Полуничик Н. О возмещении вреда (убытков), нанесённого незаконными действиями государственных органов // Закон и экономика. 1998. № 10. С. 68–71.
13. Рухтин С. Ответственность государства перед жертвами терроризма в свете решений Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 50-52.
14. Субочев В.В. Взаимодействие интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Закон и государство: теория и практика. 2006. № 5. С. 125-135.
15. Суханов Е.А. О трудностях формирования и эволюции российского частного права // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. к 80-летию С.С. Алексеева. Москва; Екатеринбург, 2004. Вып. 3. С. 26-45.
16. Суханов Е.А. О ответственности государства по обязательствам в гражданском праве // Вестн. ВАС РФ. 2001. № 3. С. 15
17. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. 496 с.
18. Усков О. Проблемы гражданской правосубъектности государственных органов и органов местного самоуправления // Журнал российского права. 2003. № 9. С. 27-36.
19. Харитоновна Ю.С. Продажа имущества гражданина в процессе банкротства // Гражданское право. 2016. № 3. С. 41-43.

Поступила в редакцию 28.10.2024 г.

**FEATURES OF THE LEGAL PERSONALITY OF THE STATE
AND OTHER PUBLIC-LEGAL ENTITIES IN RUSSIAN LEGISLATION:
BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS**

R. R. Shulga, O. A. Tsopa

The article is devoted to the study features of the legal personality of the state and other public legal entities in the context of Russian legislation. Special attention is paid to the analysis of the concept, content and features of legal personality, as well as the types of public legal entities involved in legal relations. The procedures and cases of participation of public legal entities in civil relations, as well as the specifics of their property liability, are considered. The article also discusses the balance between public and private interests, which makes it possible to identify key aspects of interaction between the state and citizens in the legal field. Based on the analysis of normative legal acts and judicial practice, the authors propose recommendations for improving legislation in order to ensure a more effective balance of interests.

Keywords: legal personality, public legal entities, Russian legislation, property liability, balance of interests, public interests, private interests, legal relations.

Шульга Регина Рашидовна

кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой истории и права
ФБГОУ ВО «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк
regina1077@mail.ru
+7-949-282-10-77
ORCID 0000-0001-8933-993X

Цопа Ольга Аликовна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
ДГУЮ «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк
veryhappyolga@gmail.com
+7-949-418-41-49
ORCID 0009-0004-6065-8397

Shulga Regina

PhD in Law
Donetsk National Technical University, city Donetsk

Tsopa Olga

Senior Lecturer
Donbass State University of Justice, city Donetsk

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в научно-практическом журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право» принимаются не опубликованные ранее научные работы по проблемам экономики и права, а также критические обзоры современных экономико-политических работ.

В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

формулирование цели и постановка задач;

изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Текст статьи – шрифт TNR, размер 12 пт., с выравниванием по ширине; резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт TNR, размер 10 пт. Без автоматической расстановки переносов. Формулы, их компоненты и все переменные в тексте и отдельно в строках набираются только с помощью редактора формул Microsoft Equation 3.0 или MathType 5.0-6.0. Рисунки и таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Рисунки только черно-белого цвета, сгруппированные и размещенные по ширине текста на странице, без рамки! Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. Формулы выравниваются по центру и имеют, в случае необходимости, сквозную нумерацию по правому краю. Нумеровать следует только те формулы, на которые имеются ссылки в тексте.

Объем статьи **6-10 страниц печатного текста**. Поля зеркальные: верхнее – 3,0 см, нижнее – 3,0 см, внутри – 3,0 см, снаружи – 2,0 см. Междустрочный интервал – одинарный. Абзацный отступ – 1 см.

Текст статьи должен соответствовать следующей структурной схеме: Индекс УДК в верхнем левом углу страницы; **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов); копирайт, год, **инициалы и фамилия авторов**, полужирный, курсив, по левому краю **аннотация** объемом до 100 слов, должна кратко отражать предмет статьи, примененные методы исследований и основные результаты, полученные авторами, и заканчиваться **ключевыми словами** (до 10 слов, отделяются друг от друга точкой с запятой); **введение** (постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка целей статьи); **основная часть** (где излагаются основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов), как правило, содержит такие структурные элементы: **постановка задачи, анализ результатов, выводы** по данному исследованию (кратко и четко подытоживаются основные результаты, полученные авторами и перспективы дальнейших изысканий в данном направлении); **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка»).

3. После списка литературы дублируются: название статьи, а также фамилия и инициалы авторов двумя языками (русском и английском).

4. Рукопись статьи сопровождается заявлением, ведомостями про автора или авторов, название файла с анкетными данными начинается со слова «анкета», а потом идет фамилия автора (авторов).

5. Все статьи, направляемые в редакцию, подвергаются рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и техническому редактированию.

7. Окончательное решение о публикации, публикации после доработки или отклонении статьи принимается редакционной коллегией.

8. **Авторы несут полную ответственность за содержание предоставляемых в редакцию материалов**, в том числе, отсутствия в них информации, нарушающей нормы международного авторского, патентного или иных видов прав каких-либо физических, или юридических лиц.

Редактор: **В. В. Краснова**
Технический редактор: **А. А. Кужелева**
Компьютерная верстка: **А. А. Дрындак**

Свидетельство о государственной регистрации № 364 от 18.01.2016 г.

Адрес редакции:
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24,
283001, г. Донецк
Тел.: +7 (856) 302-92-56, 302-09-71
E-mail: fcl.ef@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/ec>

Подписано в печать 12.11.2024 г.
Формат 60 × 84/8. Бумага офсетная.
Печать - цифровая. Усл. печ. л. 12,12
Тираж 100 экз. Заказ № 16-Май-88

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24